

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Книжка 2.

МОСКВА.

Типографія В. Голье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.

1871.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~  
ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.  
~~~~~

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.**  
~~~~~

МОСКВА.

Типографія В. Готьє. на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.

1871.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.

Ректоръ Протоіерей *Александръ Горскій*.

С Л О В О

О ЖИЗНИ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЧУДОТВОРЦА.

Цѣль нашего слова и настоящаго вашего собранія одна: ибо какъ для васъ причиною собранія, такъ для меня предметомъ собесѣдованія служить Григорій великій. Но я думаю, что одинаковая требуется сила, — дѣятельно подвизаться въ добродѣтели и достойнымъ образомъ изложить подвиги добродѣтели словомъ. Посему намъ должно призвать ту помощь, съ которою онъ въ жизни совершалъ дѣла добродѣтели: а сія помощь, по моему мнѣнію, есть благодать Духа, которая, какъ въ жизни, такъ и въ словѣ, подкрѣпляетъ ревнующихъ о той и о другомъ. Итакъ, поелику оная славная и чудная жизнь свершилась еяю святаго Духа: то нужна молитва, чтобы сему слову снизошла такая же помощь, какою пользовался онъ во время жизни, дабы похвала сія не оказалась ниже достоинства самыхъ совершенствъ; но чтобы

онъ мужъ чрезъ воспоминаніе о его добродѣтеляхъ явился присутствующимъ такимъ же, какимъ онъ самъ былъ для видѣвшихъ дѣла его, современниковъ. Если бы воспоминаніе о людяхъ, болѣе прочихъ совершенныхъ въ добродѣтели, было бесполезно и слушающимъ не приносило никакого содѣйствія къ добру; тогда, быть можетъ, было бы излишне и совершенно бесполезно произносить похвальное слово, которое безъ всякой цѣли повѣствовало бы о немъ и напрасно обременяло слухъ. Поелику же сей благодатный предметъ слова, если надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ, принесетъ общую пользу для слушающихъ, какъ для плывущихъ на морѣ маякъ, направляя къ себѣ во мракѣ блуждающихъ по морю; то думаю я, намъ обоимъ равное нужно приложить стараніе: вамъ къ слышанію, а мнѣ къ составленію слова; поелику ясно, что добродѣтельная жизнь его, на подобіе свѣтильника, чрезъ воспоминаніе свѣтя душамъ нашимъ, указываетъ путь къ добру какъ описывающему его жизнь, такъ и слушающимъ; ибо мы, какъ люди, по природѣ своей, имѣемъ стремленіе ко всему похвальному и честному и желаемъ достигать онаго. Таковъ предметъ сей рѣчи! Впрочемъ я совершенно безопасно осмѣливаюсь приступить къ такому предмету, въ состояніи ли будетъ мое слово возвыситься до величія предмета, или нѣтъ;

потому что въ томъ и другомъ случаѣ слава прославляемаго останется одинаковою. Если слово мое будетъ соответствовать чуднымъ дѣламъ (его), то непременно изумить слухъ изображеніемъ совершенствъ; если же окажется ниже величія дѣлъ, то и тогда слава прославляемаго возсіяетъ; ибо оказаться выше способности хвалящихъ есть самая лучшая похвала для человѣка.

Впрочемъ никто изъ наученныхъ божественною мудростію не долженъ стараться по обычаю язычниковъ искусственными приѣмами похвальныхъ рѣчей восхвалять восхваляемаго духовно; ибо у насъ и у прочихъ сужденіе о прекрасномъ не одинаково,—и никто не найдетъ одинаковыхъ понятій о тѣхъ же предметахъ у живущихъ по обычаю міра и ставшихъ превъше міра. Для тѣхъ великимъ и достойнымъ вниманія и заботы представляется богатство, родъ, слава, мірское начальствованіе, миѣны объ основателяхъ роднаго города и, отвратительныя для имѣющихъ умъ, повѣствованія, трофеи, сраженія и бѣдствія, отъ войнъ приходящія; по нашему же сужденію, одно отечество чтится рай,—первое жилище человѣческаго рода, одинъ городъ — небесный, построенный изъ живыхъ камней, коего *художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10.); одна достопочтенность рода—сродство съ Богомъ, не случайно кому-либо до-

стающееся, по подобію благородства мірскаго, которое, послѣдовательно и само собою передаваясь, часто переходитъ и къ людямъ негоднымъ; но котораго не иначе можно достигнуть, какъ развѣ свободнымъ изволеніемъ: ибо *елицы пріяша Ею*, говоритъ божественный гласъ, *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12.). Что можетъ быть достопочтениѣе такого благородства? Съ именемъ отечества для всѣхъ прочихъ соединены басни, вымыслы и смѣшанныя съ баснословными сказаніями, демонскія прельщенія: наше же отечество не нуждается въ повѣствователяхъ. Ибо, кто взглянетъ на небо и его красоты и окомъ души разсмотритъ все твореніе, тотъ столько найдетъ въ немъ повѣствованій о нашемъ отечествѣ, сколько въ состояніи будетъ объять своимъ умомъ чудесь сего (творенія);—да притомъ еще не о самомъ отечествѣ, а о мѣстѣ пришельствія, о настоящемъ мірѣ, который мы получили въ удѣлъ, удалившись отъ горней жизни. Но если таково мѣсто пришельствія, то что должно подумать о томъ, каковъ главный городъ, отъ котораго зависитъ сіе преселеніе, какая въ немъ красота, какіе царскіе дворцы, каково блаженство тѣхъ, коимъ довелось обитать въ ономъ городѣ! Ибо если видимое въ твореніи таково, что превыше похвалъ; то что подумать о томъ, чего нельзя ни окомъ

обнять, ни слухомъ воспринять, ни умомъ отгадать? Этою духовною похвалою, божественный законъ хвалебныхъ словъ отстраняетъ отъ похваляемыхъ земныя глупости, считая постыднымъ, извѣстныхъ такими достоинствами прославлять тѣмъ, что въ чести на землѣ. Пусть мірской человѣкъ, обращающій вниманіе на вещественныя блага, собираетъ себѣ отъ нихъ похвалу у людей; пусть хвалится, что его родина богата скотомъ; или что близъ лежащее море изобилуетъ предметами (лакомыми) для обжоръ, или что камни, другъ на друга наложенные, украшаютъ строенія. Но кто имѣетъ въ виду высшую жизнь, для кого красота есть чистота души, богатство — нищета, отечество — добродѣтель, городъ — самыя царственныя обители Божіи; тотъ земную славу будетъ считать позоромъ. Итакъ и мы, отказавшись отъ такого рода похвалъ, не будемъ въ похвалу великому Григорию ставить отечество, не будемъ брать на помощь нашему похвальному слову его предковъ, зная, что никакая похвала не истинна, которая не составляетъ собственности похваляемыхъ; собственной же похвалою мы называемъ ту, которая пребываетъ всецѣло неотъемлемою отъ насъ навсегда.

Итакъ, поелику мы, за отстраненіемъ всего: богатства, знатности, славы, чести, наслажденія, удовольствій, родственниковъ, дру-

зей,—нераздѣльно остаемся съ однимъ только расположеніемъ къ злу, или добру; то одного только добродѣтельнаго человѣка и почитаемъ блаженнымъ. Никто впрочемъ пусть не думаетъ, что я, не имѣя сказать ничего почетнаго объ отечествѣ и предкахъ сего мужа, подъ видомъ кажушагося пренебреженія къ сему, скрадываю что нибудь служащее не къ чести его. Кто не знаетъ о прозваніи Понта, всѣми по преимуществу присвояемомъ странѣ, которымъ указывается на извѣстную добродѣтель первоначальныхъ обитателей этой страны? Ибо одинъ на всей землѣ и морѣ Понтъ сей именуется Евксинскимъ (гостеприимнымъ), потому ли, что имя сіе свидѣтельствуешь о привѣтливости ихъ къ посѣщающимъ ихъ чужестранцамъ, или потому вмѣстѣ, что эта страна не только мѣстнымъ жителямъ и туземцамъ, но и отвсюду стекающимся въ оную (иноземцамъ) въ изобиліи доставляетъ средства къ жизни; ибо такова природа сей страны, что она производитъ все необходимое для жизни, и не лишена произведеній другихъ странъ, потому что море дѣлаетъ ея собственностію привозимое отовсюду. Но хотя весь народъ сей таковъ, что какую бы часть его ни взять, подумаешь, что она превосходнѣе всѣхъ другихъ; тѣмъ не менѣе, по общему суду народа, какъ бы нѣкоторою главою всѣхъ другихъ окрестныхъ

городовъ есть (отечественный) городъ великаго Григорія, который одинъ знаменитый царь, державшій власть у Римлянъ, по имени Кесарь, плѣнившисъ этою мѣстностію и любивъ ее, призналъ достойнымъ городъ ея назвать, по своему имени, Неокесаріею. Но это нисколько не относится къ нашему предмету, и я не думаю искать славы онаго великаго во святыхъ въ томъ, что страна его изобилуетъ плодами, или что городъ украшенъ строеніями, или что сосѣднимъ моремъ со всѣхъ странъ въ изобиліи привозятся товары; неупомяну я также въ своемъ словѣ и о родителяхъ его, виновникахъ его плотскаго рожденія; не буду говорить объ ихъ богатствѣ, чести и мірской знатности. Ибо гробницы, памятники, надписи, мертвыя повѣствованія, что могутъ прибавить къ похвалѣ того, кто вознесъ себя выше всего міра? Впрочемъ невозможно и допустить, чтобы раздѣляли съ нимъ славу тѣ, коихъ родство, разумію родство духовное, онъ самъ отвергъ; ибо они осуетились лестію идольскою, а онъ, обратившисъ къ истинѣ, чрезъ вѣру сталъ членомъ горняго родства.

Посему, какъ, отъ кого онъ произошелъ, въ какомъ сначала жилъ городѣ, — все это, какъ нисколько не ведущее насъ къ предположенной цѣли, мы опускаемъ; а началомъ для похвалы его возьмемъ то время, какъ онъ

началь добродѣтельную жизнь. Въ самомъ юномъ возрастѣ оставленный безъ естественнаго присмотра, по кончинѣ своихъ родителей, когда умъ у большей части людей, по не совершенству возраста, погрѣшаетъ въ сужденіи о добрѣ, онъ тотчасъ съ самаго начала показалъ, каковъ онъ будетъ въ совершенномъ возрастѣ. И какъ благородныя растенія, когда съ перваго роста идутъ въ прямой стволъ, настоящею своею красотою указываютъ земледѣльцамъ на красоту будущую; такимъ же образомъ и онъ, въ то время когда у прочихъ отъ невѣденія душа бываетъ неустойчива, ибо юношество большею частію весьма легко увлекается предметами суетными и бесполезными, первымъ избраніемъ образа жизни показалъ на себѣ истину словъ Давида, что *праведникъ, яко финикъ, процвѣтетъ* (Пс. 91, 13.). Подлинно одно это дерево (финикъ) выходитъ прямо изъ земли съ совершенно полною по густотѣ листьевъ вершиною, и тогда какъ ростъ его прибываетъ въ длину, время ничего не прибавляетъ къ широтѣ его. Такъ и онъ разцвѣлъ съ перваго появленія ростка, избраніемъ образа жизни тотчасъ же являсь совершеннымъ съ высокою вершиною. Ибо, отложивъ все, чѣмъ увлекается юношескій возрастъ,—верховую ѣзду, охоту, украшенія, одежду, игры, удовольствія, онъ тотчасъ весь устремился къ стяжанію добродѣтели, приоб-

рѣтая одно за другимъ то, что всегда прилично его настоящему возрасту. Первою добродѣтелию, которую стяжать пожелалъ, является у него любовь къ мудрости; за нею, какъ нѣкое сопряженное съ нею жребя, послѣдовало цѣломудріе; обоимъ помогало воздержаніе; а негорделивость и незлобіе послѣдовали за презрѣніемъ денегъ; ибо нѣтъ другаго источника для тщеславія и гордости, если любостыжаніе не вводитъ за собою сіи страсти. О патріархѣ Авраамѣ повѣствуютъ, что онъ, изучивъ философію Халдеевъ, когда уразумѣлъ стройное и правильное положеніе и движеніе звѣздъ, знаніемъ о сихъ предметахъ воспользовался какъ ступенюю къ созерцанію высочайшаго блага, разсудивъ, что если таково подлежащее чувству, то каково должно быть то, что превышаетъ чувства; и такимъ образомъ достигъ искомаго, какъ-бы ставъ на ступень внѣшней мудрости и ею настолько возвысившись, что чрезъ нее приблизился нѣкоторымъ образомъ къ предметамъ непостижимымъ. Такъ и сей великій мужъ, изучивъ прилежно внѣшнюю философію, тѣмъ самымъ, что для многихъ служитъ опорю язычества, былъ приведенъ къ уразумѣнію христіанства, и оставивъ ложную религію отцевъ, взыскалъ истины суцаго, изъ самыхъ трудовъ внѣшней философіи познавъ несостоятельность языческаго ученія. Ибо замѣ-

тивъ, что философія какъ еллинская, такъ равно и иноземная, въ ученіи о Богѣ раздѣляется на различныя мнѣнія, и что представители сихъ мнѣній между собою не сходятся, а каждый усиливается при помощи изысканныхъ доказательствъ дать перевѣсъ своему мнѣнію, — онъ ихъ, какъ въ междуусобной войнѣ, взаимно другъ друга ниспровергающихъ, оставилъ. Воспринимаетъ же твердое слово вѣры, подкрѣпляемое не какими-либо утонченными умозаключеніями и искусственными словоизвитіями, но простыми словами всѣмъ равно возвѣщаемое, котораго достовѣрность заключается въ томъ самомъ, что превышаетъ вѣроятіе. Ибо если бы ученіе, о которомъ говоримъ мы, было таково, что можно объять его силою человѣческой мысли; то оно ничѣмъ не различалось бы отъ Еллинской мудрости, поелику и Елины, что въ состояніи понять, того и существованіе признаютъ; но такъ какъ уразумѣніе высочайшаго естества недоступно мысли человѣческой, то посему, мѣсто мышленія заступаетъ вѣра, доходящая до того, что превышаетъ умъ и разумѣніе. Посему, какъ о Моисеѣ писаніе говоритъ, что онъ наученъ былъ всей премудрости египетской (Дѣян. 7, 22.): такъ и сей великій нужъ, прошедши все ученіе Еллиновъ и опытомъ дознавши слабость и несостоятельность ихъ положеній, дѣлается ученикомъ

Евангелія. Впрочемъ, прежде нежели введенъ былъ (въ церковь) чрезъ таинственное и духовное рожденіе, онъ достигъ такого совершенства въ жизни, что не внесъ въ купель (крещенія) ни какой грѣховной скверны. Когда же онъ жилъ въ Египтѣ, въ большомъ городѣ Александріи, куда отовсюду стекалось юношество учиться философіи и врачебной наукѣ; то сей юноша украшенный цѣломудріемъ свѣше своего возраста, былъ непріятнымъ зрѣлищемъ для своихъ сверстниковъ; потому что похвала чистоты его служила укоризною для ведущихъ жизнь нечистую. Итакъ, чтобы сколько нибудь оправдать себя тѣмъ, что не одни только они кажутся таковыми, развратники придумали нѣкоторый коварный замыселъ, чтобы нанести какое нибудь пятно на жизнь великаго. Для оклеветанія его они употребляютъ распутную женщину изъ непотребнаго дома, извѣстную безчестнымъ поведеніемъ; вотъ, когда онъ, по своему обычаю, въ избранномъ обществѣ съ важнымъ видомъ разсуждалъ и бесѣдовалъ съ нимъ о какомъ-то философскомъ предметѣ, подступаетъ женщина съ притворною ласкою и нѣжностями, всѣми своими словами и дѣйствіями показывая видъ, будто она имѣетъ съ нимъ связь; далѣе говорить, что она обманута въ условной платѣ, присовокупляя по безстыдству и поводы, которые были причиною лишенія сей платы. Когда знавшіе его

чистую жизнь вознегодовали и воспылали гнѣвомъ на сію женщину, онъ нисколько не возмутился вмѣстѣ съ тѣми, которые изъ за него разсердились и, будучи оклеветанъ, не высказалъ ничего такого, что свойственно негодующему; не призывалъ свидѣтелей своей жизни, не отрицалъ порока клятвою, не обличалъ злобы тѣхъ, которые устроили противъ него этотъ замыселъ; но обратившись къ одному изъ своихъ товарищей, спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ сказалъ: такой-то! Отдай ей деньги, чтобъ она болѣе не докучала и не мѣшала нашему предположенному занятію и разговору. Когда получившій такое приказаніе, узнавъ отъ блудницы, сколько она просила съ него денегъ, тотчасъ же всѣ ей отдалъ, и когда навѣтъ развратниковъ противъ цѣломудраго достигъ цѣли и плата находилась уже въ рукахъ безчестной женщины: тогда отъ Бога является свидѣтельство о цѣломудріи юноши и обличеніе клеветы товарищей. Ибо тотчасъ же, какъ только приняла въ руку деньги, поверженная лукавымъ духомъ и съ дикимъ скрежетомъ испуская не-человѣческой вопль, она падаетъ ницъ посреди собранія, внезапно представивъ собою присутствующимъ ужасное и страшное зрѣлище: распушенные волоса, терзаемые ея руками, глаза на выкатѣ, ротъ, испускающій пѣну. И не прежде пересталъ душить ее де-

монъ, какъ оный великій мужъ воззвалъ къ Богу и умилилъ Его за нее.

Таковы повѣствованія о юности сего великаго мужа, начало по истинѣ достойное его послѣдующей жизни. Но и сіе чудо таково, что, еслибы нечего было еще другаго сказать кромѣ сего, то и тогда за это одно, ни предъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелию, онъ не долженъ занимать втораго мѣста въ похвалахъ. Богатый, юноша, живущій на чужбинѣ и поселившійся въ многлюдномъ городѣ, въ которомъ, потому что юноши свободно предаются удовольствіямъ, чистота жизни цѣломудренныхъ служила укоризною неразумнымъ,—когда ни мать не слѣдила строго за его поведеніемъ, ни отецъ не руководилъ его въ ежедневной жизни, безстрастіемъ возвысился до такой степени добродѣтели, что содѣлалъ свидѣтелемъ своей жизни Всевидящаго, который жестокимъ ударомъ обличилъ клевету женщины! Можно ли что-нибудь еще больше сего придумать для похвалы его? можно ли достойно надивиться ему? Умомъ преодолевъ природу и, какъ нѣкое ручное животное, подведши юность подъ ярмо разума, онъ сталъ выше волненія всѣхъ естественныхъ страстей; возбудивъ къ себѣ зависть, которая сопровождаетъ все прекрасное, сталъ выше и ея, когда не захотѣлъ мстить друзьямъ за ихъ коварство, и ту, которая слу-

жила для нихъ орудіемъ, чтобъ обезславить его, облагодѣтельствовалъ, избавивъ ее отъ демонскаго мученія молитвою. Таковъ, какъ знаемъ мы изъ исторіи, былъ Іосифъ; на его волю также представлялся случай совершить беззаконіе съ женою господина, когда она безумно увлеклась красотою юноши; свидѣлемъ его дерзости не было бы никого изъ людей: однако онъ, взирая на (всевидящее) око Божіе, предпочелъ лучше показаться порочнымъ, чѣмъ быть таковымъ, лучше подвергнуться наказанію злодѣевъ, нежели самому быть злодѣемъ. Но можно, пожалуй, сказать въ похвалу его больше того, что повѣствуется объ Іосифѣ; ибо не одинаково возбуждаетъ отвращеніе къ оскверненію: беззаконіе прелюбодѣвія и тотъ порокъ, который повидимому имѣетъ меньшую степень грѣховности. Итакъ, кто въ такомъ случаѣ, гдѣ не угрожало никакой опасности со стороны законовъ, самое удовольствіе, отъ грѣха происходящее, почелъ страшнѣе наказанія, тотъ или превзошелъ Іосифа величьемъ дивнаго поступка, или никакъ не можетъ быть поставленъ ниже его.

Таково начало его жизни: какова же самая жизнь? Когда по окончаніи полнаго обученія внѣшней мудрости, онъ встрѣтился съ Фирмилианомъ, однимъ изъ благородныхъ юношей Каппадокійскихъ, подобнымъ ему по нравамъ,

какъ то показавъ сей послѣдующею своею жизнію, содѣлавшись украшеніемъ Каппадокійской церкви; то открывъ сему другу образъ своихъ мыслей и своей жизни, какъ бы это было предъ самимъ Богомъ и узнавъ, что и сей имѣетъ такое же желаніе и стремленіе, оставляетъ всѣ занятія вышнейю философіею и приходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ главному въ то время руководителю въ Христіанской философіи,—то былъ Оригенъ, весьма славившійся своими сочиненіями, показывая этимъ самымъ не только любовь къ ученію и прилежаніе, но также сдержанность нрава и смиреніе духа; ибо будучи самъ исполненъ такой мудрости, не счелъ для себя униженіемъ прибѣгнуть къ другому учителю въ наукахъ божественныхъ. Проживши у сего учителя потребное для изученія ихъ время, онъ, не смотря на то, что многіе просили и удерживали его въ чужой землѣ и убѣждали остаться у нихъ, предпочетши всему землю его родившую, возвращается опять въ свое отечество, принося съ собою богатство многоразличной мудрости и знанія, которое подобно купцу нажилъ чрезъ обращеніе со всѣми, получившими извѣстность во вышнихъ наукахъ, мужами.

Для умѣющаго правильно судить о вещахъ, не совсѣмъ мало важнымъ для похвалы его покажется конечно и то, что онъ пренебрегъ такой общей просьбою города, не обратилъ

внимавія на стараніе всѣхъ лучшихъ въ немъ людей оставить его здѣсь, и на подобное желаніе пребывающихъ тамъ знатныхъ людей; ибо у всѣхъ у нихъ была цѣль, чтобъ остался при нихъ такой великій мужъ и направляя къ добродѣтели былъ законодателемъ ихъ жизни. Но онъ вездѣ, избѣгая поводовъ къ гордости, такъ какъ зналъ, что порокъ надменности большею частію служить началомъ худой жизни, какъ въ нѣкую пристань, переселяется въ тихую жизнь своего отечества. Здѣсь, когда весь народъ обратилъ на него вниманіе, и всѣ ожидали, что онъ обнаружитъ свою ученость всенародно въ общихъ собраніяхъ, дабы въ похвалахъ и извѣстности получить какой-нибудь плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ; сей великій мужъ, зная, съ чего должны начать проповѣдывать истинную философію тщательно усвоившіе оную, дабы не уязвить души своей страстію любочестія, (ибо похвала слушателей сильна настроить душу къ нѣкотораго рода гордости и надмѣть ее честолюбіемъ) — выказываетъ свою мудрость молчаніемъ, дѣломъ, а не словами показывая находящееся въ немъ сокровище; удалившись отъ шума площадей и отъ всей вообще городской жизни въ уединеніи пребывалъ самъ съ собою и чрезъ себя съ Богомъ, мало заботясь о всемъ мірѣ и дѣлахъ его, не любопытствуя о дѣлахъ государственныхъ, не рас-

прашивая о начальникахъ, не слушая разсказовъ, какъ идутъ какія-либо общественныя дѣла; но заботясь о томъ, какъ довести до совершенства душу путемъ добродѣтели, къ этому направилъ всѣ попеченія въ своей жизни, и распротившись со всѣмъ въ мірѣ, онъ содѣлался вторымъ Моисеемъ въ наше время, по истиннѣ соревнующимъ ему въ чудесахъ. Оба устранились отъ сей мятущейся и шумной жизни: Моисей и Григорій, и жили каждый въ свое время отдѣльно, сами по себѣ, доколѣ божественное явленіе не открыло этому и другому пользу чистой жизни; но за Моисеемъ вмѣстѣ съ любомудріемъ слѣдовала и жена, Григорій же избралъ сожительницею себѣ одну добродѣтель. И такъ, когда они оба стремились къ одинакой цѣли, — (ибо конечно причиною удаленія каждаго изъ нихъ отъ многлюдства было то, чтобы чистымъ душевнымъ окомъ созерцать божественныя тайны); то умѣющему хорошо оцѣнивать степени добродѣтели можно судить, у кого изъ нихъ жизнь была болѣе безстрастною: у того ли, кто снисходилъ къ законному и дозволенному участію въ удовольствіяхъ, или у того, кто возвысился надъ симъ и не давалъ никакого доступа къ себѣ плотскому пристрастію. Когда же Федимъ, который былъ въ то время предстоятелемъ церкви Амассійской, и имѣлъ свыше отъ Святаго Духа силу прозрѣ-

нія въ будущее, употреблялъ все стараніе, завладѣвши великимъ Григоріемъ, дать ему начальствованіе въ церкви, чтобъ онъ такую добрую жизнь не проводилъ праздно и бесполезно; то онъ, узнавъ о намѣреніи святителя, задумалъ скрыться, переходя изъ одной пустыни въ другую. Славный оный Федимъ испытывалъ всѣ средства, употреблялъ все искусство и стараніе, но не могъ привести къ священству сего мужа, принимавшаго всѣ предосторожности, чтобы не быть какъ-нибудь взятымъ рукою святителя; и тотъ и другой препирались въ своихъ усиліяхъ, одинъ желая поймать, другой избѣжать преслѣдующаго, ибо одинъ зналъ, что принесетъ Богу священный даръ, а другой боялся, чтобы присоединенныя къ жизни заботы священства, какъ нѣкоторое бремя, не послужили ему препятствіемъ въ любомудріи. Послѣ сего Федимъ, объятый нѣкоторымъ божественнымъ порывомъ къ предположенной цѣли, ни сколько не обращая вниманія на разстояніе, отдѣлявшее его отъ Григорія, (ибо онъ находился отъ него на разстояніи трехъ дней пути),— но воззрѣвъ къ Богу и сказавши, что Богъ въ часъ сей равно видитъ и его самага и того, вмѣсто руки налагаетъ на Григорія слово, посвятивъ его Богу, хотя онъ не присутствовалъ тѣломъ, назначаетъ ему оный городъ, который до того времени былъ одержимъ

идольскимъ заблужденіемъ, такъ что изъ безчисленнаго множества жителей, населяющихъ самый городъ и его окрестности, находилось не болѣе семнадцати человѣкъ, принявшихъ слово вѣры.

Такимъ образомъ принужденный взять на себя иго сіе, по совершеніи надъ нимъ послѣ сего всѣхъ узаконенныхъ (священнодѣйствій), испросивъ у назначившаго ему священство малое время для уразумѣнія въ точности таинства (вѣры) болѣе не нашелъ нужнымъ обращаться, какъ говоритъ Апостолъ (Гал. 1. 16.), къ *плоти и крови*, но свыше просилъ себѣ откровенія тайнъ, и не прежде осмѣлился проповѣдывать слово, какъ нѣкоторымъ явленіемъ открыта была ему истина. Однажды когда онъ цѣлую ночь размышлялъ о предметѣ вѣры и волнуемъ былъ различными помыслами, — (ибо были и въ то время нѣкоторые люди, которые искажали благочестивое ученіе и вѣроподобными умствованіями часто представляли истину сомнительною, даже для разумныхъ); — въ это время, когда онъ озабоченный искаженіемъ сей истины проводилъ ночь безъ сна, является на яву нѣкоторый мужъ въ человѣческомъ образѣ, по виду старецъ, святолѣпный по устроенію одежды, какъ пріятностію лица, такъ и стройностію вида, обнаруживающій признаки великой добродѣтели. Когда же онъ уstraшенный видѣніемъ боялся встать

съ постели и спросить, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ; сей, кроткимъ голосомъ успокоивъ его душевное смущеніе, сказалъ, что онъ явился ему, по божественному повелѣнію, для разрѣшенія его недоумѣній, чтобъ открыть истину благочестивой вѣры. При этихъ словахъ мужество возвратилось къ нему и онъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторою радостію и изумленіемъ. Потомъ, когда тотъ протянулъ прямо руку и прямо направленными перстами какъ бы указывалъ стоящее въ сторонѣ явленіе: онъ, обративъ свой взоръ по направленію его руки, увидѣлъ противъ лица явившагося другое видѣніе въ женскомъ образѣ превосходнѣйшемъ человѣческаго, — и опять утрашился до того, что склонилъ лице свое, приведенный въ замѣшательство видѣніемъ, и не въ состояніи будучи вынести сего явленія очами; необычайность сего видѣнія состояла особенно въ томъ, что въ самую глубокую ночь, такой свѣтъ окружалъ явившихся ему, какъ будто зажжена была нѣкая свѣтлая лампада. И такъ когда онъ не въ состояніи былъ выносить сего явленія глазами, услышалъ нѣкій разговоръ между явившимися ему лицами, которыя вели рѣчь другъ съ другомъ о предметѣ его изысканій. Черезъ этотъ разговоръ онъ не только научился истинному познанію вѣры, но и узналъ явившихся по именамъ; потому что каждый изъ нихъ назы-

валъ другаго собственнымъ его именемъ. Такъ, говорятъ, онъ услышалъ, что явившаяся въ женскомъ видѣ просила Евангелиста Юанна открыть юному (епископу) тайну благочестія, а тотъ сказалъ, что готовъ и въ этомъ сдѣлать пріятное матери Господа, поелику сіе ей угодно. Такимъ образомъ въ стройныхъ и краткихъ словахъ изрекши (сію тайну), опять скрылись съ глазъ. Григорій же и божественное оное откровеніе тотчасъ заключилъ въ письма, по оному послѣ проповѣдывалъ слово Божіе въ церкви и оставилъ сіе благодарованное ученіе, какъ нѣкое наслѣдіе потомкамъ; симъ ученіемъ даже до нынѣ тайноводствуется народъ онаго города, пребывъ неприкосновеннымъ отъ всякой еретической злобы. Слова же сего тайноводственнаго ученія таковы: «Одинъ Богъ Отецъ Слова живаго, премудрости вѣчностной, и силы и образа присносущаго; совершенный, родитель совершеннаго, Отецъ Сына едиnorodнаго. Одинъ Господь, единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, образъ и изображеніе Божества, Слово дѣйственное, мудрость, объемлющая составъ всего, и творческая сила всей твари, истинный Сынъ истиннаго Отца, невидимый невидимаго, нетлѣнный нетлѣннаго, безсмертный безсмертнаго, присносущій присносущаго. И одинъ Духъ Святый, отъ Бога имѣющій бытіе (*ὑπαρξιν*) и чрезъ Сына явившійся, то-есть,

человѣкамъ; образъ Сына, совершеннаго совершенный, жизнь,—вина живущихъ, источникъ святыи, святость, податель освященія; въ которомъ является Богъ Отець, иже надъ всѣми и во всѣхъ, и Богъ Сынъ, иже чрезъ всѣхъ. Троица совершенная, славою, вѣчностію и царствомъ не раздѣляемая и не отчуждаемая.» И такъ нѣтъ въ Троицѣ чего-либо сотвореннаго, или служебнаго; нѣтъ чего-либо принесеннаго, какъ бы прежде не бывшаго, а въ послѣдствіи привзошедшаго. И такъ, ни въ чемъ у Сына не было недостатка передъ Отцемъ, и у Святаго Духа передъ Сыномъ: но непремѣнна и неизмѣнна есть всегда та же Троица. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, пусть послушаетъ церковь, въ которой онъ проповѣдывалъ сіе ученіе: еще и до нынѣ хранятся тамъ самыя начертанія блаженной оной руки. Не равняются ли онѣ величіемъ благодати тѣмъ богоустроеннымъ скрижалямъ? Я говорю о тѣхъ скрижаляхъ, на которыхъ было начертано законодательство божественной воли. Ибо какъ о Моисеѣ говорить слово Божіе, что онъ, будучи внѣ видимаго и поставленный душою внутрь невидимаго, недоступнаго, (ибо на это указываетъ мракъ Исх. 20, 21.), позналъ божественныя тайны, и отъ себя научилъ богопознанію весь народъ; такъ тоже самое домостроительство можно видѣть и о семъ великомъ мужѣ. Для

него горою было не что-либо чувственное, не земная возвышенность, но высота стремленія къ истиннымъ догматамъ; мракомъ,—недоступное для прочихъ видѣніе; дскою,—душа; написанными на дскахъ письменами,—голосъ явившагося: чрезъ все это ему и тайноводствуемымъ отъ него совершилось откровеніе тайнъ.

И такъ, получивъ чрезъ оное откровеніе нѣкоторое дерзновеніе и смѣлость, какъ какой-нибудь боець, пріобрѣтши чрезъ (уроки своего) учителя достаточную силу и опытность въ борьбѣ, смѣло снимаетъ съ себя одежду на аренѣ и вступаетъ въ борьбу съ противникомъ; такимъ же образомъ и онъ, собственнымъ упражненіемъ и помощію явившейся ему благодати достаточно приготовивъ душу, выступаетъ на подвиги: ибо не инымъ чѣмъ, какъ подвигами и борьбою должно назвать всю его жизнь въ священствѣ, во время которой онъ вѣрою подвизался противъ всѣхъ силъ противника. Тотчасъ, оставивъ пустыню, онъ стремится въ городъ, въ которомъ долженъ былъ устроить Богу церковь. Когда узналъ, что вся страна сія одержима лестію бѣсовскою, что нигдѣ не устроено храма истинному Богу, но весь городъ и сосѣднія поселенія наполнены жертвенниками, капищами и кумирами (поелику весь народъ старался объ украшеніи храмовъ и капищъ идоль-

скихъ и объ утвержденіи между людьми безумнаго идолослуженія, поддерживая его торжествами и обрядами и нечистыми жертвоприношеніями); то, подобно какому-нибудь доблестному воину, который сразившись съ военачальникомъ, чрезъ него обращаетъ въ бѣгство и подчиненное ему войско, и сей великій мужъ начинаетъ подвигъ брани съ самихъ бѣсовъ. Какимъ же образомъ? Идя изъ пустыни въ городъ, поелику наступилъ вечеръ и пошелъ сильный дождь, онъ по пути заходитъ съ своими спутниками въ одинъ храмъ. Храмъ сей былъ изъ числа знаменитыхъ; въ немъ открыто сообщались жрецамъ внушенія чтимыхъ тамъ демоновъ, посредствомъ издаваемыхъ ими волшебныхъ предсказаній. Вошедши съ спутниками своими въ сей храмъ, онъ тотчасъ же привелъ въ ужасъ бѣсовъ призваніемъ имени Христова, и знаменіемъ креста очистивъ оскверненный жертвеннымъ дымомъ воздухъ, провелъ, по обычаю своему, всю ночь бодрствуя въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, такъ что оскверненное жертвенною нечистотою и кумирами мѣсто сіе обратилось въ домъ молитвы. Такимъ образомъ проведши ночь, поутру опять продолжалъ свой путь далѣе. Когда же жрецъ утромъ началъ совершать обычное служеніе демонамъ, говорятъ, что явившіеся ему демоны сказали, что храмъ сей недоступенъ для

нихъ по причинѣ пребывавшаго въ немъ. Сколько потомъ ни употреблялъ онъ нѣкоторыхъ очистительныхъ омовеній и жертвъ, чтобы водворить чрезъ то опять въ семъ храмѣ демоновъ; несмотря на всѣ попытки, его стараніе было напрасно; демоны никогда, по прежнему обычаю, не повиновались его призыванію. Тогда жрецъ, пылая гнѣвомъ и яростию, настигаетъ онаго великаго мужа, грозя ему всѣми страшными угрозами, — что онъ и донесетъ на него начальникамъ и употребить противъ него силу, и доведетъ до свѣдѣній царя о его дерзости, что онъ, будучи христианиномъ и врагомъ боговъ осмѣлился войти въ храмъ, что отъ входа его сила, дѣйствующая въ святилищѣ, удалилась и обычныхъ пророческихъ вѣщаній демоновъ въ сихъ мѣстахъ болѣе уже не бываетъ. Когда же Григорій сію дерзкую и грубую ярость жреца укротилъ великодушіемъ и всѣмъ угрозамъ противопоставлялъ помощь Божию и говорилъ, что онъ столько увѣренъ въ могущество Поборающаго ему, что по произволу можетъ прогонять демоновъ, откуда ни захочетъ и поселять въ такія мѣста, какія ему угодно, обѣщаясь представить на все сказанное тотчасъ же доказательства: то жрецъ, удивившись и изумившись величію власти, просилъ показать сію власть надъ этими самими демонами и поселить ихъ опять въ храмѣ. Выслушавъ

сіе, великій мужъ оторвалъ небольшою клочекъ изъ книги и далъ оный жрецу, написавъ на немъ нѣкоторое повелительное изреченіе демонамъ; самыя же слова, написанныя на немъ, были таковы: — «Григорій сатанѣ: войди.»—Жрецъ, взявши эту записку, положилъ на жертвенникъ; потомъ, когда совершилъ обычныя жертвоприношенія и мерзости, опять увидѣлъ то самое, что видѣлъ прежде чѣмъ демоны вышли изъ кумирни. Послѣ сего происшествія, онъ убѣдился, что Григорій владетъ нѣкоторою божественною силою, при помощи коей является сильнѣе демоновъ, и снова съ поспѣшностію догнавъ его, пока еще не ушелъ въ городъ, просилъ открыть ему тайну,—и кто сей Богъ, имѣющій власть надъ природою демонскою. Когда же сей великій мужъ въ краткихъ словахъ изложилъ тайну благочестія, съ жрецомъ симъ случилось нѣчто такое, что обыкновенно бываетъ съ людьми еще непосвященными въ божественныя таинства: онъ вѣру въ явленіе Божества людямъ во плоти почелъ униженіемъ понятія о Богѣ. Когда тотъ сказалъ ему, что вѣра въ сіе таинство утверждается не словами, но дѣйствительность его удостовѣрена чудесами, жрецъ пожелалъ видѣть отъ него еще чудо, чтобы такимъ образомъ онъ могъ придти къ убѣжденію въ вѣрѣ. Тогда, говорятъ, оный великій мужъ совершилъ самое невѣроятное

великое чудо. Жрецъ требовалъ, чтобы какой-нибудь изъ великихъ, предъ глазами у него лежащихъ камней, безъ помощи человѣческой руки, одною силою вѣры, по приказанію Григорія, двинулся и перешелъ на другое мѣсто; — и великій оный, нисколько не медля, тотчасъ приказалъ сему камню, какъ бы одушевленному существу тотчасъ же передвинуться въ показанное жрецомъ мѣсто. Послѣ сего чуда, этотъ человѣкъ тотчасъ увѣровалъ слову (Григорія), и оставивъ родъ, домъ, жену, дѣтей, друзей, жречество, домъ, имущество, вмѣсто всѣхъ принадлежащихъ ему благъ, предпочелъ сообщество съ онымъ великимъ мужемъ и соучастіе въ трудахъ его и въ божественномъ ономъ любомудріи и ученіи. Да умолкнетъ при этомъ всякая искусственная изобрѣтательность дѣписателей, краснорѣчіемъ преувеличивающая размѣры дивныхъ дѣяній; ибо не таково вышесказанное чудо, чтобы сила краснорѣчія повѣствующаго о немъ сдѣлала его большимъ или меньшимъ, нежели каково оно есть. Кто сказавши что-нибудь сверхъ сказаннаго, увеличитъ это чудо? Возможно ли кому-нибудь уменьшить въ слушателяхъ удивленіе къ совершившемуся? Камень отторгается отъ камней служащихъ камнямъ; камень дѣлается проповѣдникомъ божественной вѣры и путеводителемъ невѣрныхъ къ спасенію, не ка-

кимъ-либо голосомъ или словомъ проповѣдуя божественную силу, но тѣмъ, что сдѣлалъ, показывая, что возвѣщаемый Григоріемъ есть Богъ, которому одинаково подчинена и повинуется вся тварь,—не только одна чувствующая, живая и одушевленная, но и кромѣ сей, всякая другая такъ раболѣпно служитъ Ему, какъ будто не лишена была чувствъ. Естьли какой слухъ у камня? Естьли какое ощущеніе власти повелѣвающаго? Какая въ немъ способность къ передвиженію? Естьли какое строеніе членовъ и органовъ? Но все это и подобное сему замѣняетъ сила повелѣвающаго, узрѣвъ которую оный жрецъ тотъ часъ уразумѣлъ направленную на обольщеніе человѣческой природы демонскую лесть, возгнушался оною и обратился къ истинному Богу, отъ содѣланнаго рабомъ заключивъ о неизреченномъ могуществѣ Владыки. Ибо если такова сила у раба, что онъ словомъ движетъ неподвижное, даетъ приказаніе вещамъ безчувственнымъ, повелѣваетъ неодушевленному: то можно уразумѣть, какое обиліе силы у Владыки всего, воля котораго была какъ бы вѣкимъ веществомъ и устройствомъ, и силою самаго міра и всего находящагося какъ въ немъ, такъ и превыше его!

Такимъ образомъ сей великій мужъ, начавъ счастливую брань съ демоновъ, и, какъ нѣкій побѣдоносный трофей, ведя съ собою жреца,

приведши сначала въ изумленіе народъ молвою о себѣ, теперь съ увѣренностію и дерзновеніемъ входитъ въ городъ, величаясь не колесницами, конями и мулами, не множествомъ спутниковъ, но со славою окружаемый добродѣтелями. Всѣ жители города всенародно вышли посмотрѣть (на него) какъ бы на какое новое зрѣлище, увидѣть, кто это такой Григорій, который, будучи человѣкомъ, какъ какой-нибудь царь, имѣетъ власть надъ тѣми, кого они почитали за боговъ, дѣйствуетъ приказаніями, и демоновъ, какъ рабовъ, по своему усмотрѣнію поселяя куда хочетъ и изгоняя откуда пожелаетъ,—и который поработивъ ихъ какою-то властію, ведетъ съ собою и служителя ихъ, презрѣвшаго ту честь, въ которой былъ прежде, и всѣ блага свои промѣнявшаго на жизнь вмѣстѣ съ нимъ.

Когда съ такими мыслями всѣ ожидали его предъ городомъ и, видя его приближающимся, пристально смотрѣли на него, онъ проходитъ между людьми, какъ между бездушными деревьями; ни къ кому изъ встрѣчающихся не обращается, идетъ прямо въ городъ, чѣмъ самымъ приводитъ ихъ еще въ большее изумленіе, и кажется зрителямъ еще выше молвы о немъ. Входя въ первый разъ въ великій городъ при необыкновенной для него обстановкѣ, онъ не изумился такому множеству народа, собравшемуся ради его, но идя какбы

въ пустынь, смотрѣлъ только на себя и на дорогу, не обращаясь ни къ кому изъ собравшихся около; это самое показалось людямъ выше чуда, произведеннаго надъ камнемъ. По этой причинѣ, хотя и мало было, какъ мы сказали прежде, принявшихъ вѣру до управленія его, — онъ входилъ въ городъ такъ отсюда тѣснымъ сопровождающими, какъ будто весь городъ уже почтилъ его святительство. Но такъ какъ онъ тотчасъ же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ посвятилъ себя любови, освободилъ себя отъ всего, какъ отъ какаго бремени, такъ что не было у него ничего изъ необходимыхъ для жизни вещей: ни поля, ни мѣста, ни дома, но всѣмъ былъ онъ для себя самъ, или лучше сказать вѣра и добродѣтель были для него и отечествомъ, и домомъ, и богатствомъ; то, когда онъ вошелъ въ городъ, а дома ему для успокоенія нигдѣ не было, ни церковнаго, ни собственнаго, его спутники пришли въ смущеніе и безпокойство, гдѣ имъ пристать и у кого найти себѣ кровъ. Учитель говоритъ имъ: «что это вы, какъ будто находящіеся внѣ покровя Божія, безпокойтесь, гдѣ можно вамъ успокоить ваши тѣла? Ужели для васъ малымъ домомъ кажется Богъ, хотя о Немъ мы и живемъ, и движемся и есмь? Или тѣсень для васъ кровъ небесный, что вы ищете, кромѣ сего, другаго жилища? Да будетъ забота

у васъ о томъ лишь одномъ домѣ, который есть собственность каждаго, который создается добродѣтелями и воздвигается въ высоту; о немъ одномъ вы должны заботиться, чтобы такое жилище не было неустроено у васъ; а окружать себя земными стѣнами не приносить пользы ведущимъ жизнь добродѣтельную. О построеніи стѣнъ, какъ о дѣлѣ нужномъ, особенно заботятся, какъ и должно быть, люди, преданные пороку, потому что домъ часто скрываетъ тайныя ихъ беззаконія; но ведущіе жизнь добродѣтельную не имѣютъ ничего такого, что укрывать стѣнамъ.» Когда это онъ говорилъ къ своимъ спутникамъ, находившійся при этомъ одинъ знаменитый мужъ, по роду, богатству и всему прочему, чѣмъ обладалъ, считающійся въ числѣ первыхъ, (имя мужу сему Мусоній), видя, что у многихъ одно и тоже желаніе и забота, какъ бы принять сего мужа въ свои дома, предупреждая прочихъ, предвосхищаетъ благодать, прося великаго мужа остановиться у него и почитать своимъ входомъ его домъ, чтобы быть ему почетнѣе и извѣстнѣе и по смерти, такъ какъ время передаетъ память о таковой чести и потомкамъ. Поелику же и многіе другіе собравшіеся просили Григорія о томъ же, то онъ, считая справедливымъ отдать честь начавшему просить прежде, поблагодаривъ прочихъ въ ласковыхъ и почти-

тельныхъ выраженіяхъ, идетъ къ первому. Если описаніе дѣлъ его есть одно только простое и безыскусственное повѣствованіе, такъ какъ слово наше съ намѣреніемъ оставляетъ искусственную изобрѣтательность въ преувеличеніи дѣяній: то пусть и оно для тѣхъ, кои правильно судятъ о сихъ дѣлахъ, будетъ не маловажнымъ свидѣтельствомъ того, что упоминая о дивныхъ дѣлахъ его не станемъ прибѣгать къ вымысламъ, а достаточно намъ будетъ для совершеннѣйшей похвалы одного воспоминанія о его дѣлахъ; такъ природная красота на лицѣ цвѣтетъ нисколько не нуждаясь въ содѣйствіи искусственныхъ прикрасъ.

Слушавшихъ слово его сперва было малое число; но прежде нежели окончился день и зашло солнце, столько присоединилось ихъ къ первому собранію, что множество увѣровавшихъ достаточно было, чтобы составить народъ. Утромъ опять появляется народъ у дверей, вмѣстѣ съ ними и жены, и дѣти, и преклонные лѣтами и страждущіе отъ демоновъ или другаго какого-нибудь недуга. И онъ, стоя въ срединѣ, удѣлялъ силою Святаго Духа каждому изъ собравшихся то, что соотвѣтствовало его нуждамъ: проповѣдывалъ, разсуждалъ, увѣщевалъ, училъ, исцѣлялъ. И тѣмъ особенно привлекалъ онъ многихъ къ своей проповѣди, что одинаково дѣйствовалъ и на зрѣніе и на слухъ, и чрезъ то и другое

являлъ въ себѣ ясныя признаки присутствія божественной силы: ибо слухъ поражало слово, а зрѣніе;—чудеса, совершаемыя надъ большими. Плачущій получалъ утѣшеніе; юноша вразумленіе; старикъ наставляемъ приличными рѣчами; рабы, — чтобы повиновались господамъ своимъ, владѣльцы, чтобы чловѣколюбово обращались съ подчиненными; бѣднаго училъ онъ, что единственное богатство есть добродѣтель, что это имущество можетъ приобрести каждый, кто ни захочетъ; напротивъ того обладающаго богатствомъ вразумлялъ и училъ, что онъ только распорядитель своего имѣнія, а не господинъ. Женамъ подавая пристойныя, дѣтямъ — соотвѣтственныя возрасту, отцамъ —приличныя правила и, будучи всемъ вся, онъ, при содѣйствіи Духа, столько вдругъ привлекъ къ себѣ народа, что тотчасъ приступилъ къ построенію храма, потому что все деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію. Этотъ храмъ есть тотъ самый, начало строенія коего онъ самъ положилъ, а достойно украсилъ его одинъ изъ его преемниковъ. Храмъ сей видимъ до нынѣ. Тотчасъ же приступивъ (къ построенію его), оный великій мужъ заложилъ его на самомъ видномъ мѣстѣ города, полагая какъ бы нѣкоторое основаніе своего святительства, и совершилъ это дѣло при помощи нѣкоторой божественной силы, какъ свидѣтельствуется послѣдую-

щее время. Ибо во время случившагося однажды въ наши времена въ городѣ сильнѣйшаго землетрясенія, когда почти всё до основанія погибло, когда всё зданія, какъ частныя, такъ и общественныя разрушились и обратились въ развалины,—одинъ сей храмъ остался цѣлымъ и невредимымъ, такъ что и изъ сего открывается, съ помощію какой силы великій оный мужъ приступалъ къ дѣламъ своимъ. Но этимъ божественная сила показала и засвидѣтельствовала вѣру сего великаго мужа для отдаленныхъ потомковъ. А въ то время, такъ какъ всё жители какъ города, такъ и окрестностей его поражены были его апостольскими чудесами и вѣрили, что все, что онъ ни говоритъ и дѣлаетъ, дѣлаетъ и говоритъ силою божественною: то и въ спорныхъ житейскихъ дѣлахъ никакого другаго судилища не знали выше его, но всякій споръ и всё неудоборазрѣшимыя и запутанныя дѣла рѣзрѣшались его совѣтами. Отсюда чрезъ его благодатное вліяніе водворились въ городѣ законная справедливость и миръ какъ для всѣхъ вообще, такъ и для каждаго въ частности; много прибыло добра, какъ въ частности, такъ и вообще, потому что никакое зло не нарушало взаимнаго согласія.

Здѣсь не излишне, можетъ-быть, упомянуть объ одномъ судѣ его, такъ какъ, по пословицѣ, вся ткань узнается нами по обращику.

И божественное Писаніе, хотя Соломонъ много чинилъ судовъ между своими подданными, сочло достаточнымъ, въ одномъ представить всю мудрость сего мужа. Будучи судьей между двумя матерями, онъ, такъ какъ преступленія невозможно было изобличить, потому что каждая одинаково отказывалась отъ мертваго младенца и удерживала съ собою оставшагося въ живыхъ, хитростію съумѣлъ выпытать сокровенную истину. Такъ какъ преступленіе совершено было безъ свидѣтелей и подозрѣніе какъ въ истинѣ, такъ и во лжи могло одинаково падать какъ на ту, такъ и на другую: то онъ призвалъ къ себѣ на помощь, для засвидѣтельствванія истины, природу, вымышленною угрозою скрывши цѣль своего намѣренія. Притворно приказавъ тѣло какъ мертваго, такъ и живаго младенца разсѣчь поровну мечемъ и раздать равныя половины дѣтей матерямъ, предоставилъ природѣ рѣшить споръ объ истинѣ дѣла. Одна изъ нихъ охотно приняла это приказаніе и торопила палача, другая же, тронутая материнскою жалостію, рѣшилась уступить, прося пощадить дитя, (она считала милостію и то, если онъ хоть какъ-нибудь спасется): тогда царь, нашедши здѣсь средство для узнанія истины, даруетъ уступившей добровольно оправдательный приговоръ, разсудивъ, что не жалѣющая о смерти дитяти природою обличается

въ томъ, что она не мать того, коего смерти желаетъ. О какомъ же судѣ великаго Григорія рассказать и намъ? Два брата, юные по возрасту, недавно раздѣливъ между собою отцовское наслѣдство, присвоили себѣ каждый озеро, стараясь каждый завладѣть имъ всѣмъ и не допуская другъ друга пользоваться этимъ владѣніемъ вмѣстѣ. Судьею въ рѣшеніи сего спора становится учитель. Пришедши въ назначенное мѣсто, онъ сперва употребилъ въ дѣло свои собственные законы посредничества, склоняя ихъ къ примиренію и убѣждая юношей сойтись между собою дружелюбно и пользу мира предпочесть выгодѣ отъ дохода; ибо миръ во вѣки пребываетъ и съ живыми и съ умершими, а пользованіе доходами временно, осужденіе же за обиду вѣчно; это и прочее, что находилъ приличнымъ, говорилъ онъ для укрощенія юношеской беспорядочности. Но когда увѣщаніе сіе оказалось недѣйствительнымъ, и юноши горячились, и возбуждаемые надеждою прибыли, воспламенялись болѣе и болѣе гнѣвомъ; когда уже готовилось съ обѣихъ сторонъ войско изъ подвластныхъ имъ, множество рукъ подъ предводительствомъ гнѣва и юности жаждало крови и назначено было время битвы: (тогда) наканунѣ имѣющаго произойти съ обоихъ сторонъ боя, человѣкъ Божій, остававшійся на берегу сего озера и проводшій ночь въ

бодрствованіи, сдѣлавъ надъ водою нѣкоторымъ образомъ Моисево чудо, не ударомъ жезла раздѣливъ воду на двѣ части, но молитвою всю ее внезапно изсушивъ, къ утру сдѣлавъ озеро землею, сухою и безводною; такъ что и въ углубленіяхъ его нисколько не оставалось воды, тогда какъ до молитвы сего мужа оно было подобно морю. Рѣшивъ такъ этотъ споръ божественною силою, онъ опять удалился къ себѣ, а рѣшеніе, высказанное самими дѣлами, прекратило препирательство между юношами; ибо съ уничтоженіемъ предмета, изъ-за котораго готовилась у нихъ между собою ссора, миръ заступилъ мѣсто гнѣва и природа опять дала себя знать въ братьяхъ. И нынѣ можно видѣть явные слѣды этого божественнаго рѣшенія; ибо вокругъ тогда бывшаго озера еще и до нынѣ сохраняются нѣкоторые слѣды разлива воды, но, чтò тогда было погружено въ водѣ и находилось въ самой глубинѣ, все это теперь обратилось въ лѣсъ, жилище, луга и пашни. Мнѣ кажется, что самъ знаменитый Соломонъ не будетъ оспаривать превосходства такого суда. Ибо что болѣе важно въ разсужденіи добродѣтели: спасли груднаго младенца, котораго присвоили себѣ двѣ матери и которому для здоровья было совершенно равно, родившая его, или другая женщина станетъ заботиться о его воспитаніи, — или даровать спасеніе двумъ

юношамъ, которые, только что вступивъ въ общественную жизнь, подстрекаемые гнѣвомъ ко взаимному убійству, спустя нѣсколько времени должны были поднявъ вооруженныя руки другъ на друга, представить зрѣлище, скорбное для современниковъ,—юношамъ, которымъ предстояла опасность, или обоимъ быть умерщвленными другъ другомъ, или одному совершенно опозорить себя братоубійствомъ? Не говорю о тѣхъ, кои были собраны для боя тѣмъ и другимъ, и возбуждены одинаковымъ гнѣвомъ, у которыхъ цѣль взаимнаго стремленія другъ противъ друга была смерть противниковъ. И такъ, кто молитвою отвратилъ опредѣленный по враждѣ лукаваго смертный приговоръ противъ нихъ и восстановилъ природныя чувства, стремленіе къ убійству измѣнивъ въ мирное расположеніе: тотъ, по справедливости, во сколько разъ больше достоинъ удивленія въ дѣлѣ суда, въ сравненіи съ тѣмъ, кто открылъ коварство блудницы? А о чудѣ надъ водою, — какъ вдругъ судоходное мѣсто измѣнилось въ твердую землю, озеро сдѣлалось углубленною равниною, и что прежде какъ бы замѣняло собою море, то теперь пригодно для принесенія плодовъ, — объ этомъ чудѣ, я думаю, лучше молчать, чѣмъ распространяться словомъ, потому что разсказъ не можетъ по достоинству сравняться съ величіемъ самаго предмета.

Ибо какое знаемъ мы изъ упоминаемыхъ въ писаніи чудесъ, которое могло бы быть, по сравненіи, равнымъ сему чуду? Иисусъ Навинъ остановилъ воды рѣки Іордана, но только до тѣхъ поръ пока стоялъ въ водѣ ковчегъ завѣта; когда же перешелъ народъ и перенесенъ былъ ковчегъ, онъ опять возвратилъ рѣкѣ обычное теченіе. Открывается дно водной глубины въ Черномъ морѣ, когда вѣтеръ разогналъ море на обѣ стороны; но время чуда сего продолжалось дотолѣ, пока совершился переходъ воинства по глубинѣ морской сухимъ путемъ. Послѣ же того является опять одна поверхность воды, и раздѣлившееся на малое время опять соединилось вмѣстѣ: а здѣсь случившееся однажды такъ и осталось, какъ было, такъ что время не лишаетъ достовѣрности сего чуда, о которомъ постоянно свидѣтельствуешь видимость. Такого рода было чудо его надъ озеромъ, о которомъ рассказываютъ и слѣды котораго показываютъ.

Указываютъ также и сохраняютъ въ памяти чудо, совершенное имъ послѣ сего, инаго рода. По странѣ Понтійской протекаетъ одна рѣка, самымъ именемъ указывающая на быстроту и неукротимость теченія, ибо, по вреду, причиняемому ею, жителями именуется *Λιχός* (волкъ). Съ такою силою несетъ она отъ истоковъ своихъ изъ Арменіи, потому

что высокія горы сей страны доставляютъ ей обильную воду. Но будучи глубока во всѣхъ мѣстахъ, протекая по подошвамъ горъ, особенно переполняется зимними потоками, принимая въ себя всѣ стекающія съ горъ воды. Въ низменностяхъ же той страны, чрезъ которую протекаетъ, стѣсняемая съ обѣихъ сторонъ берегами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ часто выходитъ изъ русла по обѣ стороны, затопляя водою все, что выше ея лежа, такъ что жители этихъ мѣстъ постоянно подвергаются неожиданнымъ опасностямъ, потому что рѣка часто въ ненастную ночь, а верѣдко и днемъ наводняетъ поля. Посему не только растенія, посѣвы и животныя погибаютъ отъ такого стремленія воды; но даже и сами жители подвергаются опасности, неожиданно испытывая отъ сего наводненія какъ бы кораблекрушеніе въ домахъ своихъ.

И такъ когда слухъ о совершенныхъ онымъ великимъ мужемъ чудесахъ распространился повсемѣстно, то всѣ жившіе близъ этой части рѣки: мужи, жены, дѣти, всенародно поднявшись идутъ къ нему съ прошеніемъ, умоляя его даровать имъ какое-нибудь облегченіе отъ неожиданно постигающихъ бѣдъ. Ибо онъ говорилъ, что чрезъ него Богъ можетъ сдѣлать все, что недоступно искусству и уму человѣческому; они же съ своей стороны не упускали ничего, что зависѣло отъ воли и

силъ человѣческихъ, бросали камни, устраивали насыпи, дѣлали и все прочее, что, обыкновенно, придумывается для избѣжанія сихъ золь, но не могли остановить наносимыхъ водою бѣдъ. И чтобъ еще болѣе возбудить въ немъ состраданіе, просили чтобъ онъ самъ лично посмотрѣлъ на сіе несчастіе и убѣдился что имъ даже невозможно перенести своихъ жилищъ, и что во всякое время имъ грозитъ смерть отъ напора воды. И такъ онъ пришелъ на (означенное) мѣсто, потому что лѣность никогда не служила ему препятствіемъ въ заботахъ о добрѣ, и онъ не нуждался ни въ колесницѣ, ни въ коняхъ, ни въ другомъ чемъ-либо для своего проѣзда, но опираясь на одинъ жезлъ, совершилъ весь путь, любомудрствуя, съ своими спутниками о чаемой горней жизни, чѣмъ всегда по преимуществу занимаясь, прочія дѣла считалъ посторонними въ сравненіи съ симъ превосходнѣйшимъ занятіемъ. И когда путеводители показали ему уклоненіе рѣки, и самые слѣды бѣдствія были явны, потому что это мѣсто отъ разлива водъ было изрыто и представляло глубокія ямы, то онъ такъ сказалъ собравшимся: «не человѣческое дѣло, братія, измѣнять направленіе теченія воды; одна только божественная сила можетъ сдѣлать это и заключить стремленіе водъ въ извѣстные предѣлы; ибо такъ говорить пророкъ къ Богу: *предѣлъ положилъ еси,*

его же не придетъ (Пс. 103, 9); одному владыкѣ твари—Христу подвластна природа стихій, неизмѣнно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поставлена. И такъ, поелнку есть Богъ, законополагающій предѣлы водамъ, то Онъ одинъ своею силою и можетъ удержать беспорядочное теченіе этой рѣки.» Сказавъ,— и какъ бы вдохновенный божественною мыслию, великимъ гласомъ молитвенно призвавъ Христа придти къ нему на помощь въ предстоящемъ дѣлѣ, водружаетъ жезлъ, который имѣлъ въ рукѣ, въ испорченное водою мѣсто берега. Такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ была влажна и илиста, то удобно вдавливалась въ глубь, уступая тяжести жезла и рукъ втыкающаго. Потомъ, помолившись Богу, чтобъ это было какъ бы нѣкоторымъ запоромъ и преградою беспорядочному стремленію водъ, опять возвратился назадъ, показавъ самымъ дѣломъ, что все имъ производимое совершается божественною силою; ибо немного времени спустя, жезлъ сей, пустивъ корень въ берегъ рѣки возросъ въ дерево. Для рѣки это дерево послужило предѣломъ теченія, а для жителей того мѣста оно служитъ зрѣлищемъ и предметомъ историческаго разсказа; ибо когда оная рѣка, переполняясь отъ дождей и ручьевъ, несетя съ быстрымъ стремленіемъ и страшнымъ шумомъ, то ударяясь поверхностью волнъ о стволъ сего дерева, опять под-

ниматся въ верхъ и направляетъ стремленіе водъ къ срединѣ (русла), и какъ бы боясь коснуться сего дерева, косвеннымъ теченіемъ обходитъ сіе мѣсто. Такова сила великаго Григорія, лучше же,—совершающаго имъ чуда Бога! Ибо природа стихій, какъ бы какая-нибудь невольница, является измѣняющеюся какъ угодно, соотвѣтственно приказаніямъ, такъ что озеро перемѣняется въ сухую страну, и затопляемое водою мѣсто заселяется, потому что жезлъ сдѣлалъ его безопаснымъ для жителей. Имя этому дереву даже до нынѣ—*жезлъ*, и оно во все время сохраняется мѣстными жителями на память благодати и силы Григорія. Какое изъ пророческихъ чудесъ можно поставить въ сравненіе съ сими чудесами? Укажу ли на раздѣленіе Іордана, которое ударомъ милоти совершилъ Ілія предъ возшествіемъ на небо, а послѣ его Елисей, наслѣдникъ его милоти и духа? Но тогда поелику вода раздѣлялась на время, какое было потребно для однихъ пророковъ, то Іорданъ сдѣлался проходимымъ, оставивъ проходъ между своими волнами, только на то время пока ноги пророковъ прошли по суху чрезъ дно его; въ послѣдующее же время и для прочихъ людей онъ остался такимъ же, какимъ былъ и прежде. Рѣка же *Ликосъ*, послѣ того какъ однажды была удержана въ своемъ беспорядочномъ стремленіи, дѣлаетъ чудо

Григорія постояннымъ, во все послѣдующее время, оставаясь такою, какою сдѣлала ее вѣра великаго мужа во время чудотворенія. И цѣль того, что было совершено, было невозбужденіе удивленія зрителей, но спасеніе живущихъ около сей рѣки, такъ что хотя чудо и одинаково, (поселику естество воды одинаково повинуетъ какъ пророкамъ, такъ и подражателю пророковъ): но, если можно сказать съ дерзновеніемъ, чудо совершенное Григоріемъ по отношенію къ человѣколюбію, преимуществуетъ предъ тѣми (чудесами); потому что чрезъ оное сдѣлалась безопасною жизнь жителей; такъ какъ вода однажды направленная въ своемъ теченіи, осталась неизмѣнною и на послѣдующее время.

Когда слухъ о такихъ чудесахъ распространился по всей странѣ и всѣ увѣровали, что они производятся силою вѣры во Христа: тогда всѣ пожелали быть общниками сей вѣры, свидѣтельствуемой такими чудесами; повсюду распространялась проповѣдь, было въ дѣйствиіи таинство (крещенія и усиливалось стремленіе къ добродѣтели; повсюду учреждалось священство), дабы чрезъ то увеличивалась и возрастала вѣра. Посему посылается къ нему посольство изъ одного сосѣдняго города, чтобъ онъ пришелъ къ нимъ и находящуюся у нихъ церковь утвердилъ священствомъ. Имя сему городу Ко-

мана; всѣ жители этого города какъ милости просили, чтобы сей великій мужъ удостоилъ посѣтить ихъ. И такъ онъ пришелъ къ нимъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія у нихъ словами своими и дѣлами воспламеняетъ въ нихъ еще больше желаніе таинства. Когда же пришло время выполнить цѣль посольства и назначить кого-либо изъ нихъ въ епископы устроенной у нихъ церкви: тогда умы всѣхъ главныхъ лицъ въ городѣ обращены были на тѣхъ, которые, повидимому, превосходили прочихъ краснорѣчіемъ, знатностію рода и прочими внѣшними достоинствами. Они думали, что, такъ какъ и великій Григорій обладалъ всѣмъ этимъ; то и имѣющій получить оную благодать не долженъ быть лишенъ этихъ преимуществъ. Когда же мнѣнія ихъ сильно раздѣлялись и одни предпочитали того, другіе,—другаго, великій ожидалъ себѣ на предстоящее дѣло какого-либо указанія свыше. И какъ упоминается о Самуилѣ, что онъ, избирая на царство не увлекался красотою и величіемъ тѣла, но искалъ царской души, хотя бы она обрѣлась и въ презрѣнномъ тѣлѣ: такъ и сей не обращая вниманія на мнѣнія о каждомъ изъ избираемыхъ лицъ, на то одно смотрѣлъ, не проявлялъ ли кто и прежде сего избранія, строгостію жизни и добродѣтели, въ своей нравственности священства. Когда тѣ представляли избран-

ныхъ ими съ похвалами, превознося каждый своего, онъ приказалъ обратить вниманіе и на тѣхъ, которые по внѣшнему образу жизни бѣднѣе другихъ: ибо и между таковыми можетъ найтись человѣкъ, который по богатству душевному выше обладающихъ внѣшними достоинствами жизни. Одинъ изъ принимавшихъ главное участіе въ избраніи почелъ за оскорбленіе и обиду то мнѣніе великаго, что если никто изъ прочихъ, отличающихся краснорѣчіемъ, достоинствомъ и въ пользу которыхъ свидѣтельствуеетъ внѣшняя жизнь, не будетъ допущенъ къ святительству, то быть можетъ найдутся и изъ простаго народа нѣкоторые болѣе достойные для такой благодати; вмѣстѣ съ тѣмъ подошедши къ нему съ насмѣшкою сказалъ: «если ты велишь, чтобы такіе и столь извѣстные, изъ всего города избранные люди, были обойдены, а чтобы въ предстоятели священства былъ избранъ кто-либо изъ черни: то тебѣ остается призвать къ святительству угольщика Александра; если угодно, мы цѣлымъ городомъ перейдемъ на его сторону и единогласно выберемъ его.» Онъ говорилъ это въ укоръ сужденію Григорія, и чтобы симъ насмѣшливымъ выборомъ высказать порицаніе его строгости въ отношеніи къ лучшимъ людямъ. У великаго же отъ сихъ словъ является въ душѣ мысль, что не безъ воли Божіей Александръ пришелъ на

память избирателямъ и о немъ заговорили. «Кто это такой Александръ, спросилъ онъ, о которомъ вы упомянули?» Потому когда одинъ изъ присутствующихъ со смѣхомъ вывелъ на средину упомянутаго, одѣтаго въ худое рубище и то не на всемъ тѣлѣ, и вмѣстѣ всею внѣшностію,—руками, лицомъ и всѣмъ тѣломъ, запачканнымъ отъ дѣланія углей, указывающаго на свое ремесло; то въ такомъ видѣ стоящій на срединѣ Александръ былъ предметомъ смѣха для прочихъ. Но для прозорливаго онаго ока настоящее зрѣлище было предметомъ великаго изумленія: мужъ въ крайней бѣдности и въ презрѣнномъ видѣ обращаетъ вниманіе только на себя и какъ бы радуется этой наружности, которая для неопытныхъ глазъ служила предметомъ смѣха. Дѣло было вотъ въ чемъ: не по нуждѣ и бѣдности сей мужъ избралъ такой образъ жизни, но былъ нѣкотораго рода философомъ, какъ показала послѣдующая его жизнь, и былъ выше прочихъ, такъ что сподобился даже мученичества, окончивъ жизнь свою огнемъ; но вознамѣрился, или лучше старался скрыть это, потому что низко цѣнили то благополучіе, о которомъ заботятся многіе и за ничто считалъ сію жизнь, стремясь къ высшей и истинной жизни. И чтобы лучше успѣть въ стремленіи къ добродѣтели, онъ старался искусно скрыть свои достоинства подъ самымъ

низкимъ родомъ занятій, прикрываясь имъ какъ бы какою безобразною личиною. Кроме того, находясь въ цвѣтущей юности, считалъ опаснымъ для достиженія цѣломудрія, обнаруживать красоту своего тѣла, и какъ бы гордиться счастливымъ даромъ природы; ибо зналъ, что этотъ даръ бываетъ для многихъ поводомъ къ тяжкимъ паденіямъ. И такъ, для того, чтобы съ нимъ не случилось чего-либо имъ не желаемого, ни самому не послужить для чужихъ очей предметомъ страсти, онъ какъ бы нѣкоторую безобразную личину, добровольно беретъ на себя ремесло угольщика. При такомъ родѣ занятія тѣло упражнялось въ трудахъ для добродѣтели, красота покрывалась угольною нечистотою и вмѣстѣ съ тѣмъ добываемыя сими трудами деньги употреблялись въ пособіе къ исполненію заповѣдей. Григорій, послѣ того какъ, выведши его изъ собранія, тщательно распросилъ его обо всемъ до него касающемся, поручаетъ его прибывшимъ съ нимъ, приказавъ исполнить, что было нужно; а самъ возвратившись опять въ собраніе, изъ настоящаго случая беретъ предметъ для поученія народа, предлагая ему бесѣду о священствѣ и изображая въ ней добродѣтельную жизнь. Такого рода бесѣду продолжалъ онъ, удерживая собраніе до тѣхъ поръ, пока служащіе ему, исполнивъ его повелѣніе, возвратились съ Александромъ,

уже омытымъ отъ нечистоты сажи въ банѣ и одѣтымъ въ (собственныя) одежды великаго; ибо это имъ приказано было сдѣлать. Когда же всѣ обратили взоры на Александра и дивились такому явленію: «нѣтъ ничего необыкновеннаго», сказалъ имъ учитель, «въ томъ, что зрѣніе обмануло васъ, когда вы одному чувству дозволили судить о красотѣ; чувство, заграждая (намъ) входъ въ глубину разумнія, есть невѣрное средство для сужденія объ истинѣ вещей; да притомъ же и самому врагу благочестія, — демону, было вполнѣ приятно, чтобъ избранный сосудъ пребывалъ въ бездѣйствіи, скрываясь въ неизвѣстности, и чтобы не выставлялся на видъ мужъ, имѣющій быть истребителемъ его владычества.» Сказавъ это, посвящаетъ Богу сего мужа, законнымъ образомъ низведши на него благодать священства. Когда всѣ обратились взорами къ новопоставленному святителю и просили сказать нѣкоторое слово къ церкви, то Александръ тотчасъ же, при самомъ вступленіи въ сей санъ доказалъ, что судъ объ немъ великаго Григорія не ложенъ: ибо слово его было исполнено ума, хотя и мало украшалось цвѣтами краснорѣчія. По этому поводу одинъ дерзкій юноша изъ Аттики, проживавшій у нихъ, посмѣялся надъ недостатками его рѣчи, (сказавъ) что она не украшена аттическимъ искусствомъ, но былъ, говорятъ, вразумленъ

божественнымъ видѣніемъ; онъ увидѣлъ стадо голубей, сіяющихъ нѣкоею неописанною красотою, и услышалъ какъ кто-то говорилъ, что это тѣ самые голуби Александра, надъ которыми онъ посмѣялся. Какому изъ сихъ чудесъ болѣе удивляться? Тому ли, что сей мужъ не посмотрѣлъ, какъ судили о достоинствахъ другіе и не увлекся свидѣтельствомъ людей знатныхъ? Или болѣе удивляться сокровенному въ угляхъ сокровищу, правильное сужденіе о которомъ (Григорія) тотчасъ засвидѣтельствовано Богомъ чрезъ послѣдовавшее ритору видѣніе? Мнѣ кажется, что то и друго чудо само по себѣ такого рода, что можетъ соперничествовать одно съ другимъ, а предъ всѣми преждеупомянутыми чудесами оба едва ли не преимуществуютъ. Ибо противорѣчить желанію сильныхъ было яснѣйшимъ признакомъ духа твердаго и возвышеннаго, который одинаково смотритъ на всѣ явленія въ мірѣ, къ величію ли и славѣ относятся они, или къ униженію и презрѣнію; но такъ какъ онъ отдавалъ предпочтеніе одной добродѣтели и одну порочную жизнь считалъ презрѣнною, то въ ничто вмѣнялъ все, что въ жизни считается достойнымъ какого-нибудь уваженія или презрѣнія. Такъ дѣйствительно онъ и поступилъ тогда; ибо, стараясь найти челоуѣка Богу угоднаго и достойнаго, онъ не думалъ почитать достовѣрнымъ дока-

зательствомъ сего ни богатства, ни достоинства, ни мірской знатности, такъ какъ ни того, ни другаго слово Божіе не включаетъ въ число благъ. И такъ не то одно достойно похвалы и удивленія, что онъ не согласился съ желаніями начальниковъ, но и то, что онъ превзошелъ самъ себя въ томъ, что послѣдовало далѣе: еслибъ онъ только отстранилъ недостойный выборъ, но не представилъ бы, что еще требовалось затѣмъ, то конечно воспрепятствовалъ бы злу, но добра еще не совершилъ. Но онъ, кромѣ того, что не далъ согласія на худое, нашелъ даже лучшее; такимъ образомъ тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ совершилъ благое дѣло, — и не давъ доступа злу, и приведя въ дѣйствіе добро; такъ что въ томъ и другомъ отношеніи Григорій великій явился благодѣтелемъ городу, — предохранивъ ихъ отъ погрѣшности невѣденія и обнаруживъ сокровенное у нихъ благо.

Поелику же при содѣйствіи святаго Духа все совершилось успѣшно по желанію сего великаго мужа; то не будетъ не благовременно, всѣмъ рассказать здѣсь и объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся съ нимъ на пути, дабы во всемъ видна была соприсущая сему мужу благодать. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что мужъ сей преимущественно заботился о томъ, чтобы всегда подавать утѣшеніе нуждающимся: то два Еврея, имѣя ли

въ виду прибыль, или вознамѣрившись по-смѣяться надъ симъ мужемъ, что его легко можно обмануть, стерегутъ его на возвратномъ пути; одинъ изъ нихъ, притворившись мертвымъ, лежалъ на краю дороги, растянувшись навзничъ, другой же, будто бы въ самомъ дѣлѣ, оплакивая умершаго, подражалъ воплю рыдающихъ и звалъ мимоидущаго великаго, говоря, что сей несчастный, пораженный внезапно смертію, лежитъ нагой и безъ приготовленія къ погребенію. И такъ просилъ сего великаго мужа не пренебречь усопшаго, но сжалившись хоть сколько-нибудь надъ бѣдностію, подать сколько возможно на прикрытіе тѣла; сими и подобными словами упрашивалъ онъ. Сей ни мало не медля, бывшую на немъ верхнюю одежду возложивъ на умершаго, отправился въ дальнѣйшій путь. Когда, по удаленіи его, такъ дерзко наругавшіеся надъ нимъ остались одни, обманщикъ, перемѣнивъ притворный плачь на смѣхъ, заставлялъ лежащаго встать, хохоча и радуясь той прибыли, которую доставилъ имъ обманъ. Но тотъ оставался въ одинаковомъ положеніи, ни сколько не слушая его словъ. Когда онъ сталъ звать его болѣе громкимъ голосомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толкать его ногою, лежащій тѣмъ не менѣе ни голоса не слышалъ, ни удара не чувствовалъ, но лежалъ протянувшись въ одинаковомъ положеніи; потому что тотчасъ же,

какъ была возложена на него одежда, въ самомъ дѣлѣ сдѣлался мертвъ за то, что притворился имъ, чтобъ обмануть онаго великаго, такъ что сей человекъ Божій не былъ обмануть, но для какого употребленія далъ одежду, для того она и оказалась пригодною взявшимъ ее. Если такое дѣло вѣры и силы сего великаго мужа кажется жестокимъ, то никто не долженъ удивляться сему, имѣя въ виду великаго Петра. Ибо и онъ не одними только благодѣнїями выказывалъ присущую ему силу, храмаго отъ рожденія являя народу бѣгающимъ и скачущимъ, или страданія больныхъ исцѣляя тѣнию своего тѣла, которую навело на нихъ солнце, отбрасывая оную, когда проходилъ Апостолъ, на противоположную (его тѣлу) сторону; но и Ананїю, за то что онъ пренебрежительно относился къ обитающей въ Апостолѣ силѣ, наказываетъ смертію для того, думаю, чтобы страшная казнь его сдѣлала всѣхъ, кто пренебрегалъ имъ въ народѣ, благоразумнѣе, научивъ ихъ симъ страшнымъ примѣромъ воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ. И такъ справедливо подражатель Петра, показавъ величіе силы многими благодѣтельными чудесами, и покушавшаго употребить обманъ противъ Духа заставилъ высказать о себѣ истину. Ибо истребителю лжи, думаю я, должно было даже ложь обманщика перемѣнить на истину, дабы

всѣмъ было явно, что все, что ни говорилъ самъ онъ великій, было истинно, и что отъ другихъ принималъ, какъ истину, то не было ложно. И такъ сіи Іудеи, сказаннымъ образомъ посмѣявшіеся, какъ казалось имъ, надъ силою великаго, послужили въ наставленіе для прочихъ, чтобы не покушаться обманывать тѣхъ, за которыхъ самъ Богъ является обличителемъ дерзости.

Послѣ сего, когда было нѣкоторое собраніе подъ открытымъ небомъ въ одномъ изъ мѣстъ этой страны, и всѣ удивлялись его поученіямъ, одинъ мальчикъ взывалъ къ собравшимся, что учитель не отъ себя говоритъ это, но другой, стоящій близъ него произноситъ слова. Когда, по распущеніи собранія, привели къ нему мальчика, говорятъ, что великій сказалъ присутствующимъ, что отрокъ не свободенъ отъ (насилія) демона, и тотчасъ же снявши съ плечъ своихъ омофоръ и приложивъ къ дыханію своихъ устъ возлагаетъ такимъ образомъ на юношу. Когда это было сдѣлано, юноша началъ биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда, словомъ,—испытывать все, чѣмъ страдаютъ одержимые демонами. Когда потомъ святой возложилъ руку и прекратилъ его припадки, демонъ оставилъ юношу и онъ пришедши въ прежнее состояніе, уже не говорилъ болѣе, что видитъ кого-то близъ святаго, говоряща-

го вмѣстѣ съ нимъ. И это также принадлежитъ къ великимъ чудесамъ Григорія, потому что совершаетъ чудеса исцѣленій не какимъ либо изысканнымъ способомъ и искусствомъ, но для прогнанія бѣсовъ и исцѣленія тѣлесныхъ болѣзней достаточно было дыханія устъ его, прилагаемаго къ больному чрезъ облаченіе.

Впрочемъ излагать по порядку всѣ чудеса его, потребовало бы длиннаго описанія и слова, выходящаго за предѣлы настоящаго досуга; по сему упомянувъ еще объ одномъ или двухъ чудесахъ, которыя рассказываютъ о немъ, ими закончу свое слово. Когда божественная проповѣдь распространилась повсюду и всѣ жители какъ города, такъ и окрестностей его, были обращены къ благочестивому ученію вѣры, жертвенники, капища и кумиры въ нихъ были разрушены; когда жизнь человѣческая уже очистилась отъ идольскихъ сквернъ, и угасло нечистое куреніе жертвъ, жертвенная кровь и нечистоты отъ закланія животныхъ были смыты; когда всѣ на всякомъ мѣстѣ заботливо воздвигали молитвенные храмы во имя Христа: гнѣвъ и зависть пробуждаются въ представителѣ Римской власти въ здѣшнемъ мѣстѣ, за то, что ложные отеческіе обряды его презрѣны, а христіанское таинственное ученіе умножается и церковь повсюду во вселенной разпространяется,

возрастая и увеличиваясь постоянно присоединяющимися къ сему учению. И такъ, возмечтавъ, что можно божественной силѣ противопоставить свою жестокость, остановить проповѣдь таинства, разрушить устроенныя церкви и обратившихся къ сему учению возвратить къ служенію идоламъ,—посылаетъ къ начальникамъ народовъ указъ, угрожая страшными наказаніями, если они всякаго рода истязаніями не станутъ мучить поклоняющихся имени Христову и страхомъ и силою сихъ истязаній (не станутъ) опять приводить ихъ къ отеческому служенію демонамъ. Какъ скоро объявленъ былъ этотъ страшный и безбожный указъ начальникамъ, поставленные для этого самаго дѣла жестокими тираннами, повсюду въ государствѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Надъ жителями той провинціи правителемъ былъ поставленъ такой человѣкъ, который для исполненія злаго намѣренія насколько не нуждался въ высочайшемъ повелѣніи, будучи самъ собою отъ природы кровожаденъ, жестокъ и ненавидя увѣровавшихъ Слово (Божію). И такъ, онъ объявляетъ всенародно строгое приказаніе, что должны или отречься отъ вѣры, или подвергнуться всякаго рода мученіямъ и смерти. И имѣющіе въ рукахъ своихъ дѣла общественныя никакого другаго дѣла ни общественнаго ни частнаго не производили и ни о чемъ не заботились,

какъ о томъ только, чтобъ преслѣдовать и мучить твердо держащихся вѣры. Страшили не однѣ голько угрозы на словахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наводили всякаго рода ужасъ различныя орудія мученій, поражая людей страхомъ еще прежде самой казни: мечи, огонь, звѣри, ямы, орудія для вывертыванія членовъ, раскаленные желѣзныя сѣдалища, деревянные дыбы, на которыхъ тѣла стоящихъ, растянутыя, строгались страшными когтями, и другія безчисленныя орудія для многообразныхъ видовъ мученій были изобрѣтаемы и придумываемы ими; и одно было стремленіе у всѣхъ, получившихъ такую власть,—никому въ чрезвычайной жестокости не оказаться снисходительнѣе другаго. И одни доносили, другіе доказывали, иные отыскивали укрывающихся, нѣкоторые преслѣдовали бѣгущихъ, а иные, обращая взоры на имѣнія вѣрныхъ, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ, подъ видомъ благочестія, изгоняли держащихся вѣры. Всеобщее было смятеніе въ народѣ и большое замѣшательство; потому что всѣ подозрительно смотрѣли другъ на друга; отцы не довѣряли расположенію дѣтей при опасностяхъ; дѣти не полагались на вѣрность отеческаго попеченія, залогомъ котораго служила природа; члены семейства, раздѣленнаго религіозными вѣрованіями, враждовали другъ противъ друга: сынъ язычникъ дѣлался предателемъ

вѣрныхъ родителей; отецъ, остающійся въ невѣри, былъ доносчикомъ на увѣровавшаго сына; братъ по той же причинѣ вооружался противъ природы, считая дѣломъ благочестивымъ предавать казни единокровнаго, если онъ держался благочестія. Отъ этого пустыни наполнились преслѣдуемыми; дома опустѣли, лишившись жителей; многія общественныя зданія были назначены для заключенія узниковъ, потому что темницы не могли вмѣстить въ себѣ множества мучимыхъ за вѣру; всѣ площади и собранія, какъ общественныя, такъ и частныя, вмѣсто обычнаго веселія раздѣляли таковыя же бѣдствія; потому что и здѣсь однихъ тащили, другихъ уводили; прочіе же при этомъ зрѣлищѣ или смѣялись, или плакали. Не было ни состраданія къ младенцамъ, ни почтенія къ сѣдинамъ, а уваженіе къ добродѣтели и въ умъ не приходило враждовавшимъ противъ нея, но какъ во время плѣненія всякій возрастъ былъ выдаваемъ врагамъ вѣры; не дѣлалось снисхожденія къ естественной слабости женскаго пола, чтобы изъять оный отъ такихъ мученій; одинъ былъ законъ жестокости для всѣхъ, подвергающей равному наказанію всякаго, чуждающагося идиоловъ, не различая пола и возраста. Тогда оный великій мужъ, видя слабость челоуѣческой природы, что многіе не могутъ подвизаться за благочестіе до смерти, совѣтуеть (сынамъ) церкви на

нѣкоторое время удалиться отъ сей страшной напасти, считая для нихъ за лучшее бѣгствомъ спасти свою душу, чѣмъ стоя въ ряду сраженія оказаться бѣглецами вѣры. И чтобы сильнѣе убѣдить людей, что нѣтъ никакой опасности для души, спасать вѣру бѣгствомъ, собственнымъ примѣромъ подаетъ совѣтъ къ удаленію, самъ прежде другихъ удалившись отъ грозящей опасности. Между тѣмъ у начальниковъ особенною цѣлю было и то, чтобы чрезъ него, какъ плѣннаго вождя, разрушить весь строй вѣры, и по этой причинѣ враги старались захватить его въ свои руки.

И такъ онъ занялъ одинъ уединенный холмъ, имѣя при себѣ того жреца, котораго онъ вначалѣ обратилъ къ вѣрѣ и который былъ облеченъ уже благодатию діаконства. Когда же гонители послѣдовали по слѣдамъ ихъ въ великомъ множествѣ, и нѣкто указалъ имъ мѣсто, гдѣ они скрывались, то одни изъ нихъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ подошву горы, стерегли, чтобы ему не удалось куда нибудь убѣжать, если бы рѣшился на это, а другіе, взошедши на гору, разыскивали его по всѣмъ мѣстамъ, и уже были въ виду у великаго, направляя свой путь прямо къ нему. Но онъ, приказавъ своему спутнику стоять съ твердымъ и непоколебимымъ упованіемъ на Бога и Ему ввѣрить свое спасеніе, воздѣвъ руки на молитву, и если бы даже гонители были вбли-

зи, не сокрушать своей вѣры страхомъ, самъ себя поставилъ діакону въ примѣръ (исполненія) сего увѣщанія, съ неподвижнымъ взоромъ, распростертыми руками и въ прямомъ положеніи взирая на небо. Въ такомъ положеніи они находились; прибѣжавшіе же къ нимъ, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ мѣсто, обойдя всякій кустъ на дорогѣ; разслѣдовавъ со всею тщательностію всѣ возвышенія скалъ и всѣ углубленія ущелій, опять устремляются къ подошвѣ горы, полагая, что онъ, въ страхѣ предъ обыскивающими гору, обратившись въ бѣгство, попался въ руки тѣхъ, кои окружали подошву горы. И такъ у этихъ не оказалось его, ни у тѣхъ его не было; и хотя подсмотрѣвшій мѣсто пребыванія великаго описалъ оное ясными признаками, но искавшіе его утверждали, что никого тамъ не видали, кромѣ двухъ деревьевъ на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Когда искашіе его удалились, то онъ доносчикъ, оставшись и найдя великаго со спутникомъ стоящими на молитвѣ и уразумѣвъ божественное охраненіе, по которому они гонителямъ показались древами, припадаетъ къ нему и вѣруетъ Слову (Божію); такимъ образомъ тотъ, кто за нѣсколько времени до сего былъ гонителемъ, дѣлается однимъ изъ гонимыхъ. Въ пустынѣ они пребывали долгое время; потому что брань противъ вѣры усиливалась; начальникъ сильно ожесто-

чался противъ приверженныхъ учению благочестія, и всѣ обратились въ бѣгство. Поелику гонители потеряли надежду, чтобы великій когда нибудь попался имъ въ руки, то, обративъ неистовое звѣрство противъ остальныхъ, вездѣ во всѣхъ частяхъ провинціи отыскивали всѣхъ, для кого было досточтимо имя Христово,—мужей, женъ и дѣтей, влекли ихъ въ городъ, и наполняли ими темницы, вмѣсто какого либо другаго преступленія, поставляя имъ въ вину благочестіе, такъ что судилища тогда не занимались никакими обыкновенными дѣлами, но только о томъ одномъ заботились власти, чтобы измышляя всякаго рода муки и пытки употреблять ихъ противъ стоявшихъ за вѣру. Тогда еще болѣе стало ясно для всѣхъ, что онъ великій (мужъ) ничего не предпринимаетъ безъ воли Божіей; потому что бѣгствомъ сохранивъ себя для народа, онъ былъ общею помощію для всѣхъ подвижающихся за вѣру. Ибо какъ мы слышимъ о Моисеѣ, что, находясь вдали отъ ратнаго строя Амаликитянь, онъ своею молитвою подавалъ единоплеменникамъ силу на враговъ; такъ точно и онъ, какъ бы наблюдая духовнымъ окомъ совершающееся, призывалъ божественную помощь на подвижающихся за исповѣданіе вѣры. Такъ однажды, по обычаю молясь Богу вмѣстѣ съ бывшими при немъ, онъ внезапно исполнился томленія и страха; присутствующимъ

ясно было, что онъ какъ бы приходитъ въ ужасъ и трепещетъ предъ (какимъ-то) видѣніемъ, прислушивается, какъ будто до него доносится какой-то шумъ; прошло не мало времени; онъ во все это время оставался неподвижнымъ и въ томъ же положеніи; потомъ, когда представлявшееся ему зрѣлище какъ будто кончилось благополучно, опять пришелъ въ обыкновенное состояніе и восхвалялъ Бога радостнымъ голосомъ, возгласивъ побѣдную и благодарственную пѣснь, которую мы многократно встрѣчаемъ въ книгѣ псалмовъ Давида: *благословенъ Богъ, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Псалм. 123, 6). Когда же окружавшіе его пришли въ изумленіе и пожелали узнать, какое видѣніе представлялось очамъ его, онъ, говорятъ, сказалъ, что видѣлъ въ это время великое паденіе,—(видѣлъ) пораженіе діавола нѣкоторымъ юношею, въ борьбѣ за благочестіе; и когда они еще не понимали, что бы значило сказанное имъ, онъ яснѣе рассказалъ, что въ этотъ часъ одинъ юноша изъ благородныхъ, приведенный палачами къ начальнику, при высшей помощи, крѣпко подвизался за вѣру; присовокупилъ онъ и имя его, назвавъ его Троядіемъ, а также и то, что послѣ многихъ мученій, доблестно перенесенныхъ имъ, онъ увѣнчался вѣнцемъ мученическимъ. Діаконъ, изумленный слышаннымъ, но не смѣя не вѣрить сказанному, а

вмѣстѣ помысливъ и то, что превосходитъ чело-
вѣческую природу, находясь вдали отъ го-
рода и ни отъ кого не получая извѣстій от-
туда, говорить окружающимъ его о совер-
шающихся тамъ дѣлахъ, какъ бы присутствуя
при нихъ, умоляетъ учителя позволить ему
посмотрѣть своими глазами и узнать о произ-
шедшемъ и не запрещать ему побывать на
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось это див-
ное дѣло. А когда Григорій говорилъ, что
опасно идти въ среду убійць и что онъ не
разъ можетъ подвергнуться тому, чего не же-
лаетъ, отъ насилія противника, діаконъ ска-
залъ, что смѣло рѣшается, надѣясь на помощь
его молитвъ, обратившись къ нему съ такими
словами: «ты поручи меня Богу и никакой
страхъ враговъ не коснется меня»; и когда
Григорій своею молитвою, ниспослалъ ему,
какъ бы какого спутника, помощь Божию, онъ
съ увѣренностію совершилъ путь, не укры-
ваясь ни отъ кого изъ встрѣчавшихся. Вече-
ромъ пришедши въ городъ и утомленный пу-
тешествіемъ, онъ почелъ необходимымъ об-
легчить свое изнуреніе омовеніемъ въ банѣ.
Въ этомъ мѣстѣ властвовалъ какой-то умерщ-
влявшій людей демонъ, пагубная сила кото-
раго дѣйствовала на приближающихся сюда
во время (ночной) темноты, отчего въ эту
баню не ходили и не пользовались ею послѣ
захожденія солнца. Діаконъ остановившись

около бани просилъ приставника отворить ему дверь, позволить войти и не отказать ему пользоваться омовеніемъ въ банѣ. Приставникъ увѣрялъ его, что никто изъ осмѣлившихся мыться въ этотъ часъ не выходилъ на своихъ ногахъ, но что послѣ вечера здѣсь всѣми овладѣваетъ демонъ, и что многіе по незнанію уже подверглись неисцѣльнымъ болѣзнямъ, что вмѣсто ожидаемаго облегченія они возвращались съ плачемъ и воплемъ. Когда приставникъ рассказывалъ это и подобное ему, то діаконъ не только не оставилъ своего желанія, но еще болѣе настаивалъ, всѣми способами понуждая его позволить ему войти внутрь. Приставникъ, полагая, что ему выгоднѣе будетъ не подвергаться опасности вмѣстѣ съ незнающимъ чужестранцемъ, отдавши ему ключъ, отходить самъ на далекое разстояніе отъ бани. Когда же діаконъ раздѣвшись вошелъ въ баню, демонъ употреблялъ противъ него различныя страхи и ужасы: показывалъ ему всевозможные призраки, представлявшіе нѣчто изъ огня и дыма состоящее; они являлись его глазамъ въ образѣ звѣрей и людей, оглашали его слухъ, приближались дыханіемъ, охватывали со всѣхъ сторонъ его тѣло. Но діаконъ, защищая себя (крестнымъ) знаменіемъ и призывая имя Христова, безъ вреда для себя прошелъ первое отдѣленіе бани. Когда же вошелъ во внутреннюю часть, то

былъ окруженъ еще болѣе ужасными видѣніями, такъ какъ демонъ принялъ видъ еще болѣе страшный; ему вмѣстѣ представлялось, что отъ землетрясенія пошатнулась баня, сквозь треснувшій полъ видится подземное пламя, изъ воды выходятъ горящія искры; опять тѣмъ же оружіемъ, — знаменіемъ (креста), именемъ Христовымъ и помощію молитвъ своего наставника, онъ разсѣваетъ и кажущіеся и дѣйствительные страхи. Наконецъ уже въ то время, когда вышелъ изъ воды и спѣшилъ къ выходу, онъ былъ снова задержанъ демономъ, который ухватился за дверь; но и это препятствіе онъ опять устранилъ самъ собою помощію той-же силы, потому что знаменіемъ (креста) дверь была отворена. Послѣ же того, какъ все совершилось по его желанію, демонъ, говорятъ, закричалъ къ нему человѣческимъ голосомъ, чтобы онъ не считалъ своею ту силу, которою избавился отъ гибели; ибо сохранилъ его невредимымъ гласъ того, кто ввѣрилъ его охраненію (Божію). И такъ, спасшись сказаннымъ способомъ, онъ привелъ въ изумленіе приставниковъ той бани, такъ какъ ни разу не случалось, чтобы ктонибудь изъ осмѣлившихся входить въ такую пору въ воду, оставался въ живыхъ. Послѣ сего онъ рассказалъ имъ о всемъ, что съ нимъ случилось, узналъ, что доблестные подвиги мучениковъ, въ городѣ, совершились

точно такимъ образомъ, какъ предвозвѣстили о томъ живущій въ пустынѣ великій мужъ, и приложивъ къ повѣствованіямъ о немъ и чудесахъ его то, въ чемъ видѣлъ, слышалъ и собственнымъ опытомъ дозналъ силу вѣры великаго Григорія, о которой засвидѣтельствовалъ и демонъ, — опять возвращается къ наставнику, оставивъ для людей какъ своего времени, такъ и послѣдующаго, общее охранительное средство, состоящее въ томъ, чтобы каждый поручалъ себя при посредствѣ священниковъ Богу. И нынѣ, какъ во всей церкви, такъ преимущественно у нихъ, употребляемыя эти слова служатъ памятникомъ поданной тогда Григоріемъ сему мужу помощи.

Когда же при помощи Божіей время тиранства прекратилось и снова водворился между людьми миръ, при которомъ невозбраннѣмъ и свободнымъ стало для всѣхъ служеніе Богу, тогда, возвратившись опять въ городъ и обобшавши всю окрестную страну, Григорій повсюду учредилъ нѣкое прибавленіе въ богослуженіи, узаконивъ (совершать) торжественные праздники въ честь пострадавшихъ за вѣру. Останки мучениковъ были распредѣлены по различнымъ мѣстамъ и народъ, собираясь ежегодно въ опредѣленные времена, веселился, празднуя въ честь мучениковъ. Ибо и то служитъ доказательствомъ его великой

мудрости, что онъ вдругъ переводя къ новой жизни современное себѣ поколѣніе и какъ бы нѣкій возница, приставленный къ (человѣческому) естеству, твердо держа ихъ уздою вѣры и богопознанія, послушнымъ попускалъ нѣсколько и поиграть веселіемъ подѣ игромъ вѣры. Замѣтивъ, что неразумное и невѣжественное большинство народа держится заблужденія идолопоклонства въ слѣдствіе (соединенныхъ съ нимъ) плотскихъ увеселеній, чтобы достигнуть по отношенію къ нимъ успѣха преимущественно въ главномъ, то есть чтобы они вмѣсто суетныхъ предметовъ своего благоговѣнія, обратили взоры къ Богу, онъ позволилъ имъ веселиться въ дни памяти святыхъ мучениковъ, предаваться радости и ликованію, дабы съ теченіемъ времени сами собою перешли они къ жизни болѣе святой и строгой подѣ руководствомъ вѣры, и это совершилось со многими уже; у нихъ всякое удовольствіе, утративъ (характеръ) тѣлеснаго увеселенія, приняло видъ духовной радости.

Совершая такимъ образомъ свое служеніе Церкви и заботливо желая видѣть прежде своего отшествія изъ сей жизни всѣхъ обращенными отъ идоловъ къ спасительной вѣрѣ и уже предузнавъ свою кончину, онъ тщательно разслѣдовалъ по всей окрестности, желая знать, не остался ли еще кто либо чуждымъ вѣры. И когда узналъ, что оставшихся въ

старомъ заблужденіи не болѣе семнадцати, возведши взоры къ Богу, сказалъ, что хотя и прискорбно то, что недостаетъ нѣчто для полноты спасаемыхъ, однако достойно великой благодарности и то, что онъ оставляетъ своему преемнику по управленію Церковію столько же идолопоклонниковъ, сколько самъ принялъ христіанъ. Заповѣдавъ увѣровавшимъ уже преуспѣвать въ совершенствѣ, а не вѣровавшимъ обратиться, отходить такимъ образомъ отъ жизни человѣческой къ Богу, завѣщавъ приближеннымъ къ нему не покупать особеннаго мѣста для его погребенія. Ибо, если при жизни онъ не хотѣлъ называться господиномъ какого нибудь мѣста, но проводилъ жизнь въ чужихъ домахъ, то и по смерти конечно ему не будетъ стыдно лежать въ чужомъ владѣніи; но пусть, говоритъ, и въ послѣдующіе вѣка рассказываютъ, что Григорій, какъ при жизни не носилъ прозванія по какому либо мѣсту, такъ и послѣ смерти остался пришельцемъ среди чужихъ могилъ, потому что, отказавшись отъ всякаго приобрѣтенія на землѣ, онъ не допустилъ даже и погребсти себя на собственной землѣ; ибо онъ считалъ для себя драгоцѣннымъ одно только стяжаніе, которое не допускаетъ до себя даже и слѣда любостяжанія.

Что же касается до быстраго обращенія цѣлаго народа отъ еллинской суетности къ по-

званію истины, то пусть подивится тому каждый изъ читателей разсказа объ этомъ, но никто да не усумнится въ этомъ, имѣя въ виду пути Промысла, которыми совершилась такая перемѣна въ обратившихся отъ жи къ истинѣ. Для сего, возвращаясь назадъ, я разскажу теперь о происшествіи, случившемся въ первое время его епископства, о которомъ не упомянуло наше слово, спѣша къ описанію прочихъ его чудесъ. Былъ въ городѣ нѣкоторый всенародный праздникъ, совершавшійся по древнему обычаю въ честь одного мѣстнаго божества; на этотъ праздникъ стекался почти весь народъ, такъ какъ сельскіе жители праздновали вмѣстѣ съ городомъ. Театръ былъ переполненъ собравшимися; вновь прибывающіе отовсюду тѣснились за самыми сѣдалищами; такъ какъ всѣ стремились ближе къ сценѣ, желая лучше видѣть и слышать, то въ театрѣ поднялся сильный шумъ и представленіе для фокусниковъ стало невозможнымъ, потому что смятеніе по случаю давки не только препятствовало наслаждаться музыкою, но и фокусникамъ даже не давало возможности показать свое искусство. Въ это время у всего народа исторгается общій вопль, — всѣ зываютъ къ божеству, въ честь котораго праздновали и просятъ, чтобы оно дало имъ просторъ. Такъ какъ при общемъ воплѣ голоса ихъ разносились далеко, и казалось будто весь

гѣродъ говоритъ какъ бы одними устами, вознося къ демону такую молитву: «Зевсъ, дай намъ мѣсто;» то великій Григорій, услышавъ голоса по имени призывающихъ демона, отъ котораго они требовали простора городу, сказалъ имъ, пославши одного изъ находившихся при немъ, что скоро будетъ данъ имъ просторъ даже болѣе того, о какомъ они молятся. Эти слова его оказались какъ бы печальнымъ приговоромъ; въ слѣдъ за этимъ все-народнымъ празднествомъ распространяется язва; тотчасъ съ веселыми пѣснями смѣшивается плачь, такъ что веселье для нихъ превратилось въ горе и несчастіе, а вмѣсто звуковъ трубъ и рукоплесканій, гѣродъ оглашается непрерывнымъ рядомъ плачевныхъ пѣсней. Болѣзнь, заразъ появившись между людьми, распространялась быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, опустошая дома подобно огню, такъ что храмы наполнились зараженными язвою, бѣжавшими туда въ надеждѣ исцѣленія; около источниковъ, ключей и колодцевъ толпились томимые жаждою въ безпомощной болѣзни; но и вода была бессильна угасить болѣзненный жаръ, потому что однажды пораженные болѣзнію оставались въ одинаковомъ положеніи, пили ли они воду, или нѣтъ. А многіе сами уходили на кладбища, такъ какъ оставшихся въ живыхъ недостаточно было для того, чтобы погребать умершихъ. И это бѣдствіе по-

ражало людей не неожиданно; но какъ будто какой призракъ приближался (сначала) къ дому, гдѣ имѣла появиться зараза; а затѣмъ слѣдовала гибель. И такъ, послѣ того какъ для всѣхъ стала ясною причиною болѣзни, (именно) — что призванный ими демонъ злобно исполнилъ просьбу сихъ неразумныхъ, доставивъ городу, посредствомъ болѣзни, этотъ злосчастный просторъ, всѣ они обратились съ мольбою къ великому (Григорію), умоляя его остановить распространеніе болѣзни силою признаемаго и проповѣдуемаго имъ Бога, коего одного они исповѣдуютъ истиннымъ Богомъ, имѣющимъ власть надъ всѣмъ. Ибо какъ скоро являлся оный призракъ, предвѣщая появленіе язвы въ домѣ, и тотчасъ пораждалъ отчаяніе въ жизни, у подвергшихся такому бѣдствію оставалось одно средство спасенія, чтобы вошелъ въ оный домъ великій Григорій и молитвою отразилъ проникшую въ домъ болѣзнь. Когда же молва объ этомъ отъ тѣхъ, которые въ числѣ первыхъ спаслись отъ язвы такимъ образомъ, очень скоро распространилась между всѣми, то было оставлено все, къ чему прежде прибѣгали по своему неразумію: оракулы, очищенія, пребываніе въ капищахъ идольскихъ, такъ какъ всѣ обратили взоры свои къ великому святителю и каждый старался привлечь его къ себѣ для спасенія всего семейства. Наградю же для него отъ спас-

шихся было спасеніе душъ; ибо, когда благочестіе онаго іерея было засвидѣтельствовано такимъ опытомъ, то для дознавшихъ на самомъ дѣлѣ силу вѣры не было причины медлить принятіемъ таинства (крещенія). Такимъ образомъ болѣзнь для тѣхъ людей была могущественнѣе здоровья; потому что, въ какой мѣрѣ во время здоровья они недуговали своими помыслами относительно воспріятія таинства, въ такой мѣрѣ тѣлесною болѣзнію укрѣпились касательно вѣры. Когда такимъ образомъ обличено было заблужденіе идолопоклонства, всѣ обратились къ имени Христову, одни будучи приведены къ истинѣ приключившеюся имъ болѣзнію, другіе прибѣгнувши къ вѣрѣ во Христа какъ къ предохранительному врачевству противъ язвы.

Есть и инья чудеса великаго Григорія сохранившіяся въ памяти даже до нынѣ, которыхъ мы не присовокупляемъ къ описаннымъ нами, щадя слухъ недовѣрчивыхъ и чтобы не повредить тѣмъ, которые, по великости разсказываемыхъ событій, готовы самую истину признать ложью. Христу же, совершающему чрезъ рабовъ своихъ таковыя чудеса, подобаетъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ФЕОДОРУ (ТИРОНУ).

Вы, народъ Христовъ, святое стадо, царское священіе, отовсюду стекшіеся изъ городовъ и изъ сель,—кто подалъ вамъ условный знакъ къ пути, что вы собрались къ этому священному мѣсту? Кто принудилъ васъ такъ заботливо и къ опредѣленному сроку прибыть сюда, и притомъ во время-зимы, когда война затихаетъ и ратникъ отлагаетъ свои доспѣхи и пловець кладетъ свое кормило подъ дымъ и земледѣлецъ покоится, поставивъ къ яслямъ рабочихъ воловъ? Не ясно ли, что вострубилъ изъ ратнаго строя святой мученикъ и, подвигнувъ множество народа изъ различныхъ мѣстностей, призвалъ ихъ къ мѣсту собственнаго упокоенія и своей обители, собравъ ихъ не для приготовленія къ военному дѣлу, но для сладостнаго и наиболѣе христіанамъ приличнаго мира? Ибо онъ, какъ вѣруемъ, и въ прошломъ году утишилъ бурю

варварскаго нашествія и предотвратилъ ужасную войну съ дикими Скиѣами, помавая предъ ними, уже бывшими на виду и вблизи, бѣдственнымъ и страшнымъ для нихъ оружіемъ, — не косматымъ шлемомъ, не мечемъ хорошо изошреннымъ и сверкающимъ на солнцѣ, но отъ бѣдъ избавляющимъ и всесильнымъ крестомъ Христовымъ, за который и самъ пострадавъ, стяжалъ сію славу. Теперь вы, служители сего чистаго благочестія и читатели мучениковъ, рассмотрите внимательнымъ умомъ, чего по справедливости онъ заслуживаетъ и какихъ достоинъ наградъ; (говорю о наградахъ въ мірѣ и у насъ, ибо о величіи тѣхъ (наградъ), кои невидимы, никто не можетъ составить понятія), и точно узнавъ плодъ благочестія, поревнуйте расположенію тѣхъ, кои такъ предпочтены предъ другими; возжелайте и тѣхъ почестей, которыя Христосъ раздаетъ подвижникамъ по достоинству каждаго.

А мы, если угодно, оставивъ рѣчь о наслажденіи будущими благами, благая надежда которыхъ отложена праведнымъ до тѣхъ поръ, когда придетъ Судія нашей жизни, рассмотримъ настоящее состояніе святыхъ, какъ оно прекрасно и величественно. Ибо душа ихъ отшедшая горѣ пребываетъ въ собственномъ ей мѣстѣ и отрѣшившись отъ тѣла обитаетъ вмѣстѣ съ подобными ей; а тѣло,

честный и нескверный ея органъ, нисколько не повредившій своими страстями яетлѣннѣя обитавшей въ немъ души, погребается съ большою честію и благоговѣніемъ, честно полагается въ священномъ мѣстѣ, какъ бы какое многоцѣнное сокровище соблюдаемое до времени цакибытія, во многомъ несравнимое ни съ какими другими тѣлами, разрушаемыми общемою всѣмъ и обыкновенною смертію, — и притомъ въ одинаковомъ по природѣ веществѣ. Ибо всѣми другими останками большая часть людей гнушаются; никто съ удовольствіемъ не проходитъ мимо гроба, а когда нечаянно увидить открытый гробъ, то посмотрѣвъ на безобразіе того, что лежитъ тамъ, полный неприятнаго чувства и съ тяжелымъ вздохомъ объ участи человѣчества, скорѣе бѣжитъ прочь. Но кто взойдетъ въ какое-либо мѣсто подобное сему, гдѣ сегодня мы собрались, гдѣ (совершается) память праведнаго и гдѣ святые останки его, тотъ во первыхъ утѣшитъ свою душу великолѣпіемъ того, что представляется его взорамъ, видя сей домъ, какъ храмъ Божій, свѣтло благоуукрашеннымъ и величіемъ постройки и благолѣпіемъ украшеній, гдѣ и рѣзчикъ придавъ дереву видъ различныхъ животныхъ, и камнетесъ каменные плиты довелъ до гладкости серебра. И живописецъ украсилъ искусственными цвѣтами, изобразивъ на иконѣ доблестные

подвиги мученика, его твердое стояніе на судѣ, мученія, звѣрообразныя лица мучителей, ихъ насильственныя дѣйствія, пламенемъ горящую печь, блаженнѣйшую кончину подвижника, начертаніе человѣческаго образа подвигоположника Христа; все это искусно начертавъ намъ красками, какъ бы въ какой объяснительной книгѣ, ясно рассказалъ подвиги мученика и свѣтло украсилъ храмъ, какъ бы цвѣтушій лугъ (ибо и живопись молча умѣетъ говорить на стѣнахъ и доставляетъ величайшую пользу). И слагатель разноцвѣтныхъ камней сдѣлалъ попираемый полъ достойнымъ описываемаго событія.

Утѣшивъ взоръ этими чувственными произведеніями искусства, (посѣтитель храма) желаетъ наконецъ приблизиться и къ ракъ, почитая освященіемъ и благословеніемъ самое прикосновеніе къ ней. Если кому позволено бываетъ взять земли лежащей на поверхности мѣста его упокоенія, тотъ прахъ пріемлетъ какъ даръ и землю собираетъ какъ сокровище. Если кому счастье доставитъ возможность прикоснуться къ самымъ останкамъ, то, какъ это вождедено и какой возвышенной молитвы почитается даромъ, знаютъ тѣ, кои испытали это и которые сами одушевляемы были этимъ желаніемъ. Взвѣщающіе на нихъ лобызаютъ оныя, какъ самое живое и цвѣтущее жизнію тѣло, приближая ихъ къ глазамъ,

устамъ, ушамъ, ко всѣмъ чувствамъ; за тѣмъ проливая слезы благоговѣнія и сердечнаго умиленія, приносятъ молитву о ходатайствѣ, какъ бы самому въ цѣлости видимому мученику, умоляя его какъ оруженосца Божія, взывая къ нему, какъ къ приѣмлющему дары (молитвы) когда ему угодно. Изъ всего сего познай, благочестивый народъ, что *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6.). Ибо одно и тоже тѣло у всѣхъ людей, будучи составлено изъ одного и того же вещества; но одно умираетъ простою смертію, повергается какъ случится; другое же, облагодатствованное страданіемъ мученическимъ, такъ достолюбезно и всѣмъ вождѣбно, какъ мы выше сказали. Посему, на основаніи видимаго будемъ вѣровать невидимому, на основаніи того, что опытомъ дознаемъ въ мірѣ,—тому, что обѣщано въ будущемъ. Ибо многіе, цѣня выше всего чрево, тщеславіе и здѣшній соръ, ни во что вмѣняютъ будущее, думая, что все ограничивается предѣломъ сей жизни. Но мыслящій такъ, отъ малаго научись великому, по тѣни уразумѣй первообразъ. Кто изъ царей почитается такою честію? Кто изъ людей, получившихъ преимущественную извѣстность, прославляется такою памятію? Кто изъ военачальниковъ, бравшихъ укрѣпленные города, порабоцавшихъ множество народовъ, сталъ такъ знаменитъ, какъ

сей убогій воинъ, новобранецъ, котораго вооружилъ Павелъ, котораго приготовляли къ подвигу ангелы, котораго послѣ побѣды увѣнчалъ Христосъ? Но теперь, поелику мое слово приблизилось къ подвигамъ мученика, лучше, оставивъ общія похвалы, повести рѣчь преимущественно о семъ святомъ; ибо каждому любезно свое.

И такъ, отечество сего доблестнаго мужа, — страна лежащая на востокъ солнца, ибо и онъ, подобно Юву, былъ *благороднѣйшій суицхъ отъ востокъ солнца* (Юв. 1, 3.) и имѣя общее съ нимъ отечество, былъ подражателемъ и нравамъ его. Нынѣ же мученикъ сей есть общее достояніе всей вселенной, будучи гражданиномъ всей подсолнечной. Будучи зачисленъ тамъ въ воинскіе списки, онъ съ своимъ полкомъ приходитъ въ нашу страну, такъ какъ начальствующими былъ назначенъ здѣсь зимній отдыхъ для ратниковъ. Когда же внезапно вспыхнула война, не въ слѣдствіе нашествія варваровъ, но по повелѣнію сатанинскому и богоборному постановленію, (ибо по нечестивому указу, каждый христіанинъ повергался преслѣдованію и осужденъ былъ на смерть), тогда онъ, треблаженный, будучи извѣстенъ благочестіемъ и повсюду открыто являвшій свою вѣру во Христа, едва не на челѣ начертавшій исповѣданіе сей вѣры, оказался уже не новобранцемъ по мужеству и не

неопытнымъ въ дѣлѣ войны и битвы, но доблестнымъ душою, твердо стоящимъ въ виду опасностей, не малодушнымъ, не боязливымъ, не робкимъ въ рѣчахъ. Ибо когда открылось засѣданіе этого злаго суда, правитель и воинскій начальникъ собравшись на сіе какъ нѣкогда Иродъ и Пилать (Дѣян. 4, 27) также поставляютъ предъ судомъ раба Распятаго, какъ тѣ его Владыку. «Скажи, говорятъ ему, откуда у тебя явилась дерзость и смѣлость, что ты оскорбляешь царскій законъ, не подчиняешься съ трепетомъ приказаніямъ Государя, не покланяешься, какъ угодно твоимъ властителямъ?» (Ибо тогда царствомъ правили соправители Максиміана.) А онъ съ мужественнымъ лицомъ и неустрашимымъ духомъ далъ такой прямой отвѣтъ на ихъ слова: «Боговъ я не знаю, да они и не существуютъ по истинѣ; вы же заблуждаетесь, почитая и называя именемъ Божиимъ лъстивыхъ демоновъ. Для меня Богъ, — Христось, единородный Сынъ Божій. И такъ за благочестіе и исповѣданіе Его, и наносящій раны пусть разсѣкаетъ меня, и бичующій пусть бичуетъ, и жгущій пусть приближаетъ огонь, и кому несны эти слова мои пусть вырываетъ языкъ; ибо въ каждомъ членѣ своемъ тѣло обязано терпѣніемъ Создавшему его.» Поражены были сими словами мучители и не выдержали перваго нападенія доблестнаго воина, видя юно-

шу стремящагося къ страданію и жаждущаго кончины, какъ какого пріятнаго питія. Когда же въ недоумѣніи остановились нѣсколько и стали совѣтоваться, что дѣлать, одинъ изъ должностныхъ воиновъ, почитая себя остроумнымъ и вмѣстѣ посмѣиваясь надъ отвѣтомъ мученика, сказалъ: «и такъ, Θεодоръ, у твоего Бога есть Сынъ? И онъ раждаетъ, страстнымъ образомъ какъ человѣкъ?» «Мой Богъ не родилъ страстнымъ образомъ, отвѣчаетъ мученикъ; но и Сына я исповѣдую и о рожденіи говорю богоприличномъ; а ты, малосмысленный и жалкій, не краснѣешь и не закрываешь отъ стыда лице, признавая бога-женщину, и покланяясь, какъ матери двѣнадцати дѣтей, какому-то многоплодущему демонскому существу, которое подобно зайцамъ и свиньямъ легко и зачинаетъ и раждаетъ.» Когда такимъ образомъ святой отразилъ двойную насмѣшку идолопоклонника, мучители, принявъ на себя видъ человѣколюбія, говорятъ: «пусть будетъ дано этому сумасшедшему немного времени для размышленія; можегъ быть одумавшись на свободѣ, измѣнится къ лучшему.» Сіи безумцы здравомысліе называли сумасшествіемъ, а благочестіе изступленіемъ и поврежденіемъ ума, подобно тому какъ пьяные укоряютъ въ собственной страсти трезвыхъ. Но благочестивый мужъ и воинъ Христовъ воспользовался даннымъ ему временемъ для

мужественнаго дѣла. Для какого же? Объ этомъ время вамъ съ радостію выслушать рассказъ. Въ главномъ областномъ городѣ Амасіи былъ храмъ баснословной матери боговъ, который заблуждавшіе тогда люди, по суемудрію соорудили гдѣ-то на берегу рѣки. Тотъ храмъ, доблестный мужъ, во время дарованной ему свободы, улучивъ удобный часъ и благопріятный вѣтеръ, поджегши предалъ пламени, самымъ дѣломъ давъ злодѣямъ отвѣтъ, котораго они конечно ожидали послѣ размышленія. Когда же его дѣло скоро стало явно для всѣхъ (ибо яркій огонь запылалъ посреди города), то онъ не таилъ своего поступка и не старался скрыть его, но явно выдавалъ себя, весьма торжествуя успѣхомъ дѣла и радуясь смятенію безбожниковъ и тому смущенію, съ какимъ оплакивали они гибель храма и истукана. И вотъ доносятъ на него начальникамъ, какъ на виновника поджога; опять судъ страшнѣе прежняго, чему и слѣдовало быть, когда случай такой важности раздражилъ судей. Они всходятъ на судейское мѣсто, а благодержновенный Феодоръ предстонтъ посреди, смѣло отвѣчая на вопросы судящаго его начальника и скоростію признанія пресѣкая самый допросъ. Поелику же онъ былъ неустрашимъ и не уступалъ предъ угрозами тяжкихъ мукъ, то судьи со-

вершено перемѣнили свое обращеніе съ нимъ, и челоуѣколюбиво разговаривая, пытались увлечь праведника обѣщаніями.» Знай, говорили они, что если захочешь покорно принять нашъ совѣтъ, то мы тотчасъ изъ незнатнаго сдѣлаемъ тебя знатнымъ, изъ безславнаго почтеннымъ; обѣщаемъ тебѣ достоинство главнаго жреца.» Когда же троблаженный услышалъ о достоинствѣ главнаго жреца, то много посмѣявшись сказалъ: «Я и жрецовъ идольскихъ считаю жалкими и сожалѣю о нихъ, какъ служащихъ суетному дѣлу; а о начальникахъ жрецовъ сожалѣю еще болѣе и гнушаюсь ими; ибо старшій надъ худыми и занимающій первое мѣсто еще болѣе жалокъ, точно также какъ между неправедными болѣе неправедный, между убійцами болѣе свирѣпый, между распутными болѣе развратный; посему оставьте теперь же ваши гибельныя обѣщанія, ибо вы забыли, что ваши обѣщанія для меня верхъ золъ; тому же, кто избралъ жизнь благочестивую и правую, хорошо приметатися въ дому Бога паче, нежели жити въ селеніихъ трпшничихъ (Пс. 83. 11.). Я и о царяхъ сихъ, беззаконный законъ которыхъ постоянно читаете намъ, сожалѣю, потому что имѣя достаточно великое между людьми достоинство, — власть царскую, присвоили себѣ еще и званіе первосвященника; они надѣвають эту плачевную и темную пор-

фиру, подражая первосвященникамъ злыхъ демоновъ, и унижаютъ свѣтлое достоинство мрачною одеждою; а бываетъ и то, что приближаясь къ скверному жертвеннику, вмѣсто царей становятся поварами, закалая птицъ и изслѣдуя внутренности несчастныхъ животныхъ и какъ бы какіе мясники марая одежду нечистотами крови.»

Послѣ этихъ рѣчей праведнаго, начальники уже не стали выказывать ложнаго и притворнаго человѣколюбія; но объявивъ его нечестивѣйшимъ по отношенію къ богамъ и кромѣ того оскорбителемъ и хульникомъ царей, вопервыхъ повѣсивъ его на деревѣ устроенномъ для пытокъ, терзали его тѣло. А онъ въ то время, когда палачи сильно дѣлали свое дѣло, оставался твердымъ и непоколебимымъ, припѣвая среди мукъ стихъ псалмопѣнія: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устѣхъ моихъ* (Пс. 33, 1.). Они терзали его плоть, а онъ пѣлъ, какъ будто не онъ, а другой кто терпѣлъ казнь. Это наказаніе смѣняетъ темница; и здѣсь опять надъ святымъ свершилось чудо; ночью слышались голоса множества поющихъ, и находящимся внѣ (темницы) видѣлся блескъ свѣтящихся лампадъ, какъ бы на всенощномъ бдѣніи, такъ что и тюремный сторожъ, смущенный необычайностію того что видѣлъ и слышалъ, прибѣжалъ въ темницу, но никого не нашелъ

въ ней, кромѣ покоящагося мученика и другихъ спящихъ узниковъ. Когда же послѣ многихъ страданій (мученикъ) явился мужемъ вполне созрѣвшимъ въ исповѣданіи и благочестіи, произносится надъ нимъ судебный приговоръ и выходитъ повелѣніе предать его огню; такъ онъ прекраснымъ и блаженнымъ путемъ отошелъ къ Богу, а намъ оставилъ назидательную память о своемъ подвигѣ, собирая народы, наставляя церковь, прогоняя демоновъ, низводя мирныхъ ангеловъ, испрашивая намъ у Бога полезное, содѣлавъ сіе мѣсто врачевницею различныхъ болѣзней, пристанью обуреваемыхъ скорбями, изобильною сокровищницею бѣдныхъ, удобною страннопріимницею для путешественниковъ, постояннымъ мѣстомъ праздника для празднующихъ. Ибо, хотя мы и чтимъ этотъ день ежегодными празднествами, но никогда не прекращается усердіе множества стремящихся сюда, но ведущая сюда дорога похожа на путь, устѣянный муравьями; одни идутъ впередъ, другіе уступаютъ мѣсто вновь приходящимъ.

Мы, о блаженный, челоуѣколюбіемъ Создателя свершивши годовой кругъ, собрали для празднованія тебѣ священное собраніе мучениколюбцевъ, поклоняясь общему Владыкѣ и совершая побѣдное воспоминаніе твоихъ подвиговъ. Ты же, предстоятель праздника, (ибо

къ тебѣ созвавшему насъ зываемъ), приближися къ намъ, гдѣ бы ты ни былъ, обитаешь ли въ эѳирной высотѣ или обходишь какой небесный сводъ, предстоишь ли Владыкѣ вмѣстѣ съ ликами ангельскими, или какъ вѣрный рабъ покланяешься Ему вмѣстѣ съ Силами и Властями, — оставивъ на малое время горнее, прииди какъ невидимый другъ къ чтущимъ тебя; посмотри на совершающееся здѣсь, чтобъ удвоить свою благодарность къ Богу, за одно страданіе и за одно благочестивое исповѣданіе воздавшему тебѣ такія награды, и возрадоваться за (пролитую тобою) кровь и огненное мученіе; ибо сколько было тогда у тебя зрителей твоей казни, столько теперь у тебя служителей твоей чести. Во многихъ благодѣяніяхъ имѣемъ нужду; молися за отечество предъ общимъ всѣхъ Царемъ; ибо отечество мученика — страна, гдѣ онъ пострадалъ, а сограждане и сродники—тѣ, кои его погребли, у которыхъ его тѣло, кои чтутъ его. Предусматриваемъ скорби; ожидаемъ опасностей; не далеко ужасные Скифы, замышляющіе войну противъ насъ; какъ воинъ поборай по насъ, какъ мученикъ яви (молитвенное) дерзновеніе (къ Богу) за служащихъ Ему вмѣстѣ съ тобою. Хотя ты и прешель отъ сей жизни, но знаешь страданія и нужды человѣчества; испроси намъ миръ, чтобы не прекратились сіи праздне-

ства, чтобы не сталъ ликовать надъ храмами и жертвенниками неистовый и необузданный варваръ, чтобы не попралъ святая сквернитель. Ибо мы и то, что до сихъ поръ сохранились невредимы,—твоимъ считаемъ благодѣяніемъ; просимъ у тебя и на будущее время безопасности. А еслибъ оказалась нужда въ большемъ молитвенномъ предствительствѣ, собери ликъ своихъ братьевъ мучениковъ и молись со всѣми ими; молитвы многихъ праведниковъ да разрѣшаютъ грѣхи народовъ и племень. Напомни о насъ Петру, возбуди Павла, равно какъ и Іоанна Божеслова и возлюбленнаго ученика, да позаботятся о церквахъ, которыя они устроили, за которыя носили узы, за которыя подверглись опасностямъ и смерти, чтобъ идолослуженіе опять не подъяло главы надъ нами, чтобъ ереси, какъ тернія не произрасли въ виноградникѣ, чтобы вновь ожившія плевелы не заглушили пшеницы, чтобы не было среди насъ каменистой почвы (Матѣ. 13, 20), лишенной тука, истинной росы и препятствующей укорениться силѣ слова для принесенія благихъ плодовъ; но силою твоей и сущихъ съ тобою молитвы, о дивный и пресвѣтлый среди мучениковъ, да содѣлается гражданство христіанское до конца временъ мѣстомъ жатвы на тучной и плодоносной пажити вѣры во Христа, всегда плодоносящимъ жизнь

вѣчную, жизнь во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Коимъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

I.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ.

Чѣмъ, предполагаю, многіе тяготятся, тому я мысленно радуюсь. Многимъ, вѣроятно, неприятно толпиться между собою въ тѣснотѣ, а для меня это верхъ радости. Ибо радуется око пастыря, видя, какъ его стадо тѣснится отъ множества и переполняетъ ограду; хотя и не мала эта ограда овчая, но просторное мѣсто дѣлается тѣснымъ для стада многочисленнаго. Видя нѣчто таковое и около Господа, Петръ сказалъ ему въ отвѣтъ: *наставниче, народи одержатъ Тя и интутъ* (Лук. 8, 45.). Подлинно, это значить, какъ говоритъ нѣгдѣ божественный Апостоль, быть утѣсняему, но не стѣснену; ибо мы отовсюду, говоритъ, притѣсняемы, но не стѣснены (2 Кор. 4, 8.). Но мнѣ какаго рода держать рѣчь предъ столь многочисленнымъ собраніемъ? Кто дастъ

мнѣ голосъ, звучаѣйшій трубы, чтобы покрыть шумъ множества и сдѣлать слова доступными слуху собравшихся? Къ чему изъ прочитаннаго обративъ свою мысль, найду приличное для присутствующихъ слово? Обиленъ Іовъ, своимъ примѣромъ научающій мужеству въ жизни; обиленъ загадками приточникъ. Что сказать и о священномъ апостолѣ, который въ своемъ ученіи къ Ефесянамъ* можетъ быть открылъ бы и намъ нѣчто изъ тѣхъ неизреченныхъ глаголовъ, которые называетъ превышающимъ человѣческое разумѣніе (2 Кор. 12, 4), въ загадочныхъ рѣченіяхъ открывая неизреченную тайну креста (Ефес. 3, 18. 19.)? Такаго же рода и другія, въ псалмопѣніяхъ заключающіяся, тайны: *воспоминаніе* (Пс. 69, 1), *столпописаніе* (Пс. 15, 1). *точило* (Пс. 80, 1). Ибо, обративъ вниманіе на эти надписанія прочитанныхъ намъ псалмовъ, видимъ, что сіи загадочныя рѣченія могли бы дать не малый предметъ для слова, Но мнѣ кажется благовременнымъ, изслѣдованіе о сказанномъ прибегнуть до другаго времени; я желаю найти какое либо изреченіе (писанія) приличное и соответствующее радости настоящаго праздника. Какое же? Я знаю одинъ, свойственный природѣ, на самыхъ божественныхъ скрижаляхъ Законодателемъ природы начертанный, законъ, который повелѣваетъ воздавать своимъ родителямъ вся-

кимъ благимъ воздаяніемъ, какое только возможно. Ибо, *что, говоритъ, отца твоего и матерь твою, яже есть заповѣдь первая во обѣтованіи, да благо ти будетъ* (Исх. 20, 12, Ефес. 6, 2). Если же сей законъ есть первый съ обѣтованіемъ и исполненіе его приноситъ пользу самому исполняющему, ибо почитаніе родителей обращается на исполнившаго законъ; то хорошо бы всякому размышляющему имѣть въ виду эту заповѣдь, которой конецъ — благодареніе и благодать исполняющему оную. Но плотскіе наши отцы, послужившіе своему роду въ продолженіе назначеннаго имъ отъ начала времени, какъ давно уже умершіе, не имѣютъ нужды въ нашемъ почтеніи, такъ что невозможно исполнить сей законъ, за несуществованіемъ тѣхъ, кои могли бы принять отъ насъ благое воздаяніе. Законъ же повелѣваетъ намъ исполнять на дѣлѣ заповѣдь, чтобы получить обѣтованное; ибо невозможно недѣлающимъ получить награду дѣлающихъ. И такъ что же нужно дѣлать, когда нѣтъ родителей, тому, кто и обѣтованнаго ищетъ и не имѣетъ возможности, какъ достигнуть того, къ чему стремится? Подлинно, сіе затрудненіе совершенно разрѣшаетъ для насъ то, что мы видимъ. Ибо, видя васъ, я не имѣю нужды слишкомъ заботиться объ иныхъ отцахъ. Вы — мои отцы, отцы и самыхъ отцевъ для меня; потому что отчество родив-

шихся заключаетъ въ себѣ и достоинство родителей. Итакъ—какимъ же дѣломъ исполнимъ въ отношеніи къ вамъ законъ почтенія? Признательный, нѣжно любящій сынъ, своимъ служеніемъ подкрѣпляя старческой возрастъ отца, служитъ опорой хилой немощи, самъ будучи всею для отца. Посему отецъ представляется молодѣющимъ въ сынѣ, и дрожащая старческая рука, покоясь на юношеской крѣпости, пользуется силою юноши; и движеніе ногъ, сгибающихся уже отъ искривленія членовъ, дѣлается крѣпкимъ, при заботливости сына, поддержка со стороны котораго какъ бы опять возвращаетъ прямизну ногамъ старца. Если отъ времени помрачилось и зрѣніе, опять при помощи сына старецъ дѣлается зоркимъ, водимый за руку въ движеніяхъ, необходимыхъ для жизни. Вы же, мои отцы, не таковы чтобы нуждаться въ чемъ-нибудь подобномъ.

И такъ за какое же дѣло мы можемъ получить плодъ, — благословеніе заповѣди? Что пріятнаго принесемъ вамъ въ даръ, когда вы не имѣете недостатка ни въ какомъ благѣ? Или и самое повѣствованіе о тѣхъ прекрасныхъ вещахъ, какія у васъ есть, можетъ замѣнить честь, которую мы обязаны вамъ? И такъ не время ли сказать и о томъ, какія и сколь многочисленныя блага служатъ украшеніемъ вашей жизни, — лучше же намъ слѣду-

еть не сказать только, но и указать на сіи блага. Можетъ-быть вы думаете, что я стану говорить объ этихъ обыкновенныхъ и всѣмъ извѣстныхъ благахъ, — о плодородіи земли, изобиліи плодовъ, о рѣкѣ, раздѣляющей ваше мѣстообитаніе? Я говорю объ этой рѣкѣ, замыкающей свое теченіе въ кругу равнины и образующей озеро, которая и выше озера и по выходѣ вновь изъ него, будучи раздѣлена (на каналы), соотвѣтственно потребностямъ каждаго изъ жителей, искусственно орошаетъ роши и луга и доставляетъ живущимъ безчисленныя выгоды, позволяя раздѣлять себя сообразно со всякимъ желаніемъ жителей города. Пусть говорятъ объ этомъ другіе, тѣ, для которыхъ слово служить и средствомъ тщеславія и доставляетъ опытнымъ (въ этого рода краснорѣчіи) нѣкоторую честь, — умножать чрезъ то хвалу отечества. А кто-нибудь, мірской человѣкъ, умѣющій судить о благахъ сей жизни, къ этимъ похваламъ пусть присоединить, если хочетъ, похвалу и другой рѣкѣ; я говорю о сосѣдней, причисляемой, по величинѣ, къ знаменитымъ рѣкамъ во вселенной, которая, начинаясь у насъ, протекаетъ вблизи города, принося собою не мало хорошаго для увеличенія красоты страны и содѣйствія удобствамъ жизни. Если нужно перечислять основателей города, или прославлять роды населившихъ колоніи его,

или повѣствовать сверхъ того объ успѣхахъ совершенныхъ у насъ силою оружія, о трофеяхъ, сраженіяхъ, удивительныхъ дѣлахъ храбрости, которыя бытописатели собрали въ книгахъ, то все это чуждо нашему собранію. Ибо христіанское слово стыдится вмѣнять христіанамъ въ похвалу то, что чуждо вѣрѣ; это значило бы прославлять тѣнь храбраго, вмѣсто его трофеевъ. И такъ слово наше пусть возвратится къ настоящему и представить нашимъ взорамъ вашъ собственный плодъ. Да умолкнетъ же рѣчь о мірскихъ красотахъ, хотя и этотъ предметъ могъ бы дать обильное содержаніе для похвальнаго слова. Ибо ни цѣлое небо, которое есть самое прекрасное и величайшее во всемъ сотворенномъ, ни сіяніе свѣтилъ, ни широту земли, ни иное что, по стихійному составу своему входящее въ составъ вселенной, боговдохновенное слово не признаетъ чѣмъ либо великимъ и достойнымъ удивленія. Божественное повелѣніе научило меня не относиться съ удивленіемъ ни къ чему преходящему. И такъ, если все небо и земля преѣдетъ и весь образъ міра *пре-ходитъ*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 7, 31); то найдетъ ли кто приличнымъ, если мы сдѣлаемъ предметомъ похвалъ плодородіе земли и (обиліе) воды? Ибо хотя въ вашей мѣстности таковыхъ земныхъ удобствъ и болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но въ сравненіи

съ вашими благами, слово (Божіе), какъ извѣстно, вмѣняетъ ихъ ни во что. И такъ, обратимъ наши хвалы къ тому, что предпочтительнѣе по природѣ. На это укажутъ вамъ уже не слова наши, но и сами вы можете видѣть главное изъ вашихъ благъ. Ибо кто не знаетъ вашъ плодъ, — что вы произрастили сей многоплодный колосъ мучениковъ, числомъ плодовъ превысившій число тридцать? Посмотрите на сію священную ниву; здѣсь (собраны) снопы мучениковъ. Если хочешь узнать, о какой говорю нивѣ, посмотри вокругъ не далѣе настоящаго мѣста. Какое это мѣсто, въ которомъ находится сіе собраніе? Что говоритъ тебѣ это ежегодное обхожденіе круга (временъ)? Какія повѣствованія приносятъ тебѣ воспоминаніе сего дня? не тѣ ли это *рчи* и *словеса*, *ихже только*, какъ говоритъ Пророкъ, *не слышатся гласи ихъ* (Псалм. 18, 4), повѣствующіе о чудесахъ благозвучнѣе всякаго слова? Если ты посмотришь на сіе мѣсто, оно скажетъ о себѣ, какъ о поприщѣ мучениковъ; если подумаешь о днѣ, онъ какъ бы нѣкоторый велегласный вѣстникъ возглашаетъ о вѣнцѣ мучениковъ. Кажется мнѣ, я слышу, какъ провозглашаетъ сей день: одинъ (день) гордится сотвореніемъ свѣтилъ, другой — неба, а иной величается устроеніемъ земли; мнѣ же для украшенія моего довольно чудесь муче-

никовъ; довольно величаться красотою вѣнцевъ; довольно хвалиться знаками побѣды надъ діаволомъ. Какія въ часы мои произошли событія, достойныя повѣствованія! Какое я произвелъ приращеніе къ лику Ангеловъ! Какой плодъ дала Богу земля! Какой садъ насадилъ въ мое время Господь! Отсюда вся почти вселенная насадилась отпрысками здѣшнихъ отраслей, подобно тому, какъ полная силы виноградная лоза производитъ изъ себя и другія виноградныя лозы и сама остается безъ убыли. Сіе и другое сему подобное, мнѣ кажется, благовѣствуетъ благодать сего дня и мѣсто сего собранія. Но что дѣлать мнѣ при такомъ множествѣ народа, мнѣ тихогласному и медленному въ словѣ, рѣчь котораго едва слышна предстоящимъ, при шумѣ, заглушающемъ слова? Ибо иначе, я занялъ бы ваше вниманіе добрыми повѣствованіями о томъ, какимъ образомъ прекрасное сообщество сорока (мучениковъ) вмѣстѣ подвизалось и вмѣстѣ повсюду нашло себѣ жилище; какъ они и повсюду раздѣляются и другъ у друга гостятъ по мѣстамъ. Каждый, получившій какъ благодатный даръ, часть ихъ останковъ, пріямъ все цѣлое явленіе мучениковъ; ибо всѣ они, содѣлавшіеся едино о Господѣ, чрезъ одного вселяются и всѣ, въ полномъ своемъ числѣ. Но не заслужитъ ли порицанія наше слово за то, что

умолчало о началѣ повѣствованія о нихъ? Какое же начало? Добрая и досточтимая юность, превосходная вѣра, которая содѣлала всѣхъ ихъ избранными, сіяющими красотою, величіемъ подобными молодымъ деревьямъ въ лѣтнемъ цвѣтѣ.... Видите ли какъ рѣчь заглушается смятеніемъ и слово прерывается шумомъ, такъ что мы, обуреваемые возгласами народа, какъ бы нѣкоторымъ волнующимся моремъ, по необходимости должны прибѣгнуть въ тихую пристань молчанія? Если же по благодати Божіей у насъ будетъ для второй (части) слова удобство при спокойствіи слушающихъ, то нынѣ оставленное восполнится Богу содѣйствующу. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

II.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ.

Вчера мученики призывали къ себѣ народъ; нынѣ сами пришедши, приемятся какъ гости, въ гостинницѣ Церкви. Но есть нѣкоторый законъ для пиршествъ, чтобы круговыя эти угощенія давались пирующими взаимно поочереди. И такъ необходимо и намъ воздать мученикамъ за ихъ угощеніе подобнымъ же пиршествомъ. Но поелику у насъ недостаточны средства слова, то хорошо намъ угостить ихъ остатками ихъ же (трапезы), — ихъ, вчерашнихъ хозяевъ, нынѣшнихъ же гостей. Ибо достаточно и малой нѣкоторой части отъ богатой трапезы для приготовления великаго пира, какъ скоро таковъ остатокъ. Какой же это остатокъ? Помните конечно, на чемъ остановились мы въ словѣ, когда сей

вождедѣнный и пріятный для насъ отъ множества собравшихся шумъ помѣшалъ слушать, что говорилось; когда одушевленное сіе церковное море, переполняясь множествомъ притекающихъ, волновалось отъ напора постоянно тѣснящихся, подобаясь дѣйствительному морю и по шуму, поражавшему нашъ слухъ подобно шуму волнъ. И такъ на чемъ остановили мы слово, обуреваемое шумомъ, конечно помните вы, заботящіеся имѣть мучениковъ въ памяти. Мы, какъ кажется, остановились на томъ, что избранные на сей подвигъ были не кто либо изъ обыкновенныхъ людей, и не какая нибудь простая и безвѣстная толпа отъ низкихъ занятій возвысилась до такого достоинства; но, вопервыхъ, превосходя прочихъ стройностію тѣла, красотою, крѣпостію и избыткомъ силы, они зачислены были въ воинскіе списки; затѣмъ отличившись добродѣтельною жизнію и цѣломудреннымъ житіемъ, они при кончинѣ своей получили благодать мученичества, какъ бы нѣкоторую почесть и награду за мужество. И, чтобы слово наше было пріятнѣе, если угодно, мы оиять по порядку припомнимъ все о мученикахъ, какъ бы на зрѣлищѣ представляя взорамъ настоящаго собранія ихъ подвиги.

Былъ древле въ сосѣднемъ городѣ воинскій отрядъ, защищавшій весь народъ отъ нападений варваровъ. Сін воины, по нѣкоторому

прежде бывшему божественному явленію, ревновали болѣе о вѣрѣ, чѣмъ о воинскихъ дѣлахъ. И можетъ-быть не безвременно рассказать мимоходомъ объ одномъ дѣлѣ вѣры сихъ мужей. Однажды, когда у нихъ происходила война съ варварами и всѣ удобныя мѣста были прежде заняты войскомъ противниковъ, такъ что и вода находилась во власти враговъ, они пришли въ крайнюю опасность, или по неопытности нашихъ вождей или же по нѣкому лучшему и болѣе божественному домостроительству, чтобы сильнѣе всего чрезъ это проявилось различіе христіанъ отъ чуждыхъ вѣрѣ. Когда они не знали что дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ и было большое затрудненіе, потому что не было у нихъ въ виду въ этомъ мѣстѣ никакого источника или потока воды, такъ что была опасность подпасть власти противниковъ вынужденнымъ (къ тому) жаждою; тогда сіи доблестные (воины), оставивъ надежду на оружіе, рѣшились въ этихъ страшныхъ обстоятельствахъ призвать непобѣдимую и непреоборимую помощь. Оставивъ въ лагерѣ еще не принявшихъ вѣры и сами отдѣлившись отъ нихъ, они подражаютъ чудотворенію, бывшему при Іліи пророкѣ, общимъ и совокупнымъ гласомъ прося избавленія (ихъ) отъ неотвратимаго бѣдствія. Они молились; молитва же немедленно исполнилась. Когда они еще

оставались колѣнопреклоненными, сильнымъ вѣтромъ откуда-то взятое облако стало въ воздухѣ надъ непріятельскимъ лагеремъ; потомъ разразившись необычайнымъ громомъ и ударивъ на находившихся подъ нимъ пламенною молніею, оно низвергло воду, обильнѣйшую рѣкъ, такъ что для непріятелей оно было причиною совершенной гибели какъ отъ непрерывнаго вихря съ молніею, такъ и отъ множества дождя, а для тѣхъ, кои сражались молитвами, это облако было достаточно для того и другаго,—и для побѣды надъ противниками, и для утоленія жажды, поелику потоки дождя доставили имъ обильное питье. Къ сему сонму воиновъ былъ причисленъ и нашъ воинскій ликъ; укрѣпившись и сами въ вѣрѣ повѣствованіями о семъ событіи, и воспитавъ себя подобнаго ради упражненіями, они возвысились до такого величія, что превосходствомъ добродѣтели возбудили противъ себя зависть. Ибо, какъ мы научились изъ прочитаннаго намъ нынѣ изъ исторіи Іова, врагъ рода человѣческаго считалъ обидою себѣ прославленіе Іова и потому домогался ему несчастій, что печалилъ его Іовъ, будучи истиненъ, справедливъ и непороченъ; такимъ же точно образомъ и на сихъ великихъ подвижниковъ смотрѣлъ лукавымъ окомъ возстающій на добрыхъ и не сносилъ, видя нравственную доблесть въ юношескомъ возрастѣ.

Видѣлъ онъ цвѣтущее состояніе тѣла, украшаемаго цѣломудріемъ; видѣлъ нѣкій вооруженный строй, воински ликующій предъ Богомъ; узрѣлъ мужей прекрасныхъ на взглядъ, грозныхъ на видъ, бодрыхъ духомъ, увидѣлъ быстроту ихъ ногъ, обиліе силы, соразмѣрность членовъ тѣла, и при всѣхъ преимуществахъ, какими они обладали, душевную добродѣтель затмѣвающую своимъ сіяніемъ тѣлесныя совершенства. Ходитъ и между ними съ завистію обходящій вселенную (Іов. 1, 7); онъ видитъ не одного истиннаго человѣка, но цѣлый божественный сонмъ людей, которые всѣ истинны, праведны, благочестивы, — видитъ, выпрашиваетъ и ихъ въ свою волю.

И сперва внушаетъ идолонеистовствующему военачальнику совѣтъ, что онъ не иначе одержитъ побѣду надъ варварами, какъ только принесши въ жертву поклоняющихся имени Христову. Когдаже они весьма скоро заявили себя добрымъ своимъ исповѣданіемъ и сами устремились къ кончинѣ чрезъ страданія; тотчасъ врагъ устроилъ, что имъ назначаютъ, какъ нѣчто человѣколюбивое, смерть отъ меча; ихъ сковали желѣзными узами, и это было началомъ ихъ мученія. Но для нихъ и узы быми украшеніемъ; то было прекрасное и пріятное очамъ Христіанъ зрѣлище: избранные юноши въ такомъ числѣ цвѣтущіе красотою, превосходные возрастомъ, всѣ свя-

зывались одинъ съ другимъ узами, какъ нѣ-
 который вѣнецъ или ожерелье кругомъ
 унизанное равнымъ жемчугомъ. Таковы были
 сіи святые, и вѣрою соединенные, и узами
 вмѣстѣ связанные; каждый и самъ по себѣ
 былъ прекрасенъ и служилъ къ возвышенію
 красоты другаго. Какое чудесное зрѣлище
 представляетъ собою ясное и чистое небо,
 испещренное прекрасными звѣздами, когда
 каждая изъ нихъ приноситъ свой блескъ въ
 общее украшеніе неба; такъ же прекрасно
 было и зрѣлище сихъ святыхъ, поистинѣ,
 какъ говорить нѣгдѣ Пророкъ Іезекиль, *ви-
 дѣніе свѣщъ соображающихся* (Іезек. 1, 13.). На
 видимой красотѣ охотно останавливается наше
 слово; ибо оно умѣетъ, какъ говорить Пре-
 мудрость, *отъ величества и красоты созданий*
 познавать и сокровенную красоту (Прем. 13, 5.),
 поелику и чистота души сіяла въ ихъ внѣш-
 немъ видѣ и видимый челоѡкъкъ былъ достой-
 нымъ обиталищемъ невидимаго. И такъ ка-
 кое прекрасное зрѣлище представляли тогда
 для зрителей,—прекрасное, говорю, для жела-
 ющихъ видѣть прекрасное, прекрасное для
 Ангеловъ, прекрасное для премірныхъ силъ,
 но горькое для демоновъ и для послѣдова-
 телей демоновъ,—сіи люди, если только мо-
 гутъ быть названы людьми столь превзо-
 шедшіе другихъ величіемъ природы,—сіи ра-
 тоборцы Христовы, воины Святаго Духа, за-

щитники вѣры, оплоты града Божія! Какъ бы надъ какимъ то дѣтскимъ нѣразуміемъ посмѣваются они надъ всякимъ мученіемъ и оскорбленіемъ, надъ всякимъ устрашеніемъ, надъ всякимъ прираженіемъ угрозъ, какъ будто они отдавали на біеніе не тѣло, но тѣни тѣлъ; поборовши плоть плотію, пренебреженіемъ смерти выказавъ презрѣніе ко всѣмъ устрашеніямъ мучителей, они явили себя высшими человѣческой мѣры. О какъ прекрасно упражнялись вы для полученія вещественныхъ трофеевъ, и какъ прекрасно примѣнили воинскую опытность къ борьбѣ съ діаволомъ! Они шли противъ сопротивной силы не мечемъ вооруживши руки, и не деревяннымъ щитомъ прикрывшись, не мѣднымъ шлемомъ и наколѣнниками оградившись, но воспріявши всеоружіе Божіе, которое вождь церкви, божественный Апостоль называетъ щитомъ, бронею, шлемомъ и мечемъ (Ефес. 6, 13 — 17.). Предводительствовала же ими небесная благодать; а ратью діавола — имѣющій *державу смерти* (Евр. 2, 14.). Мѣстомъ сраженія для нихъ было судилище кровожадныхъ убійць; здѣсь, ставши вмѣстѣ, они вступили въ брань, одни метая стрѣлы угрозами, другіе отражая ихъ терпѣніемъ.

Противники предложили имъ, или отречься отъ вѣры въ Господа, или быть казненными смертію; доблестные (ратоборцы) отвѣчали,

что до самой смерти пребудутъ въ исповѣданіи. Грозили имъ при этомъ огнемъ, мечемъ, низверженіемъ въ пропасть и иными видами казней. На все это слышался одинъ гласъ: Христось, исповѣдуемый устами святыхъ. Это было ударомъ для противниковъ; такого рода копіе выставили они противъ непріятеля; этимъ гласомъ противникъ былъ пораженъ въ самое сердце. Это былъ камень, брошенный изъ пращи рукою Давида, попавшій подъ шлемъ противника (1 Цар. 17, 49); ибо исповѣданіе Христа есть праща добраго воина. Врагъ падаетъ обезглавленный. Но дерзновенное слово наше несется далѣе, переходитъ предѣлы, осмѣливается коснуться неизреченнаго, побуждается говорить о невидимомъ, какъ бы само было очевидцемъ: при семъ гласъ дерзновеннаго исповѣданія Христа были одобренія горѣ, похвала отъ святыхъ Ангеловъ, привѣтствіе отъ гражданъ небснаго града рукоплескавшихъ подвигу, радость всего собранія небснаго. Ибо какое тогда представилось для Ангеловъ зрѣлище въ человѣческомъ мірѣ! Какую борьбу діавола и людей видѣли зрители нашей жизни! Какъ противоположенъ былъ исходъ этой борьбы въ сравненіи съ первою, когда змій побѣдилъ Адама! Не вынесъ тогда чловѣкъ даже одного нападенія отъ врага; (обольщенный) красивымъ видомъ предложеннаго ему лаком-

ства, лишь только подвергся нападенію, какъ ниспровергнуть былъ и палъ. Противъ нихъ же тщетно и не дѣйственно было все воинское искусство врага. Подавалъ онъ надежды, — они попирали; грозилъ ужасами, — они посмѣвались. Одно только страшно было для нихъ, — отрѣшиться отъ Христа; одно благо, — быть съ однимъ Христомъ; всеже прочее, — смѣхъ и тѣнь, пустословіе и сонныя мечтанія. Посему-то дерзнуло наше слово коснуться невидимаго и сказать, что всѣ премірныя силы радовались при подвигѣ сихъ борцевъ. Но и еще наше слово рѣшается на то, что не доступно дерзновенію; еще осмѣливается повѣдать о премірномъ, о томъ что когда сіе совершалось здѣсь, въ сей борьбѣ съ противниками праведный Подвигоположникъ возлагалъ побѣдныя вѣнцы, Началовождь божественныхъ силъ готовилъ побѣдителямъ награды, а Святыи Духъ дарилъ ихъ многоразличными благодатными дарами; такъ какъ они исповѣдали вѣру въ Троицу, то и благодать воздана имъ отъ Троицы. Какая же благодать? То самое, что они явили себя высшими первыхъ ратаборцевъ Адама и Евы. Тѣ грѣхомъ ниспровергли человѣческую природу, еще стоящую; сіи — ее, низложенную паденіемъ прародителей, опять возставили терпѣніемъ. Тѣ изъ рая изринуты на землю; сіи отсюда преселились въ рай. Тѣ дали на себя самихъ

оружіе смерти; ибо какъ сказано: *оружіе смерти,—иръхъ* (1 Кор. 15, 56); сіи своимъ мужествомъ обезсилили вооруженную грѣхомъ смерть, терпѣніемъ страданій притупивши остріе жала, такъ что умѣстно сказать: *идь ти, смерти, жало, идь ти, аде, побѣда?* (1 Кор. 15, 55.). Что ничтожнѣе древеснаго плода? Что маловажнѣе дерева? Но плодъ, прикрашенный красивымъ видомъ и пріятнымъ вкусомъ, сдѣлалъ то, что пренебрежена была пріятность рай. Сімъ же великимъ подвижникамъ и самое солнце не показалося пріятнымъ; и сего они добровольно лишили себя, чтобы не отпасть отъ свѣта истиннаго. Что говорить писаніе объ Евѣ? (Продолжаю сверхъ должнаго повѣствованіе о прародителяхъ). *И видѣь, сказано, яко добро древо въ видѣь, и яко угодно очима видѣти* (Быт. 3, 6); такимъ образомъ на пріятность этихъ плодовъ они промѣняли рай. А симъ для наслажденія и удовольствія предлежало все видимое: небо, солнце, земля, люди, отечество, матери, братья, друзья, сродники, сверстники. Что видѣть пріятнѣе сего? Что лучше наслажденія симъ? Дѣти, вы знаете любовь къ родителямъ; отцы,—знаете привязанность къ дѣтямъ; ты, видящій, знаешь пріятность свѣта солнечнаго; тебѣ братолюбцу не безъизвѣстна естественная привязанность къ братьямъ; ты, юноша, знаешь пріятность товарищества, какъ оно

услаждаетъ твою жизнь. Но имъ все было враждебно, все чуждо. Одно благо для нихъ было,—Христось; отъ всего они отреклись, чтобы пріобрѣсти Его. Время заключенія въ узахъ было не мало; но у святыхъ вмѣстѣ съ протяженіемъ наказанія возростало желаніе совершенства. И какъ заботящіеся о тѣлесной крѣпости, послѣ того какъ пріобрѣтутъ достаточную силу въ школѣ гимнастики, за тѣмъ смѣло идутъ на состязаніе; подобнымъ образомъ и сіи, узами и темницею достаточно усовершенствовавшись въ благочестіи, стремятся къ вѣнцу подвиговъ.

Наше слово послѣдовательно пришло къ окончанію или, лучше, къ самому верху всего подвига. Это самое тогда было время, эти самые дни подвиговъ; сіе преддверіе пасхи,—таинство святой четыредесятницы. Сорокъ дней (назначено) намъ для умиловленія и столькоже вѣнцевъ для святыхъ. Не говорилъ ли я лишняго и не кажусь ли вамъ слишкомъ болтливымъ, повѣствуя у васъ о вашихъ чудесахъ, и тѣша вашъ слухъ вашимъ же? Но чтобы слово не осталось недоконченнымъ, и мы вмѣстѣ съ святыми потечемъ до конца ихъ подвиговъ. Въ этотъ день былъ морозъ. Конечно нѣтъ нужды говорить вамъ, какъ бы морозъ; вы можете судить о томъ по настоящему дню, когда морозъ проникаетъ даже самые волосы. И пришельцы въ сихъ

мѣстахъ и туземцы знаете чрезмѣрную суровость стужи, и нѣтъ никакой нужды говорить о томъ. Да и можетъ ли посторонній рассказать объ удивительныхъ вашихъ зимахъ,—какъ постоянно текущія рѣки останавливаются, задержанныя въ теченіи морозомъ, окаменяющимъ волны. А сосѣднее озеро имѣетъ нужду въ какихъ либо знакахъ, чтобы разпознать, что это озеро; оно такъ отвердѣваетъ отъ мороза, что желающіе, обыкновенно, ѣздятъ по нему верхомъ на лошадахъ, поверхъ волнъ его. Извѣстно мнѣ и то, что туземцы часто прибѣгали къ добыванію воды посредствомъ огня, когда, отколовъ кусокъ льда, растопляли его какъ бы какую мѣдь или желѣзо и дѣлали изъ камня воду. Такова была погода во время ихъ подвига, и это бѣдствіе еще усиливалось отъ необычайныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, какъ слышали мы то отъ повѣствователей о ихъ чудесахъ.

И такъ, когда открыто предъ всѣмъ народомъ возвѣстивъ имя Господа и, явивъ уже себя вѣнчанными побѣдителями за такое исповѣданіе, они текли къ завершенію (страданій) смертію, измышленъ былъ для нихъ такой образъ подвига: отъ тиранна выходитъ повелѣніе,—лишить жизни подвижниковъ морозомъ. О какъ безсильны и слова мои и мысли! Насколько слово ниже достоинства (предмета)! Приказъ о смерти, — морозъ, мученіе,

ожиданіе такой казни, — и блаженная юность со смѣхомъ и дѣтскою веселостію устремилась на мѣсто казни; бѣгомъ устремились подвижники на страданіе; то былъ священный и стройный бѣгъ; то было соревнованіе предвосхитить вѣнецъ исповѣданія; одинаково у всѣхъ ихъ было рвеніе побѣдить; никто не оказался послѣднимъ въ готовности, напротивъ всѣ единодушно, достигши сего самаго мѣста, какъ будто не было тогда общенародныхъ бань, и какъ бы сами имѣя намѣреніе освѣжить свои тѣла омовеніемъ, не медля сняли одежду, всѣ повторяя слова Іова: наги вошли мы въ міръ, наги и отойдемъ ко Введшему насъ въ міръ (Іов. 1, 21); ничего не принесли мы въ міръ, ничего не должны и выносить; лучше-же, — вошедши нагими, мы выйдемъ исполненными сокровищъ добраго исповѣданія. Говоря сіе и такого рода словами ободряя себя, они предали тѣло на замороженіе; природа видимая страдала отъ холода, а естество мучениковъ какъ будто не было подвластно ему; или лучше сказать, естество тѣла терпѣло, что ему свойственно, и принимало страданія, а великій духъ подвижниковъ сражался съ самымъ естествомъ. Ибо тогда какъ сила тѣла истощаемая и уничтожаемая замерзаніемъ мало помалу исчезала; сила духа становилась больше и больше. Прекрасный видъ тѣла помрачался, краса его

увядала; пальцы отпадали, морозомъ мало по малу обсекаемые; всѣ члены и органы чувствъ замирали отъ суровости стужи. Тѣло мало по малу покрывалось смертною блѣдностію и, вспухая и растрескиваясь на членахъ, отставало отъ костей; чувствуемы были предсмертныя страданія, — и такимъ образомъ смерть; по немногу приближаясь, продлилась на три дня. Во все это время ощущеніе ихъ не оставляло и они оставались въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ стали сначала, будучи во всемъ побѣдителями надъ противникомъ. Но кто достойнымъ образомъ расскажетъ мнѣ о томъ, что за симъ послѣдовало? Какое слово опишетъ оное божественное торжественное шествіе, когда сіи святыя тѣла на повозкахъ были везены на сожженіе? Какъ вмѣсто отторгнутаго діаволомъ введенъ благодатию въ число мучениковъ темничный сторожъ? Кто расскажетъ мнѣ объ оной матери, — достойномъ корнѣ мученика, которая, когда рожденный ею, какъ еще дышавшій, былъ оставленъ палачемъ, а не положенъ съ другими на колесницу, увидѣвъ человѣколюбіе палача къ подвижнику, не снесла такой обиды, но бранила его за то, что онъ разлучилъ подвижника отъ сподвижниковъ? Самаже она стояла около мученика, уже окоченѣвшаго, неподвижнаго отъ холода, видѣла холодное и слабое его дыханіе, видѣла какъ

онъ на столько еще живой, чтобы чувствовать страданія, слабымъ и гаснущимъ взоромъ смотреть на мать свою, мертвѣющею и бессильною рукою ободряетъ и утѣшаетъ ее, увѣщавая мужественно переносить (несчастіе). Видя все это, мать позволила ли себѣ что-либо материнское? Содрогнулась ли ея утроба? Растерзала ли одежду? Или, обнявъ сына, теплыми руками согрѣвала ли коченѣвшаго? Довольно! И говорить чтонибудь подобное не умѣстно. Подлинно узнаемъ дерево по плоду; не можетъ гнилое дерево принести хорошіе плоды.

И такъ поелику плодъ мученія хорошъ, возхвали доблестную родительницу, — мать, по слову Апостола, спасающуюся *чадородія ради* (1 Тим. 2, 15); ибо представивъ Богу такой плодъ, она явилась защитницею правъ всего женскаго пола. Не мое дитя, говорила она, не моей утробы порожденіе ты; Бога воспріявшій, отъ Бога ты рожденъ; ты получилъ власть быть чадомъ Божиимъ (Іоан. 1, 12.). Слѣши къ своему Отцу, не отставая отъ сверстниковъ, чтобы не придти къ вѣнцу вторымъ; не сдѣлай напрасною материнскую молитву; ты не огорчишь мать, ставши увѣнчаннымъ, побѣдителемъ, украшеннымъ побѣдными знаками. Говоря такъ и укрѣпившись сверхъ-естественнымъ мужествомъ, или лучше сказать, укрѣпленная Духомъ, сама относитъ рожденнаго ею къ прочимъ на колесни-

цу, со свѣтлымъ лицомъ провождая подвижника. Что же было послѣ сего? Подвизались святые въ воздухѣ; освятили они и огонь, коснувшійся ихъ, когда стали пищею пламени; принесли благословеніе и на воду. Во всемъ исполнялись Божественныя рѣченія. Три отрока включаютъ въ общее пѣснопѣніе стужу и зной (Дан. 3, 66, 67): стужу отъ мороза, зной, — отъ жженія; такимъ образомъ они прошли сквозь огонь и воду.

Но слово наше хочетъ миновать это, какъ извѣстное, а теперь кстати сказать нѣчто относительно того, о чемъ прежде былъ у насъ вопросъ. Когда человѣкъ былъ изгнанъ изъ рая, было *приставлено пламенное оружіе обращаемое* (Быт. 3, 24), чтобъ охранять входъ въ рай; причиною таковой воли божественнаго промысла было то, чтобы человѣкъ не пришелъ къ древу жизни, не коснулся его и не сталъ бы безсмертнымъ. Помните, конечно, то, о чемъ мы говорили; вспомните же какъ слѣдуетъ и рѣшеніе, которое мы нашли для даннаго вопроса. Но еслибы мы захотѣли опять вести изслѣдованіе сначала и повторять сказанное нами, то наше слово продолжилось бы болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ настоящее время. Вопросъ же состоялъ въ томъ: ужели и для святыхъ недоступенъ рай отъ обращаемаго оружія? Неужели и для подвижниковъ заключенъ рай? Гдѣ же наконецъ обѣ-

тованіе, ради котораго они предпринимаютъ подвиги благочестія? И не получаютъ ли они меньше, чѣмъ разбойникъ, которому Господь сказалъ: *днесь со Мною будеши въ рай* (Лук. 23, 43)? такъ какъ разбойникъ возшелъ на крестъ не добровольно; но поелику находился близь спасенія, то усмотрѣлъ этотъ провицательный и добродородный хищникъ сокровище и, улучивъ время похитилъ жизнь, прекрасно и догадливо употребивъ въ дѣло свое искусство похищать, когда сказалъ: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ*. И такъ онъ удостоивается рая; а святымъ ужели пламенный мечъ заграждаетъ входъ? Но здѣсь же вопросъ находить и разрѣшеніе; потому-то Писаніе и называетъ мечъ не стоящимъ постоянно противъ входящихъ, но представляетъ обращающимся, чтобы для недостойныхъ онъ могъ являться направленнымъ остриемъ впередъ, а для достойныхъ обращеннымъ назадъ, открывая имъ свободный входъ въ жизнь. Въ сію жизнь уже вошли святые мученики дерзновеніемъ подвиговъ безболѣзненно прешедши огонь, который и мы безболѣзненно прошедши, достигнемъ рая, укрѣпляемые молитвою ихъ къ доброму исповѣданію Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВО
ХРАМЪ ИХЪ.

Римскіе войны въ силу отечественнаго закона и древняго обычая, который приняли потомки отъ предковъ и сохраняютъ даже до настоящаго времени, въ началѣ настоящаго мѣсяца, облекшись во всеоружіе и выступивъ въ поле, достаточно открытое и ровное, гдѣ можно и раскинуть конскій бѣгъ и устроить военныя упражненія и обучаться съ оружіемъ во всякаго рода борьбѣ, совершаютъ вмѣстѣ и начало новаго года и проводятъ этотъ день какъ знаменательный. Я же, совершая память мучениковъ, о чемъ возвѣстилъ вамъ въ предъидущій день, сегодня, на удивленіе всѣмъ способнымъ видѣть, посредствомъ воспоминанія, представляю сорокъ

вооруженныхъ христовыхъ воиновъ, превосходящихъ въ подвигахъ всякую доблесть, украшеніе церкви, радость народовъ и славу даровавшаго имъ крѣпость Бога. Вполнѣ прекрасно и весьма полезно повѣствованіями о добродѣтели питать юношей и укрѣплять мужей. Слухъ есть видъ чувства самый полезный и не менѣе зрѣнія способный служить къ наученію; ибо посредствомъ ушей ясно вводитъ ученіе въ душу, и не маловажно то, хорошія или дурныя слышать повѣствованія. Говорятъ, каковы они, таковы необходимо отъ нихъ бываютъ и представленія въ мысляхъ, а размышленіе и постоянное созерцаніе умомъ приводитъ человѣка къ желанію дѣлать то, о чемъ онъ мыслить: посему приготовьте для меня спокойный и внимательный слухъ, дабы и блаженные мученики почтены были достойно и вы чрезъ воспоминаніе о нихъ научились тому, что благочестиво и боголюбезно.

Мнѣ предстоитъ двойной трудъ и страхъ, какъ бы не унижить предметъ моего слова слабостию изложенія. Размыслить ли кто о величій самаго предмета настоящей бесѣды,— онъ превышаетъ всякое краснорѣчіе. Обратится ли мыслию къ тому, кто еще прежде насъ увѣчалъ посредствомъ своей мудрости сихъ святыхъ,—(найдетъ), что это мужъ, которому удивляется вся вселенная, точное пра-

вило просвѣщенія какъ христіанскаго, такъ и вѣшняго, краса любомудрія, образецъ епископовъ опасный для сравненія, учитель согласно поучающій дѣломъ и словомъ; мужъ, который имѣетъ непререкаемую добрую славу между всѣми людьми, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, у которыхъ не избѣгаетъ хулы даже и Христосъ. Какъ никто не противорѣчитъ тому, что солнце свѣтитъ и согрѣваетъ, такъ никто не отрицаетъ и того, чтобы Великій Василій не былъ украшенъ всѣмъ благолѣпіемъ добродѣтели. И такъ, высокій хвалитель высокихъ, святой служитель святыхъ, присущею ему силою исполнилъ долгъ хвалы симъ доблестнымъ мужамъ. Но и мнѣ не должно молчать оттого, что предварившій меня величественно возвѣстилъ дивныя дѣла ихъ; ибо у меня нынѣ цѣль,—не соперничество съ говорившимъ, но попеченіе о пользѣ вашей, слушатели; каждый же конечно пользуется сколько можетъ тѣмъ лучшимъ, что доставляютъ ему болѣе богатые.

И такъ сорокъ воиновъ, по роду жизни служили въ рядахъ войска римскаго царя, но по вѣрѣ были Христіанами и благочестивыми по богопочтенію. Когда же тогдашній властитель, будучи однимъ изъ многобожниковъ, послѣ того какъ демоны внушили ему этотъ жестокой совѣтъ, издалъ новый законъ и предписаніе гнать Христіанъ и повелѣлъ

всѣмъ своимъ подданнымъ совершить жертвенное куреніе еиміама демонамъ, а тѣхъ, которые этого не дѣлали,—осуждать на смерть, прежде кончины подвергая всякаго рода тѣлеснымъ истязаніямъ: тогда блаженные, жестокость тиранна и богоненавистный законъ обращая въ поводъ къ обнаруженію своей доблести, отдѣлившись отъ прочихъ воиновъ и составивши избранное и христіюлюбивое ополченіе, предводимое силою Духа, явно противостояли этимъ гнуснымъ предписаніямъ и всѣ согласно, какъ бы едиными устами, исповѣдали нашу вѣру, говоря, что они мало заботятся о сей временной жизни и предоставляютъ и выдаютъ тѣла свои на разнообразныя виды мученій. Еще болѣе жестокой исполнитель жестокаго закона, узнавъ твердость святыхъ, поспѣшилъ измыслить равносильное ихъ готовности (пострадать) наказаніе, придумавъ для неустрашимыхъ душъ новую и необыкновенную угрозу. Если я стану грозить имъ мечемъ, говорилъ онъ, то этотъ страхъ малъ для того, чтобъ ужаснуть ихъ, и они никакимъ образомъ не преклонятся; ибо это мужи съ дѣтства знакомые съ оружіемъ и привыкшіе носить мечъ; если присоединю другія мученія, то они доблестно вынесутъ ихъ, извѣдавъ на опытѣ раны и удары; и огонь не страшенъ людямъ столь стойкимъ, какъ эти. Посему нужно избрѣ-

сти такое наказаніе, которое бы имѣло силу производить мучительную боль и было долго-временно и продолжительно. Что же такъ тщательно придумалъ противъ святыхъ этотъ лукавый изобрѣтатель зла? Послѣ долгихъ заботъ онъ нашелъ мученіе на открытомъ воздухѣ, которое съ удобствомъ представили ему и время и страна; время, — была зима, а мѣсто, — Арменія, — страна, какъ знаете, смежная намъ и весьма холодная, не доставляющая своимъ обитателямъ теплоты даже во время лѣта, но едва лишь на столько согрѣваемая, сколько нужно для вызрѣванія хлѣбныхъ растеній; виноградная же лоза имъ даже неизвѣстна, и кто хотя не далеко путешествовалъ, не видалъ (у нихъ) виноградной ягоды; не спрашивайте у нихъ винограднаго грозда, какъ у насъ того, что произрастаетъ въ Индіи; сѣятель бороздитъ землю еще во время зимы и снѣгъ захватываетъ жатву; вѣтры срываютъ съ жнеца одежды, если онъ не станетъ бороться съ ихъ силою, плотно обернувши себя одеждами; у нихъ почти нѣтъ весны и осени, которыя увлекаются худымъ сосѣдомъ своимъ — зимою, подъ его власть.

И такъ въ сей-то странѣ и въ настоящемъ мѣсяцѣ (мучитель), совлекши со святыхъ одежду, совершенно обнаженныхъ поставилъ на открытомъ воздухѣ, измысливъ для учениковъ благочестія казнь противоположную вавилон-

ской печи царя Ассирійскаго. Но нѣтъ ничего сходнаго, по отношенію къ жестокости боли, между жгущимъ огнемъ и приводящимъ въ оцѣпененіе и замораживающимъ холодомъ: первый по его дѣйствию подобенъ мечу, нанося скорую смерть; послѣдній же, нанося равносильную боль, при этомъ надолго задерживаетъ кончину. Вообще самыя продолжительныя страданія суть тѣ, которыя происходятъ отъ холода; таковыя напримѣръ чрезъ четыре дня перемежающаяся лихорадка, ракъ, карбункулъ и другія болѣзни, которыя по разсужденію врачей производятся въ тѣлахъ холодною матеріей; такъ люди болѣе холодныя и тучныя отличаются большею вяlostію и имѣютъ тѣло не столь способное къ дѣятельности. Тоже и относительно безсловесныхъ животныхъ: болѣе горячія изъ нихъ быстры и легко подвижны, когда настѣитъ нужда; противоположнаго же свойства,—медлительны и какъ бы связаны неповоротливостію; такъ лошадь быстра и возбуждается свистомъ прежде удара бича; осель напротивъ лѣнивъ, едва палкою принуждается къ продолженію пути. Леопардъ — живъ и быстро летитъ по лѣсамъ съ своимъ теплымъ и сухимъ тѣломъ; медвѣдь напротивъ медленъ, обладая болѣе плотными членами тѣла.

Я изложилъ предъ вами эти свѣдѣнія изъ природы не безъ цѣли, но чтобъ вы повяли

терпѣніе сихъ мужей, обративъ вниманіе на образъ ихъ мученія. Зима дѣлаеть судоходныя рѣки пѣшеходными и претворяеть текущую воду въ твердый камень; холодъ разрываетъ скалы, когда проникаеть въ глубину; и въ тѣлахъ противоположнаго свойства производитъ равно вредное дѣйствіе, превращая въ камень жидкія и разрѣшая твердыя. Такъ вино, когда замерзаетъ, принимаетъ видъ содержащей его бочки и жидкое масло твердѣеть, получая форму своего сосуда; стекло и черепица, подвергаясь дѣйствію влажности, разрушаются. Животныя, ведущія жизнь въ горахъ и подъ открытымъ небомъ, одни (отъ холода) погибають; другія же отъ чрезмѣрной стужи забываютъ свою дикость: олени и дикія козы ищутъ пріюта въ укрытыхъ мѣстахъ; въ это время они не боятся даже собакъ, не бѣгутъ отъ подходящихъ къ нимъ, потому что большее зло всегда изгоняеть боязнь меньшихъ опасностей; птицы ищутъ тогда жилища вблизи людей и остаются подъ одною съ ними кровлею. Люди копають море и орудіями каменосѣццевъ рѣжутъ воду; живущіе вблизи не сообщаются между собою. Такое время и сдѣлалось для тирана оружіемъ противъ мучениковъ. Ибо должно было, какъ кажется, великому и согласному строю блаженныхъ подвергнуться новому роду мученія для того, чтобъ предъ множествомъ дру-

гихъ мучениковъ могли они получить несравненную славу благочестія. И такъ они стояли, дрожа отъ холода; члены ихъ замерзали, но образъ мыслей ихъ былъ непреклоненъ; они стояли представляя зрѣлище подвига для ангеловъ, людей и демоновъ. Ангелы ожидали отрѣшенія (отъ тѣла) душъ, чтобъ, пріѣвъ ихъ, возвести въ назначенное имъ мѣсто; люди съ напряженнымъ вниманіемъ ждали окончанія (ихъ подвига), испытывая силу общей всѣмъ природы, — въ силахъ ли мы превозмочь столь великія мученія изъ страха и надежды будущаго? Демоны же съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за происходящимъ, сильно желая видѣть паденіе борцовъ и малодушное уклоненіе отъ опасностей; но надежда ихъ была посрамлена укрѣпляющимъ Богомъ... Видѣли (мученики) изувѣченіе членовъ, каждый своихъ собственныхъ и всѣ другъ у друга: одинъ лежалъ съ разрушающеюся отъ холода ногою или пальцами; у другаго лежащаго природная теплота тѣла уже готова была до конца охладиться. Какъ сильные вѣтры, пронесшись надъ покрытою деревьями мѣстностію и потрясши вершины деревъ, низвергаютъ ихъ съ корнемъ на землю: такъ повергнуть былъ зимнею стужею строй блаженныхъ, — благородныя произрастенія рая, украшеніе человѣческаго рода, корни нашего произрастенія, войны Павловы, копыносцы

Христовы, разрушители жертвенниковъ, строители церквей, предназначенные ратовать противъ варваровъ и окончившіе подвигъ противъ общаго врага человѣчества. Смерть же для нихъ не была неизбѣжною или неотвратимою необходимостію, сохраненіе жизни для нихъ было очень удобно и въ ихъ власти, если бы они только захотѣли малодушно воспользоваться тѣмъ, что было у нихъ въ виду. Неподалеку находилась баня, которая съ особенною мыслию устроена была въ сосѣдствѣ съ мѣстомъ мученія. Дверь ея отворена и стоящіе около нея приглашали (войдти); ибо тиранъ и коварный изобрѣтатель гоненія и всякаго рода козней, предложилъ замерзающимъ близкую приманку къ преступленію и совѣтывалъ самимъ стремиться къ врачевству, подобно тому какъ и отецъ его совѣтовалъ первозданнымъ вкушеніе отъ древа. Они же тогда еще болѣе явили свое мужество, зная, что терпѣніе тогда только выдерживаетъ искушеніе, когда воздерживается отъ наслажденія предоставленнаго нашей свободѣ. Это въ древнее время на самомъ дѣлѣ и показалъ дивный Даниилъ; ибо когда его убѣждали принять обильную и пріятную пищу и питіе, онъ по презрѣнію и отвращенію отъ идоложертвеннаго предпочелъ употребленіе злаковъ; при скудной пищѣ, постясь, онъ процвѣталъ и былъ тѣломъ здоровѣе питав-

шихся обильно; ибо въ томъ особенный даръ Божій, что Онъ вѣрнымъ рабамъ, въ ихъ лишеніи, даруетъ болѣе, чѣмъ можно надѣяться.

Впрочемъ, поелику къ высокимъ дѣламъ примѣшивается зависть, то блаженное ополченіе находилось въ опасности потерпѣть пораженіе, и полнота его четвертей десятирцы едва не погибла; ибо одинъ изъ нихъ, измученный холодомъ, увы, при самомъ концѣ побѣды оставилъ соратниковъ и по коварству тирана удалился къ банѣ; жизнелюбецъ пожалѣлъ о плоти уже истощенной, отпалъ отъ надежды, но не получилъ и самой временной жизни, тотчасъ скончавшись послѣ преступленія. Несчастный Іуда между мучениками, ни ученикъ, ни обогатившійся, самъ налагающій на себя петлю. И да не удивляется тому никто; ибо діаволу обычны такого рода козни надъ подпадающими его власти. Онъ обольщаетъ и разными способами ласкательствуетъ чтобы ниспровергнуть; а ниспровергнувши тотчасъ попираетъ и смѣется надъ лежащимъ, присоединяетъ къ несчастію посрамленіе и радуется посрамленію обольщеннаго. Посему и псалмопѣвецъ назвалъ его *врагомъ* и *лестникомъ* (Пс. 8, 3.), противоположностію именъ означая измѣнчивость его нрава; онъ никогда не бываетъ союзникомъ и другомъ людей, но только при-

творяется другомъ, когда пожелаетъ надѣть на себя личину оболщенія. Но Помощникъ въ немощи нашей, Святель благихъ и словъ и дѣлъ, подобно Аврааму, нашель себѣ овцу для жертвы изъ числа враждебныхъ: изъ хулителей—исповѣдника, изъ сборища гонителей—мученика; ибо одинъ изъ служителей казни при тираннѣ, удостоившись видѣнія ангеловъ, нисшедшихъ къ мученикамъ и осіянный явленіемъ святыхъ духовъ, какъ нѣкогда Павелъ, когда путешествовалъ въ Дамаскъ, славою Христа, тотчасъ измѣнилъ свой образъ мыслей и, снявши съ себя одежду, приединился къ замерзающимъ и, въ короткій промежутокъ времени соединивъ все, сталъ новообращеннымъ, исповѣдникомъ, мученикомъ, омывшись банею пакибытія, въ собственной крови, но крови замерзшей, а не текущей. Мужъ увѣнчанный, мужъ достойный всякой похвалы! Черезъ него въ церкви Божіей я имѣю сорокъ вѣнценосцевъ; чрезъ сего доблестнаго мужа соблюлась цѣлость мучениковъ; ради сего новообращеннаго совершаемъ мы совершенное торжество при совершенномъ числѣ (святыхъ); діаволъ же испыталъ забавное и достойное смѣха дѣло; ибо похитивъ воина, онъ потерялъ гонителя и исполнителя казни.

Что же послѣ сего? Трѣблаженные достигли, куда стремились. Тогда распорядитель

казни, не вынесши терпѣливо побѣды мучениковъ, вступилъ въ войну съ мертвыми ихъ тѣлами, приказавъ предать огню жилища святыхъ душъ и въ одномъ дѣлѣ явился подражателемъ дикихъ звѣрей и жестокихъ людей; ибо первые терзаютъ одежду, брошенную бѣгущими отъ нихъ людьми, которыхъ они преслѣдуютъ, а послѣдніе предають пламени и разрушаютъ жилища ушедшихъ непріятелей. И кто изъ мучениковъ съ полнымъ правомъ не могъ сказать ему: Я уже не боюсь твоей жестокости, неразумный; пока души были соединены съ замерзающими тѣлами, я боялся, какъ бы чрезмѣрность мученія не побѣдила мужества благочестивыхъ; но когда эта опасность прошла, пользуйся, какъ хочешь оставшеюся перстію: мнѣ нѣтъ заботы, что ты воспользуешься нашими тѣлами; и чѣмъ больше обнаружишь свою неистовую жестокость, тѣмъ болѣе увѣнчаешь побѣду отшедшихъ; ибо сильныя нападеныя противниковъ служатъ прямымъ доказательствомъ мужества тѣхъ, которые ихъ одолѣли.

Но зачѣмъ долгія разсужденія? Тѣла мучениковъ были сожжены и огонь принялъ ихъ; но пепель ихъ и все оставшееся отъ огня раздѣлилъ между собою міръ, и почти вся земля получаетъ благословеніе отъ сихъ святыхъ. И я имѣю частицу этого дара, и тѣла моихъ родителей я положилъ рядомъ съ остан-

ками сихъ воиновъ, чтобъ въ день воскресенія возстали они вмѣстѣ съ дерзновенными помощниками. Ибо я знаю, какую силу они имѣютъ; я видѣлъ ясныя доказательства ихъ дерзновенія предъ Богомъ и хочу сказать объ одномъ изъ чудесъ совершенныхъ силою ихъ. Въ сосѣдствѣ съ принадлежащимъ мнѣ селеніемъ, въ которомъ покоятся останки сихъ трѣблженныхъ, есть небольшой городокъ называемый Ивора. По закону обычному у Римлянъ въ немъ производился наборъ воиновъ. Одинъ изъ воиновъ прибылъ въ сказанное селеніе, будучи назначенъ воинскимъ начальникомъ для того, чтобъ удерживать своихъ товарищей отъ насилій и обидъ, которыя люди воинскаго званія по ихъ дерзости обыкновенно наносятъ поселянамъ. У этого воина болѣла нога, и онъ хромалъ: болѣзнь была продолжительная и трудно излѣчимая. И вотъ, когда онъ находился въ храмѣ мучениковъ на мѣстѣ упокоенія святыхъ и молившись Богу, просилъ ходатайства святыхъ: является ему ночью нѣкоторый величественнаго вида мужъ, который, между прочимъ, ему сказалъ: «ты хромаешь, воинъ? и тебя нужно полечить? Дай мнѣ ощупать твою ногу», и взявши,—это было во снѣ,—сильно потянулъ ее. Когда это совершалось въ ночномъ видѣніи, на самомъ дѣлѣ слышался такой звукъ, какой бываетъ, когда кость вы-

водится изъ своей естественной связи и затѣмъ насильственно вправляется, такъ что и спавшіе вмѣстѣ съ нимъ пробудились и самъ воинъ тотчасъ проснулся и началъ ходить, какъ обыкновенно ходятъ здоровые по природѣ. Я самъ видѣлъ это чудотвореніе, встрѣтившись съ самымъ этимъ человѣкомъ, который объявлялъ предъ всѣми и разглашалъ о благодѣяніи мучениковъ и восхвалялъ челоувѣколюбіе (святыхъ) воиновъ.

Если еще что-нибудь слѣдуетъ присоединить къ сказанному, то скажу о томъ, что по преимуществу касается меня. Когда мы вознамѣрились совершить первое торжество при мощахъ и помѣстить ковчегъ во святилищѣ храма, мать моя (она ради Бога собирала и учреждала и этотъ праздникъ) приказала мнѣ прибыть для участія въ происходившемъ; но я находился далеко, былъ еще молодъ, принадлежалъ къ числу мірянъ, и какъ обыкновенно бываетъ въ дѣлахъ не терпящихъ отлагательства, будучи занятъ, по неразумію принялъ съ неудовольствіемъ этотъ зовъ и даже въ душѣ упрекалъ мать свою за то, что она неотложила этого праздника до другаго времени. Однако зовъ этотъ отвлекши меня отъ моихъ занятій, привлекъ сюда, и я прибылъ въ селеніе за день до собранія. И вотъ, въ то время, когда совершалось всенощное бдѣ-

ніе въ саду, гдѣ находились и мощи святыхъ, въ честь которыхъ совершали псалмопѣнія, мнѣ, спавшему по близости въ одной комнатѣ, представилось во снѣ такое видѣніе. Мнѣ казалось, будто я хочу войти въ садъ, гдѣ совершалось всенощное бдѣніе; въ то время, когда я находился близъ дверей, показалось множество воиновъ, сидѣвшихъ у входа; всѣ они вдругъ встали и, поднявши жезлы, устремились на меня съ угрозою и недопускали до входа. Я получилъ бы и удары, если бы не упросилъ ихъ одинъ, какъ казалось, болѣе челоуѣколюбивый. Когда сонъ оставилъ меня и мнѣ пришло на мысль мое прегрѣшеніе противъ зова, я понялъ, къ чему относилось это страшное видѣніе воиновъ, многими слезами оплакалъ свое неразуміе и пролилъ горькія слезы надъ самою ракою мощей, чтобы Богъ явился милостивымъ ко мнѣ, а святые воины даровали прощеніе.

Я сказалъ это, дабы убѣдиться намъ, что мученики сегодня такъ послужившіе нашей Церкви и содѣлавшіеся ея украшеніемъ, живы предъ Богомъ, суть его копьеносцы и приближенные. Эта четырехдесятница, отъ памяти сорока мучениковъ, становится блистательнѣе и значительнѣе; мѣсяць этотъ славнѣе другихъ мѣсяцевъ, и лютая зима уже не кажется мнѣ тяжелою. Я не жалуясь на су-

ровость настоящаго времени; ибо оно, сдѣлавшись оружіемъ для гонителя, произвело для меня это священное ополченіе. И какъ мать семи Маккавеевъ, оттого что имѣла болѣе боголюбивую, чѣмъ плотолубивую душу, не жаловалась на жестокость Антіоха Сирійскаго тирана, не огорчалась мученіями и злополучіемъ своихъ сыновей, но приняла одиночество какъ благодѣяніе и лишеніе дѣтей какъ помощь; какъ Стефанъ, побиваемый камнями, не считалъ себя поражаемымъ, но скорѣе оживотворяемымъ: такъ и мы обязаны благодарностію богоборцамъ за доброе послѣдствіе, — за то, что они сдѣлались для насъ виновниками столь многихъ благъ, хотя и поступили такъ не съ цѣлюю благодѣлствовать, но какъ враги. Ибо благодѣлствуютъ, не желая того, и враги, иногда не менѣе самыхъ искреннихъ друзей; діаволь принесъ Іову больше пользы, чѣмъ вреда; царь Ассирійскій сталъ благодѣтелемъ Даніила. Три отрока да исповѣдаютъ благодарность печи вавилонской; претренвый Исаія да хвалитъ Евреевъ; Захарія, закланный между храмомъ и жертвенникомъ, да воздастъ честь своимъ убійцамъ; Іоаннъ, которому отсѣкли голову, да назоветъ Ирода своимъ благодѣтелемъ, а Апостолы тѣхъ, которые ихъ вязали и бичевали, и всѣ мученики да возлюбятъ

своихъ гонителей; потому что если бы они не открыли поприще, то борцы не могли бы проявить своего мужества. И такъ, чему же намъ болѣе удивляться въ подлежащихъ нашему прославленію мужахъ, множеству ихъ, мужеству или нелицемѣрному единодушію? Но не пройдемъ прежде всего безчувственно и неблагодарно числа ихъ; ибо имѣющій столько заступниковъ никогда не отойдетъ безъ исполненія своихъ молитвъ и прошеній, хотя бы обремененъ былъ множествомъ грѣховъ. Въ пользу этой мысли и надежды свидѣтель,—самъ Богъ въ бесѣдѣ съ Авраамомъ. Когда Онъ принималъ ходатайство за Содомлянъ, то искалъ не сорока, но только десяти праведниковъ для того, чтобы пощадить городъ, готовый къ гибели. Мы же, по Апостолу, имѣя *толкъ облегающей насъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1.), признаемъ себя блаженными, радуясь въ надеждѣ, терпя въ молитвѣ и пріобщаясь памяти мучениковъ; ибо сорокъ мучениковъ суть крѣпкіе защитники отъ враговъ и надежные ходатаи въ молитвѣ предъ Господомъ. Въ надеждѣ на нихъ да дерзаетъ Христіанинъ, хотя бы діаволъ измышлялъ на тебя искушенія, и лукавые люди возставали, и тиранны пылали яростію, и море бушевало, и земля не приносила того, что ей назначено производить для людей, и небо угро-

жало бѣдствіями. Ибо при всякой нуждѣ, при всякомъ обстоятельствѣ, ему достаточно ихъ силы, и онъ можетъ получить обильную благодать отъ Христа, Которому подобаетъ всякая слава во вѣки. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕПОДОБНОМУ ОTCY НАШЕМУ ЕФРЕМУ.

Къ настоящей бесѣдѣ побуждаетъ меня таинственная притча божественнаго Евангелія о свѣтильникѣ (Матѣ. 5, 14—17): она освобождаетъ языкъ отъ узъ молчанія, уравниваетъ пути мыслей, дѣлая ихъ удобными какъ гладкія стези, для торжественнаго шествія приготовляетъ величественную колесницу слова, громогласно провозглашая слѣдующія слова: *не возмалютъ свѣтильника и не поставляютъ его подъ снудомъ, но на свѣцициу; и свѣтитъ всмгъ, иже въ храмниъ суть.* (Матѣ. 5, 15), и затѣмъ указываетъ сокровенный смыслъ сего, говоря: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла* (16). Итакъ не будетъ ли грѣхомъ скрываться и боязливо молчать тамъ, гдѣ самъ Господь повелѣлъ быть дерзновеннымъ.

Онъ возжегъ какъ бы ясный и свѣтлѣйшій солнца свѣтильникъ, — жизнь сего божественнаго Отца нашего, для того, чтобы мы повѣствовали о ней; Онъ хочетъ, чтобы жизнь сія не была сокрываема подъ спудомъ молчанія, но чтобы поставлена была на самой выси церковной, такъ чтобы видна была всѣмъ живущимъ въ домѣ вселенной; и чтобы люди, смотря на нее, прославляли Отца, *иже на небесахъ*.

Посему не до такой степени мы должны уважать отеческое запрещеніе почившаго, чтобы уничтожать Владычнее повелѣніе; напротивъ, отсюда-то и нужно начать похвалу, хотя то, о чемъ теперь упоминаемъ, по правиламъ похвальныхъ словъ, должно бы имѣть мѣсто на концѣ слова. Ибо кто способенъ хорошо обсудить дѣло, тому это запрещеніе никакъ не можетъ помѣшать увѣнчать похвалами человѣка чуждающагося человѣческой славы; эти узы запрещенія — не узы; это удержаніе, — не удерженіе; но побужденіе для любящихъ его къ противоположному. Ибо въ томъ самомъ, что онъ хотѣлъ избѣжать нашихъ похвалъ, своимъ запрещеніемъ положивъ преграду нашему намѣренію, мы находимъ поводъ къ похвальному слову (въ честь его). Если каждое его совершенство подаетъ поводъ къ совершенной похвалѣ, то всего болѣе — то, что его не радуешь по-

хвала; ибо онъ хотѣлъ не казаться, а быть добродѣтельнымъ. Посему за одно только это, хотя бы онъ не совершилъ ничего другаго достойнаго похвалы, его по справедливости можно восхвалять; онъ сказалъ, что радуется похваламъ столько, что узами запрещенія налагаетъ на нихъ печать осужденія. Но намъ это запрещеніе отверзаетъ первое поприще слова и даетъ полную возможность идти, имѣя въ виду цѣль и не стремиться на удачу, но шествовать царскимъ путемъ, вѣрно умозаключая, что еслибъ оный дивный Божій человекъ не чувствовалъ себя достойнымъ похвалъ, то не возбранялъ бы желающимъ хвалить его. Ибо никакой человекъ, не славящійся самыми великими добродѣтелями, не завѣщаетъ остающимся по немъ предать забвенію память о немъ. Къ этому нужно сказать и слѣдующее. Какъ Павелъ, витія благодати, невѣстоводитель церкви, уста Христовы, не лишилъ себя названія Апостола тѣмъ, что сказалъ о себѣ: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ* (1 Кор. 15, 9); напротивъ чрезъ это самое смиреніе приобрѣлъ еще большую славу: такъ и великій нашъ отецъ, по смиренію почитавшій себя недостойнымъ похвалъ, впоследствии окажется вполне достойнымъ оныхъ.

Итакъ если нашъ церковный законъ обыкновенно увѣнчиваетъ ревнителей добродѣтели

за совершеніе ея въ различныхъ видахъ, и изъ нихъ особенно тѣхъ, кои духовно возвысились своимъ смиренномудріемъ, по слову Господа, въ Евангеліи: *смирняяй себе вознесется* (Лук. 18, 14.); то вовсе не заслуживаютъ порицанія, насмѣшки и даже осужденія тѣ, кои описываютъ добродѣтели сего богоноснаго отца и возстановляютъ предъ вами жизнь его какъ бы нѣкій живой и одушевленный памятникъ. И сказанное нами мудрый слушатель признаетъ за неложное, собравъ въ заключеніе слова разные роды его добродѣтелей, изъ коихъ мы, сплетая какъ бы нѣкій позлащенный вѣнецъ, украшенный драгоценными и разнообразными камнями, приносимъ оный какъ вождельный даръ невѣстѣ Христовой, — Церкви: ибо она съ радостію принимаетъ такіе дары, когда приходитъ ежегодная память праведныхъ. Круговращеніе времени привело насъ нынѣ къ прославленію Ефрема, и можно ли безъ великой радости встрѣтить день его памяти?

Я буду говорить о томъ Ефремѣ, имя котораго повторяется устами всѣхъ христіанъ, — Ефремъ изъ Сиріи: ибо я не стыжусь рода того, чьими нравственными дѣяніями хвалясь. Я буду прославлять того Ефрема, свѣтъ жизни и ученія котораго возсіялъ для всего міра; ибо ояъ знаемъ почти всей подсолнечной и только тѣмъ неизвѣстенъ, кои не знаютъ ве-

ликаго свѣтила церкви, — Василія; Ефрема, — по истинѣ мысленный Евфратъ Церкви, которымъ орошаемое множество христіанъ, стократно возвращаетъ сѣмя вѣры; Ефрема, — плодоносную виноградную лозу Божию, какъ бы сладкими гроздами изобилующаго плодами ученія и улаждающаго питомцевъ церкви полнотою божественной любви; Ефрема добраго и вѣрнаго приставника благодати, соразмѣрно распредѣляющаго ученіе добродѣтелей работающимъ вмѣстѣ съ нимъ (Господу) и самымъ наилучшимъ образомъ устроющаго домъ Владычній. О родѣ его и знаменитости, какъ собственной, такъ и его предковъ, о доброй славѣ его родителей, о рожденіи и воспитаніи, о постепенномъ возрастаніи и тѣлесныхъ качествахъ, о счастливыхъ дарованіяхъ, образованіи и прочихъ отличіяхъ, которыя исчисляются и превозносятся похвалами у внѣшнихъ писателей, — все это выставлять на видъ считаемъ излишнимъ здѣсь; поелику нами не принято восхвалять святыхъ мужей такимъ образомъ. И хотя и въ этомъ отношеніи мы могли бы найти обильный предметъ для достойной похвалы ему; но мы соплетемъ ему вѣнецъ слова изъ того только, чѣмъ онъ самъ прославилъ себя по жизни и ученію; ибо похвалы намъ слѣдуютъ за то, что въ насъ самихъ, и награды за то, что зависѣло отъ нашей воли. Относительно же того, что пере-

числено, какъ порицанія неосновательны, такъ и похвалы неумѣстны.

Ибо какимъ образомъ позволилъ бы хвалить свое происхожденіе тотъ, кто презрѣлъ всякое мірское благородство и кто возжелалъ содѣлаться чадомъ Божиимъ чрезъ усыновленіе благими дѣлами? Или, какимъ образомъ позволилъ бы себя превозносить похвалами со стороны его отечества тотъ, кто считалъ чуждою себѣ всю землю, и кто отвращался отъ вещественнаго творенія, какъ отъ чего-то враждебнаго, ради уготованнаго на небесахъ вѣчнаго блаженства? Какъ, опять, сталъ бы услаждаться славою предковъ или родителей тотъ, кто совершенно отрѣшился отъ плотскихъ влеченій и тяготился самымъ покровомъ души, то-есть тѣломъ, находя его какъ бы препятствіемъ къ быстрѣйшему теченію по пути добродѣтели? Какимъ образомъ наконецъ возжелалъ бы похвалъ за тѣлесное возрастаніе и воспитаніе, за ловкость или искусство, или за другое какое достойное презрѣнія занятіе, относящееся до сей жизни, тотъ, кто съ ранняго возраста воспитался и возрасъ въ упражненіи божественнымъ писаніемъ, кто напоенъ былъ приснотекущими потоками благодати, и по слову Апостола, достигъ въ мѣру возраста Христова? Итакъ, когда мы узнали, что великій Отецъ нашъ не любитъ величаться такими

смѣшными похвалами, какими величаются люди плотскіе; то попытаемся, хотя и скромно, почтить его отъ его собственныхъ трудовъ: ибо слову не свойственно простираться выше силы. Посему, дабы ни безмолвіемъ не стѣснить нашего желанія, ни вступивъ на путь чуждый отцамъ, не заблудиться отъ пути царскаго, постараемся избѣгая той и другой крайности, украсить наше слово умѣренностію.

Что же это такое, изъ чего мы предположили составить похвалу? Дѣятельность и созерцаніе, за которыми слѣдуетъ собраніе частныхъ добродѣтелей, вѣра, надежда, любовь, благочестіе въ отношеніи къ Богу, упражненіе въ божественномъ Писаніи, чистота души и тѣла, постоянныя слезы, пустынное житіе, прехожденіе изъ мѣста въ мѣсто, удаленіе отъ пагубнаго, непрерывное ученіе, непрестанная молитва, пощеніе и бдѣніе не знающія мѣры, возлежаніе на землѣ и строгій образъ жизни превосходящія описаніе, нестяжательность и уничтоженіе доводимыя до высшей степени, милосеріе поставяющее его выше естества человѣческаго, вдохновенная ревность противъ неистово возстающихъ на благочестіе, проще сказать, все то, что составляетъ отличительныя черты чловѣка по Богу. Такими-то похвалами украшается Отецъ нашъ, и признаетъ повѣствуе-

мое о немъ, и преимущества сіи считаетъ своими собственными и не отвергаетъ словъ (нашихъ), какъ направленныхъ не къ его пользѣ, но къ нашей; поелику и скудное повѣствованіе о немъ становится для учащихся побужденіемъ къ добродѣтели. И мы не отыскаемъ узла, какъ изъ того, что онъ самъ разсѣялъ въ своихъ писаніяхъ, изъ которыхъ мы, подобно трудолюбивой пчелѣ, изъ многихъ цвѣтовъ собравъ полезное, составили этотъ духовный сотъ. И конечно онъ не гнѣвается на насъ за это предпріятіе, поелику уже не страшится лукаваго демона, по дѣйствию котораго претыкаются многіе даже при самомъ концѣ подвиговъ ¹⁾, но однажды достигши мирнаго пристанища существъ безплотныхъ, пребываетъ внѣ бури и волненія. Итакъ по немногу останавливаясь въ нашемъ словѣ на каждомъ изъ перечисленныхъ нами совершенствъ постараемся показать сему собранію, каковъ былъ чудный (сей мужъ) и какой онъ достигъ мѣры духовнаго восхожденія.

Вѣры правой онъ строго держался, никуда не уклоняясь отъ благочестія, въ чемъ мы удостоуверились какъ изъ писаній его, такъ и изъ сужденія о немъ церкви, ибо онъ равно

¹⁾ Святый Григорій вѣроятно разумѣетъ здѣсь духъ самоуверенія и гордости, разжигаемый отъ похвалъ.

отвращался и отъ нелѣпаго Савеліева сліянiя и отъ безумнаго Аріева раздѣленiя. Стоялъ же въ предѣлахъ благочестiя, единую и несліянную и Пресвятую Троицу раздѣляя по числу и соединяя по существу, дабы и не оскорбить божество мнѣніемъ о его скудости по-іудейски, и не допустить дерзкой мысли о множествѣ боговъ, по-язычески,—заблужденiя, въ которыхъ можно уличить безумствующихъ о непостижимой Троицѣ. Отрицающаго же Слово ученiя Аполлинарiя онъ до того отвращался, что прилагалъ всевозможное старанiе исторгнуть его изъ всякой христіанской души.

И необузданныя уста Аномеевъ также заграждалъ многими доводами и свидѣтельствами изъ Писанiя, оставивъ намъ величайшее утвержденiе, — свои богопросвѣщенныя писанiя. Если бы кто пожелалъ увидѣть пораженiе крайне дерзкаго Новата, въ словесной борьбѣ съ нимъ Ефрема, пусть посмотритъ на паденiе противника; здѣсь найдетъ, что нашъ учитель, въ изложенiи ученiя, настолько превосходитъ силою (своего противника), насколько искусный въ ратоборствѣ мужъ отрока слабосильнаго по малому возрасту. И не только ему современные и прежде возникшіе изъ худаго сѣмени плевелы ересей исторгалъ онъ правымъ словомъ вѣры, но низлагалъ и имѣвшiя принести вредъ въ бу-

душемъ, предвидя ихъ пророческимъ взоромъ. Доказательствами сего наполнены его стихотворенія и прочія писанія. Такъ, никогда сей сынъ истины не измѣнялъ истинѣ; надежда же у него была одна,—на Бога, отъ котораго достойнымъ чаемыхъ благъ воздаются награды. Посему во всю жизнь, словомъ и дѣломъ онъ любилъ повторять псаломское изреченіе: *на него упова сердце мое, и поможетъ ми* (Пс. 27, 7.). *Уповающая же на Господа милость сего обидетъ* (Пс. 31, 10.). Упованіе на Господа не только уподобляетъ его горѣ Сіону (Пс. 124, 1), но и возводитъ стяжавшаго оное до высочайшаго блаженства, какъ можно научиться отъ самыхъ пророковъ. Ибо Давидъ говоритъ: *блаженъ мужъ, ему же есть имя Господне: упованіе его* (Пс. 39, 5); Иеремія: *блаженъ человекъ, иже надъется на Господа и будетъ Господь упованіе его; и будетъ яко древо насажденное при водахъ, и во власть пуститъ кореніе свое, и не убоится, егда придетъ зной* (Иер. 17, 7—8); Исаія: *Господь царь нашъ, Господь Спасъ нашъ, Самъ спасетъ насъ. Се Богъ мой, Спасъ мой, Господь, уповаю буду на него и не убоюсь* (Ис. 33, 22. Ис. 12, 2); блаженный Павелъ увѣщеваетъ и говоритъ: *да держимъ исповданіе упованія: вѣренъ бо есть обѣщавый намъ*. (Евр. 10, 23).

Питаемый сею божественною и непреложною надеждою онъ презрѣлъ все мірское и

возжелалъ единой вѣчной славы. Любовь же къ Богу и ближнему онъ соблюдалъ такъ тщательно, что отходя отъ жизни такъ говорилъ (прилично привести здѣсь самыя рѣченія богоноснаго отца, какъ превосходнѣйшія всякаго доказательства): «никакимъ образомъ, во всю жизнь свою, я не ропталъ на Господа и слово безумное не исходило изъ устъ моихъ; во всю жизнь свою я не клялъ никого и никогда ни съ однимъ вѣрнымъ не бранился.» О, блаженный языкъ, дерзновенно изрекшій такія слова, которыя болѣе приличны Ангеламъ, по невестественности и невозмутимости ихъ житія, а для насъ, служащихъ плоти, — чужды, выше естества, и трудно выполнимы.

И хотя много будешь трудиться, изслѣдуя жизнеописанія мужей, знаменитыхъ посвоимъ добродѣтелямъ; но нигдѣ не найдешь для повѣствованія такого знаменія любви чистой и непорочной, какъ въ этомъ отцѣ. И если любовь выше всѣхъ добродѣтелей, то блаженный Ефремъ исполнилъ ее такъ, какъ никто другой изъ отцевъ. Поелику же каждый получить по дѣламъ своимъ; то выводить о томъ заключеніе предоставимъ другимъ, дабы не показалось, что мы сравниваемъ отцевъ съ отцами. Ибо не ради сравненія мы предложили сказанное; но ради того только, чтобы многимъ представить на видъ, какимъ об-

разомъ нашъ, или, лучше, вселенскій учитель Ефремъ, возшелъ на самый верхъ духовной лѣстницы добродѣтелей.

Благочестіе же полагалъ онъ въ стяжаніи подлинной мудрости, по сказанному у Іова: *се благочестіе есть премудрость* (Іов. 28, 28.). Черезъ это благочестіе, какъ мы нѣсколько выше показали, описывая чистоту вѣры его, онъ подобно Павлу возшелъ до третьяго неба и стяжалъ себѣ въ церкви безсмертную память и вѣчную славу.

Поученіе въ божественномъ Писаніи возжглось въ немъ отъ свѣтильника Давидова, какъ сказано: *въ поученіи моемъ разгорится огонь* (Пс. 38, 4.). Ибо обитавшая въ немъ любовь къ духовному созерцанію, возвела желаніе его въ пламень горѣ стремящейся. Изучивъ всѣ писанія какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта и болѣе другихъ занявшись изслѣдованіемъ оныхъ, онъ изъяснилъ все Писаніе строго буквально, начавъ съ сотворенія міра до послѣдней книги благодати, уясняя глубины сокровенныхъ истинъ при свѣтѣ Духа.

И онъ не только исчерпалъ весь духовный кладязь сей нашей богодухновенной мудрости и сообщилъ ее другимъ; но и будучи весьма знакомъ съ мудростію внѣшнею мірскою, какъ занимающеюся изяществомъ и правильностію слова, такъ и изслѣдующею глубину мыслей,

полезное изъ нея онъ избиралъ, бесполезное же отвергалъ на вѣсахъ правды, опредѣляя приобрѣтенное и для дѣятельности и для созерцанія.

Чистоту душевную и тѣлесную онъ соблюдалъ, сколько позволяла природа, или лучше сказать, выше природы; ибо она,—даръ благодати. Онъ не допускалъ души своей уклоняться отъ навыка правильной жизни, но по истинѣ былъ царемъ въ душѣ и свѣтло просіявалъ тѣломъ. О томъ, что мы говорили, свидѣтельствуетъ перемѣна, послѣдовавшая съ извѣстною блудницею, которою челоуѣкоубійца Веліаръ, воспользовавшись какъ орудіемъ злобы для оболъщенія просвѣщеннаго мужа, столько обманулся въ своей надеждѣ, что сама блудница противустала сему сильному оболъстителю, и при помощи увѣщаній и наставленій, и наитіемъ божественныхъ словесъ, измѣнившись и обратившись на лучшее,— вмѣсто безстыдной стала цѣломудренною, вмѣсто безчестной, — честною, вмѣсто скверной,—чистою.

Желающему изобразить постоянно текущія слезы его по истинѣ приходится плакать, такъ какъ безъ сего, кто переплыветъ словомъ море слезъ его? Ибо какъ всѣмъ людемъ по природѣ свойственно дышать, что они постоянно и дѣлають, такъ Ефрему свойственно было постоянно плакать; поелнку не

было ни одного дня, ни ночи, ни полночи, ни часа, ни малѣйшей части времени, когда бы не дремлющіе глаза его видимы были сухими: то общія, то свои, какъ говорилъ, оплакивалъ онъ прегрѣшенія. Впрочемъ, источники слезъ своихъ очей онъ мудро отводилъ воздыханіями, или, лучше изліяніями глазъ вызывалъ воздыханія. И была удивительная смѣна того и другаго, потому что одно казалось причиною другаго. Слезы у него пораждали воздыханія, а воздыханія опять слезы, и причина была для многихъ неизвѣстна; онѣ не раздѣлялись промежуткомъ времени, но постоянно воздыханія смѣнялись слезами и слезы воздыханіями, и когда происходилъ (такимъ образомъ) нѣкоторый кругъ, то начало и причина того и другаго скрывалась. Въ этомъ убѣдится всякій, кто займется его писаніями. Ибо онъ найдетъ его плачущимъ не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ о покаяніи, о нравственности и правилахъ доброй жизни; но и въ самыхъ торжественныхъ его словахъ, гдѣ почти всѣ привыкли видѣть радостный тонъ изложенія. Таковъ онъ былъ вездѣ и постоянно изобиловалъ даромъ сокрушенія сердечнаго. А потому и нынѣ воззываетъ къ истинной жизни почти всѣхъ, слушающихъ его поученія: таковую силу стяжало его боговдохновенное слово, растворенное слезами! Въ самомъ дѣлѣ кто будетъ такъ жестокъ и

окаменеть сердцемъ, чтобы, послушавъ его рѣчей, не смягчился, и отвергнуши жестокость нрава не сокрушился печалію о своихъ порокахъ? Кто до такой степени дикъ и звѣро-нравенъ, чтобы склонивъ слухъ къ его душе-полезному ученію, тотчасъ не сдѣлался кроткимъ, скромнымъ и благонравнымъ? Кто предаваясь только удовольствіямъ и радостямъ жизни и не любя плакать, послушавъ его и не многихъ словъ, не восплачетъ и не возрыда-етъ и не приведетъ себѣ на память будущаго воздаянія за все сдѣланное въ своей жизни?

«Варить камень», говоритъ языческая поговорка, когда хотятъ сдѣлать что-нибудь невозможное; намъ же возможность сего ясно показалъ опытъ. Ибо сей божественный старецъ души ожесточенныя и непреклонныя убѣждалъ и къ бодрствованію надъ собою и къ послушанію. Въ самомъ дѣлѣ, кто, прочитавши его слово о смиреніи, тотчасъ не возненавидитъ самолюбія и не признаетъ себя ничтожнѣйшимъ всѣхъ? Кто прочитавъ его слова о любви, не будетъ готовъ, ради любви, подвергнуть себя опасности всякаго рода? Кто изучивъ написанное имъ о дѣвствѣ, не постарается представить себя чистымъ предъ Богомъ и душевно и тѣлесно? Кто остановившись на поученіяхъ его о судѣ, или о второмъ пришествіи Христовомъ, не вообразитъ себѣ, что онъ какъ бы предстоить предъ

онимъ судилищемъ, и устранившись не представитъ себѣ, что противъ него уже произносится послѣдній приговоръ? Ибо такъ этотъ славный и прозорливѣйшій мужъ изобразилъ будущее судилище Божіе, что для пріобрѣтенія большаго познанія о немъ не осталось ничего другаго, какъ только опытно извѣдать и испытать его на самомъ дѣлѣ.

Таковыя-то представленія суда (Божія), имѣя всегда въ умѣ, блаженный избѣжалъ міра и того, что въ мірѣ, онъ удалился *блгая*, какъ сказано въ Писаніи, и водворился *въ пустыни* (Пс. 54, 8), внимая только себѣ и Богу и чрезъ то возрастая въ добродѣтеляхъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ, что жизнь пустынная освобождаетъ избравшаго оную отъ мірскихъ тревоженій и чрезъ молчаніе содѣлываетъ его собесѣдникомъ Ангеловъ, и насколько возможно, возвышаетъ умъ до созерцаній божественныхъ. Когда же Духъ Святый, назначая его къ назиданію многихъ, возбуждалъ его къ перемѣнѣ одного мѣста на другое, онъ не колебался и не противился; ибо какъ не всякій другой, онъ былъ послушенъ велѣніямъ божественнымъ. Посему, подобно дивному Аврааму, получивъ повелѣніе оставить отечество, онъ поселился въ городѣ Едессянъ, ибо справедливость требовала, чтобы солнце долѣе не скрывалось подъ землею. По двумъ причинамъ онъ переселился въ Едес-

су: чтобы посѣтить тамошнія святыя мѣста, а затѣмъ и главнымъ образомъ, чтобы найти ученаго мужа, отъ котораго могъ бы получить или которому могъ бы сообщить плодъ вѣдѣнія.

Итакъ приблизившись къ городу, онъ, при самомъ входѣ въ оный, какъ говорятъ, вмѣсто мужа любомудраго, котораго желалъ встрѣтить, встрѣтился съ одною блудницею. И такъ какъ ему представилось иное зрѣлище, чѣмъ то, какого онъ ожидалъ: то встрѣча эта его тяжело поразила; посему онъ пристально посмотрѣвъ на блудницу, какъ обманувшійся въ своей надеждѣ, хотѣлъ отойти; она же замѣтивъ, что онъ пристально взглянулъ на нее, и сама начала внимательно смотрѣть на него. Тогда мудрый (Ефремъ) спросилъ ее: «скажи мнѣ, женщина, что ты такъ пристально смотришь на меня?» Она отвѣчала: «Я смотрю какъ мнѣ слѣдуетъ и прилично, потому что я взята отъ тебя, мужа, а ты, такъ какъ взять отъ земли, лучше смотри не на меня, а въ землю.» Выслушавъ такой неожиданный отвѣтъ, мудрый мужъ призналъ его для себя весьма полезнымъ, и посему прославилъ непостижимое могущество Бога, который даруетъ намъ то, чего надѣялись, и чрезъ то, чего не надѣялись (Римл. 4, 18.).

Когда же изъ Ефессы, путеводимый Духомъ Святымъ, пришелъ Ефремъ въ Кесарію Кап-
Гр. Иссск. Ч. VIII.

падокійскую, то тамъ онъ увидѣлъ великаго Василя — уста церкви, златаго пѣвца догматовъ. Узрѣвъ его, старецъ началъ ублажать многими похвалами; ибо прозорливымъ окомъ онъ усмотрѣлъ, что на правомъ плечѣ Василя сидѣлъ блестящій голубь, который внушалъ ему слова ученія, а онъ передавалъ ихъ народу. По внушенію сего же учительнаго досточтимаго голубя и Василій извѣстился о прибытіи его и узналъ, что это Ефремъ Сиріянинецъ. Такъ оба они взаимно насладились благовременнымъ духовнымъ сближеніемъ, и тяжелый трудъ пути доставилъ пользу Ефрему.

Природная непорочность жизни Ефрема располагала его избѣгать всего вреднаго. Она побуждала его предусмотрительно избирать лучшее и остерегаться худшаго, — изъ помысловъ допускать только одни отборные, чистые, наиболѣе пригодные при выборѣ добра и въ особенности тѣ, кои не препятствовали бы дѣлу ученія. Ибо этому божественному старцу Христосъ преизобильно даровалъ талантъ слова, который предлагать на трапезѣ торжниковъ въ душевную пользу народнаго множества, прежде всѣхъ другихъ приносило пользу ему самому. Говорятъ, самъ о себѣ онъ сказывалъ, что какъ только вышелъ изъ нѣжнаго дѣтскаго возраста, то имѣлъ таинственное видѣніе, будто на языкѣ его произрасла весьма многоплодная виноградная лоза.

которая до того разраслась, что наполнила всю землю, и всѣ небесныя птицы слетались питаться плодами ея; сама же лоза, чѣмъ больше птицъ прилетало и клевало съ нея, тѣмъ болѣе изобиловала ягодами. Кромѣ сего, вотъ еще что одинъ прозорливый мужъ засвидѣтельствовалъ о Ефремѣ: видѣлъ я, говоритъ онъ, что множество Ангеловъ сходятъ съ небеси и несутъ въ рукахъ книгу, исписанную внутри, и снаружи; и будто этотъ явившійся священный ликъ такъ между собою разговаривалъ: кому должно вручить эту книгу? Въ отвѣтъ на это, одни изъ нихъ присуждали ее тому, другіе—другому, иные—иному, кто только въ то время пользовался извѣстностію; потомъ перебравъ и оцѣнивъ всѣхъ, сказали: что хотя сіи люди по истинѣ святыя и рабы Божіи, но они не могутъ взять въ свои руки оную книгу. И сколько многихъ изъ тогдашнихъ святыхъ ни перечисляли, ни на одномъ изъ нихъ неостановились; наконецъ, съ общаго согласія изрекли, что книгу сію никто въ руки свои принять не можетъ, кромѣ Ефрема. Сказываютъ, что прозорливецъ тотъ видѣлъ и то, что божественныя Ангелы передали оную книгу Ефрему. Послѣ сего таинственнаго видѣнія, онъ вставши ночью пошелъ въ церковь и, когда услышалъ самого Ефрема, поучающаго словомъ обильнымъ и благодати исполненнымъ, понимая, что значить это видѣніе, прославилъ

Бога и подивился о такомъ богатомъ дарѣ слова, сообщенномъ сему Святому. Ибо такое даровано было ему обиліе мудрости, что хотя потоки рѣчи его непрерывались, но они не были достаточны для выраженія его мыслей, что зависѣло не столько отъ его медленно-язычности, сколько отъ обилія его мыслей, такъ что языкъ его, хотя скоро выражалъ мысли другихъ, былъ однако же гораздо медлительнѣе для выраженія его собственныхъ умосозерцаній. Поэтому, говорятъ, сей великій старецъ сдерживая въ себѣ неудержимый даръ высокихъ словъ, въ молитвѣ о себѣ самомъ къ Богу такъ говорилъ: «судержи, Господи, волны твоей благодати!» Ибо волнуемая подъ языкомъ его пучина ученія не позволяла ему выносить набѣгающія одна на другую волны мыслей, когда органы слова отказывались служить изящному ихъ выраженію. Поученія же Ефрема не прерывались ничѣмъ инымъ, какъ только одною молитвою; за нею слова, за словами слезы, за слезами—опять молитва. И было въ его словъ другое слово; а лучше и соотвѣтственнѣе всего сказать, онъ и во время самага слова постоянно былъ занятъ созерцаніями божественными.

Самую плоть свою умертвилъ для наслажденій и чрезъ воздержаніе подчинивъ владычеству ума, онъ, по укрощеніи ея постомъ, со-

дѣлалъ непреклонною ко всему запрещенному, а упорною въ стремленіи ко всему полезному и содѣйствующему спасенію души. Даже ночи, обольщавшія его сонными мечтаніями, не поставляли ему преграды на пути добродѣтели; ибо, при наступленіи своемъ, находя его трезвеннымъ, при исчезновеніи оставляли бодрственнымъ, такъ какъ онъ много заботился о томъ, дабы рука онаго начальника тьмы не уловила его спящаго. На сонъ же онъ употреблялъ столько времени, сколько необходимо было для поддержанія жизни, дабы совершенное извращеніе естественнаго порядка не подвергло тѣлесную природу насильственному разрушенію. Чтобы удалить сонъ и отогнать его отъ очей, онъ употреблялъ много разныхъ средствъ, преимущественно возлежаніе на голой землѣ, суровую жизнь и всевозможное изможденіе своей плоти; этими преимущественно средствами обыкновенно подавляется склонность ко сну.

Нестяжательности достигъ такой, которая была развѣтолько у божественныхъ Апостоловъ. Поэтому если кто назоветъ его образцемъ нестяжательныхъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо мы имѣемъ его собственныя сладчайшія и блаженныя слова, которыя онъ, предъ отшествіемъ въ небесныя обители, оставилъ намъ какъ наставленіе въ нестяжательности. Слова сіи таковы: «у Ефрема никогда

не было ни кошелька, ни посоха, ни сумы (Матѣ. 10,10.); я не приобрѣлъ ни золота, ни серебра, ни другой какой собственности на землѣ, ибо я слышалъ слова благаго царя, сказавшаго въ Евангеліи своимъ ученикамъ, чтобы они ничего не приобрѣтали на землѣ; поэтому меня ничто и не привлекало къ вещамъ подобнаго рода». Такимъ образомъ поелику онъ пренебрегалъ славою и богатствомъ, и болѣе возлюбилъ совершеннѣйшее, то и здѣсь онъ является соперникомъ Апостоловъ въ стремленіи къ равному съ ними совершенству.

Нужно ли говорить что-нибудь объ его смиренномудріи, когда каждое его слово и писаніе явно гласятъ намъ объ этой добродѣтели, къ которой онъ и стремился преимущественно предъ другими? Да и какимъ образомъ тотъ, кто вызывалъ слезы слезами, кто по своему суровому и чуждому удовольствію образу жизни, какъ говоритъ писаніе, *пепелъ яко хлѣбъ ѣлъ и питіе съ плачемъ* растворялъ (Пс. 101, 10.) могъ преткнуться душевною стопою о камень гордости или самоувѣрія? Могъ ли страдать гордостію тотъ, кто пренебрегалъ всякою человѣческою славою, и если во время земной жизни кто нибудь хвалилъ его, то со скорбію переносилъ это, часто мѣнялся въ лицѣ и опускалъ голову къ землѣ, покрывался легкимъ потомъ, упорно

безмолствовалъ, какъ будто стыдъ связывалъ языкъ его?

Отходя же въ блаженную и вѣчную жизнь, онъ опять съ сильнымъ прещеніемъ возвращаясь подобныя похвалы себѣ, говоря: «не слагайте пѣсней о Ефремѣ, не говорите ему похвальныхъ рѣчей, не погребайте меня въ драгоценной одеждѣ, не воздвигайте особаго памятника надъ тѣломъ моимъ; ибо мною данъ обѣтъ Богу быть странникомъ среди чужеземцевъ: *пресельникъ азъ и пришлецъ, яко же вси отцы мои*» (Пс. 38, 13.). Такимъ образомъ ты имѣешь въ обиліи ясныя свидѣтельства и объ этой добродѣтели, точно также какъ и о прочихъ.

Что же касается милосердія и состраданія; то истина требуетъ и повелѣваетъ признать его не только исполнителемъ, но и учителемъ сихъ добродѣтелей. Потому что при совершенной нестяжательности, не имѣя возможности подавать что-либо нуждающимся, онъ исполнялъ дѣло милосердія тѣмъ, что своими частыми увѣщаніями возбуждалъ къ милосердію другихъ. Ибо его слово, и приличность отсутствія его, было богоустроеннымъ ключемъ, отпиравшимъ сокровищницы богатыхъ и раздававшимъ нуждающимся необходимое. А одного взгляда на ангелоподобный видъ его, въ которомъ отражалась простота, кротость и великая доброта, достаточно было,

чтобы расположить къ состраданію и милосердію человѣка самаго неумолимаго. И кто до такой степени былъ лишенъ всякаго стыда, чтобы при взглядѣ на него не покраснѣть и не сдѣлаться, такъ сказать, лучшимъ самого себя?

Можетъ быть, кто нибудь слыша о такомъ множествѣ совершенствъ въ этомъ божественномъ мужѣ, подумаетъ, что ему недоступна была глубина (разумѣнія) церковныхъ догматовъ. Имѣлъ ли онъ, скажетъ, на это время, отвлекаемый отъ сего исполненіемъ столь многихъ добродѣтелей? Но у него не поверхностно было знаніе божественныхъ догматовъ, потому что онъ владѣлъ имъ не въ такой только мѣрѣ, чтобы поговорить съ другими и предложить увѣщаніе; но ему хорошо было извѣстно и то и другое: и самыя догматы церкви и то, что осмѣливается имъ противорѣчить; первые на столько, насколько нужно было для успѣха изучившему, послѣдніе, чтобы обличать еретиковъ; ибо онъ пылалъ ревностію противъ этихъ звѣрей церкви. Поэтому-то и до насъ дошло одно неписанное сказаніе, которое ясно показываетъ его ревность по истинѣ, такого рода. Легкомысленный или лучше сказать безумный и бессмысленный Аполлиарій, измыслившій и отпрыгнувшій изъ своего чрева много новизны, составилъ противное благочестію сочи-

неніе, въ двухъ книгахъ. Эти книги для хранения онъ вручилъ какой-то женщинѣ, бывшей, какъ шла молва, съ нимъ въ связи. Когда великому Ефрему стало извѣстно объ этомъ сочиненіи, то сей мудрый, принявъ на себя видъ его единомысленника, приходитъ къ женщинѣ, хранившей эти нечестивыя книги, знакомится съ нею, приноситъ ей подарки, какъ бы на благословеніе отъ пустыни, выдумываетъ, быть можетъ, нѣчто и другое. За тѣмъ проситъ дать ему сочиненія учителя, для полезнаго, какъ говорилъ, употребленія, чтобы онъ могъ успѣшнѣе бороться съ еретиками (это насъ онъ такъ называлъ). Она же по недогадливости, обманувшись сочла его однимъ изъ послѣдователей Аполлинарія и отдала эти книги Ефрему, прося его поскорѣе возвратитъ ихъ. Этотъ же (новый) великій Іаковъ загнувшій сквернаго Исава (Быт. 27, 36.) и похитившій лукаваго первенца его мыслей, мудро поступилъ; ибо онъ склеилъ всѣ листы, вымазавъ ихъ рыбьимъ клеемъ, и изъ всей книги сдѣлалъ одну массу, такъ какъ сильная склейка не позволяла отдѣлать одну страницу отъ другой. Отдѣлавши такъ эти двѣ книги, онъ возвратилъ той женщинѣ, которая дала ему ихъ. Она какъ женщина, и притомъ незнавшая о хитроумномъ умыслѣ, видя по наружности книги цѣлыми, не стала внимательно разсматривать того, что было

внутри. По прошествіи же нѣсколькихъ не многихъ дней, божественный старецъ предлагаетъ нѣкоторымъ изъ православныхъ вызвать нечестиваго Аполлинарія на состязаніе. Тотъ принявъ это приглашеніе и сильно надѣясь на нечестивыя книги, явился въ назначенный день. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вести преніе на словахъ онъ отказался, а просилъ привести къ нему книги, чтобы по нимъ можно было давать отвѣты и возражать. Какъ скоро соучастники его принесли книги, сильно гордясь ими, то этотъ не на добро состарѣвшійся въ многолѣтней неправдѣ судія, начинаетъ раскрывать одну изъ книгъ. Когда же намазанные клеємъ листы не дозволяютъ этого, онъ старается сдѣлать это по срединѣ книги, но и тамъ она оказывается склеенною. Оставивъ въ покоѣ первую, принялся за другую; но увидавъ, что и въ той тоже нельзя раздѣлить листовъ и развернуть ее, отъ стыда измѣнился въ лицѣ, и отъ неудачи такъ упалъ духомъ, что удалившись изъ собранія, впалъ въ совершенное уныніе и болѣзнь, и наконецъ чуть было не умеръ, будучи не въ силахъ вынести такого униженія. Таковъ былъ въ своей ревности о благочестіи великій отецъ нашъ и учитель Ефремъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда не было нужды въ борьбѣ, онъ показывалъ кротость и миролюбіе, а въ другихъ,

особенно когда представлялась какая нибудь опасность для вѣры, являлся твердымъ и суровымъ, дѣйствовавшимъ мудро всѣми средствами, какихъ требовало время. Такимъ образомъ и въ своей ревности о славѣ Божіей онъ былъ не меншимъ, чѣмъ въ своихъ великихъ постахъ, слезахъ и непрестанныхъ молитвахъ, а лучше сказать, гораздо большимъ, потому что все то служило на пользу одному подвижнику, а это вело къ общему благу. Истинная слава хорошаго охотника выказывается въ борьбѣ съ дикими звѣрями, отличнаго кормчаго, — во время противныхъ кораблю вѣтровъ, мудраго врача, — при трудноизлечимыхъ болѣзняхъ, храбраго воина, въ минуту жестокой битвы со врагомъ; и слава подвижника и ревнителя благочестія, — въ минуту опасностей и нестроений, когда требуется спасать себя и другихъ отъ наводтовъ. И такъ, не было такого рода добродѣтели у кого либо изъ древнихъ подвижниковъ, въ которой и онъ не преуспѣлъ бы. Душу его можно сравнить съ источникомъ, струящимся разнообразными потоками, гдѣ прекрасно соединены польза, сладость, пріятность; или съ лугомъ, украшеннымъ различными душистыми цвѣтами; или съ небеснымъ сводомъ, блистающимъ различными свѣтилами; или съ раемъ во Едемѣ, какъ извѣстно, свѣтло украшеннымъ безчисленными плодовитыми деревьями (за ис-

ключеніемъ впрочемъ того, что сей рай былъ недоступенъ для лукавѣйшаго змія,—виновника нашего изгнанія); или вообще со всѣми тѣми прекрасными и пріятными предметами, которые природа украсила многими и различными совершенствами. Таковою разумѣй блаженную душу великаго Ефрема, отовсюду украшенную многими видами добродѣтелей, потому что въ теченіе всей своей жизни сей дивный мужъ полагалъ свою заботу въ томъ, чтобы стяжать всецѣлую добродѣтель, одинъ старался приобрѣсть всѣ совершенства.

Подражая богопріятному жертвоприношенію перваго въ числѣ праведныхъ, Авеля, онъ подобно священнику принесъ Господу не приношеніе отъ агнцевъ и не тукъ, но жертву безкровную, разумное служеніе, все-сожигаемое чистотою жизни; во всемъ будучи равенъ ему, за исключеніемъ того, что не погибъ отъ лукаваго убійцы, но преставился отъ сей жизни подобно ему, избѣжавъ сѣтей чловѣконенавистника демона, и ставъ выше его коварныхъ замысловъ. Соревнуя Еноху въ его упованіи, онъ не только призывалъ самъ имя Господа Бога, но научилъ вмѣстѣ съ нимъ призывать оное и другихъ. Онъ заботился не о томъ, чтобы подобно Еноху странно предложиться отъ земли въ рай, но чтобы прейти отъ вещественныхъ пристрастій въ область духа. Ною онъ уподобился

не тѣмъ, что въ деревянномъ ковчегѣ спасъ небольшую часть человѣческаго рода; но тѣмъ, что оградивъ отовсюду свою душу не вредимѣ прешель тревоженіе жизни, ничего не утративъ изъ груза добродѣтели. Подражая во многомъ другомъ Аврааму, какъ на примѣръ: въ вѣрѣ и кротости, въ любви къ Богу, особенно же въ удаленіи отъ міра, какъ тотъ изъ отечественной земли и родства, онъ подражалъ ему и въ жертвоприношеніи однороднаго тѣмъ, что какъ добровольное приношеніе принесъ Богу собственное тѣло, *умертвивъ чрево, яже на земли* (Кол. 3, 5.). Исааку онъ подражалъ въ добровольной готовности умереть, но не отъ отца, какъ тотъ. Ибо онъ на всякъ день принося себя, подобно Апостолу, въ жертву, тѣломъ, сколько то зависѣло отъ произволенія, предавалъ себя въ жертву, духомъ же жилъ и жилъ Богу чрезъ чистое приношеніе своего тѣла, какъ бы овна. Іакову въ томъ, что запнулъ сквернаго Исава, то есть родоначальника ересей и восхитилъ первородство,—правые догматы церкви, и въ томъ еще, что видѣлъ не лѣствицу, простирающуюся отъ земли до неба, но огненный, до неба достигающій столпъ, какъ бы озарившій большимъ свѣтомъ глубину таинства. Кромѣ того, приближаясь къ отрѣшенію отъ тѣла, подобно Іакову, онъ изрекаетъ благословенія ученикамъ своимъ, какъ

тотъ своимъ сынамъ, и если кто тщательно вникнетъ въ сіи благословенія, подумаетъ, что это рѣчи самаго великаго Іакова. Іосифу особенно уподобился цѣломудріемъ, тѣлесною непорочною и чистою, а гораздо болѣе раздаяніемъ слова, подобнымъ Іосифову раздаянію хлѣба.

Въ весьма многомъ, если только не во всемъ, онъ уподобился также Моисею; ибо и онъ убѣжалъ отъ волхвователя Фараона, и водворился въ пустыни, и видѣлъ Бога насколько-то возможно для созерцанія, и совершалъ чудеса, и руководилъ народъ въ качествѣ учителя, и прехитрилъ Египтянъ, похитивъ ихъ богатства, то есть плѣнивъ еретическія книги и восторжествовавъ надъ ними, и раздѣлилъ море,—соленныя и негодныя для питія воды невѣрія, и перевелъ народъ,—общество православныхъ; потопилъ онъ также слугъ Фараона,—безбожныя порожденія еретиковъ, и обратилъ въ бѣгство Амалика, если желаешь назвать этимъ именемъ кого-либо изъ еретиковъ. (Онъ) принялъ отъ Бога законъ православія и передалъ его всѣмъ намъ; видѣлъ на горѣ и образецъ скиніи, не Моисеевой, но будущаго страшнаго суда и устроенія; законоположивъ правила священства, тѣмъ содѣлалъ совершенными священниковъ; извелъ воду изъ камня, заставивъ каменные сердца источить слезы; какъ и тотъ, онъ напиталъ насъ небеснымъ хлѣбомъ, пред-

ложилъ всѣмъ словеса любви, чѣмъ преимущественно укрѣпляется всякая душа и съ дерзновеніемъ приступаетъ къ тому божественному и таинственному хлѣбу, который изшелъ для нашего спасенія изъ лона Отчужденія. Далъ онъ и крастелей, научивъ насъ вѣрныхъ памятованіемъ о Богѣ возноситься отъ земли къ небу и мысленно зрѣть тамошнія красоты. Словомъ, —если захочешь сравнить достославныя дѣянія сего отца съ подвигами древнихъ, то совершенно не найдешь ничего, въ чемъ бы онъ уступалъ имъ. Подобно Иисусу Навину онъ раздѣлилъ Иорданъ, —то есть заключенныя для подаенія руки богачей расторгнулъ для благотворительности; и народу раздѣлилъ землю, но не земнаго обѣтованія, а небеснаго царства. Какъ Самуилъ, онъ еще въ отрочествѣ посвященъ былъ Богу и слышалъ божественный гласъ. Какъ великій Илія, онъ посрамилъ студныхъ жрецовъ, и не разъ, но часто низводилъ мысленный огонь на словесную жертву, и возсѣдая на огненной колесницѣ добродѣтели, вознесся не въ эфирныя, но въ небесныя высоты. Какъ Елисей, онъ стяжалъ сугубую благодать Духа, и какъ пророки, часто удостоивался богоявленія. Наше слово дерзаетъ даже сопоставить его съ тѣмъ, выше котораго не было въ рожденных женами, съ посредникомъ между закономъ и благодатію. Какъ Предтеча онъ вселился въ пустынь, и къ нему было слово Божіе, и онъ

трудился какъ проповѣдникъ покаянія и училъ приходящихъ исповѣдывать грѣхи. Какъ Павелъ, сосудъ избранія, подвергся всяческому искушеніямъ и неутомимо разсѣивалъ сѣмена покаянія, какъ тотъ сѣмена вѣры. Но зачѣмъ сравнивать его порознь съ каждымъ изъ сихъ (святыхъ мужей), когда вся вселенная еще полна его добродѣтелями? Когда дѣла на лицѣ, излишня длинная рѣчь. Продолжительность слова обращается даже къ умаленію славы добродѣтелей, какъ будто бы давая разумѣть, что дѣла самихъ по себѣ не достаточно для славы, но что онѣ нуждаются еще въ помощи слова. Но какъ самую пріятную приправу нашего слова, мы должны присоветовать здѣсь и разсказъ о его славной и чудесной кончинѣ.

Приближаясь къ отшествію на небеса, этотъ богоносный мужъ завѣщалъ присутствовавшимъ и повелѣлъ имъ не погребать тѣла его въ драгоценной одеждѣ; если же какой-нибудь почитатель святаго отца задумалъ бы что подобное, или приготовилъ, то ни въ какомъ случаѣ не приводить въ исполненіе сего намѣренія, но то самое, что назначено было бы на его погребеніе, отдать нищимъ. И вотъ одинъ изъ предстоящихъ, человекъ знатный, приготовившій драгоценную одежду съ намѣреніемъ погребсти въ ней тѣло божественнаго старца, услышавъ это завѣ-

шаніе, опечаллся и не захотѣлъ отдавать бѣднымъ заготовленное платье, почитая гораздо лучшимъ въ своемъ умѣ, раздать неимущимъ деньги, которыхъ стоило платье. Пораженный лукавымъ демономъ, онъ тотчасъ же за непослушаніе потерпѣлъ страшное наказаніе, будучи повергнутъ имъ предъ одромъ преподобнаго старца въ бѣшенство съ пѣною на устахъ. Тогда исполненный состраданія, чловѣкъ Божій спросилъ мучившагося: какое ты сдѣлалъ беззаконіе, за которое подвергся такому бѣдствію? Тотъ, вставъ по его приказанію, хотя у него и былъ еще ослѣпленъ демономъ умъ, рассказалъ о своемъ тайномъ размышленіи и открылъ свое непослушаніе. Сострадая раскаявающемуся, старецъ возложилъ на него святыя руки и, молитвою освободивъ его отъ страданій, возвратилъ ему здоровье, сказавъ ему притомъ; «исполни свой обѣтъ, который ты прежде далъ»!

Совершивъ это чудо предъ концемъ жизни и возбудивъ присутствовавшихъ многими увѣщаніями къ ревности о добродѣтели, какъ показываетъ то послѣднее его слово, онъ отплылъ къ безмятежной пристани вѣчнаго царства, гдѣ съ радостію и былъ принятъ. Ибо гдѣ должны мы представлять себѣ мѣсто упокоенія души его? Очевидно въ обителяхъ небесныхъ, гдѣ чины Ангеловъ, гдѣ лжи Пророковъ, гдѣ престолы Апостоловъ, гдѣ

радость мучениковъ, веселіе преподобныхъ, гдѣ сіяніе учителей, гдѣ торжество перво-родныхъ и чистые лики тамъ празднующихъ. Въ эти блаженные обители, куда и Ангелы желаютъ проникнуть, въ эту священную страну вселилась многоблаженная и святая душа блаженнаго и достославнаго отца нашего Ефрема. Я думаю, во время восхожденія души его на небо, ее сопровождали всѣ добродѣтели его жизни, и каждая изъ нихъ показывала ей оныя неизреченныя и невидимыя красоты; и быть можетъ высшая изъ всѣхъ добродѣтелей любовь, приступивъ къ ней, такъ сказала: «посмотри, возлюбленная душа, какъ прекрасно то, что я для тебя приготовила, — и съ этими словами показала на предметы наслажденій; затѣмъ смиренномудріе, притекши къ ней, сказало: «воззри, возлюбленная Богомъ душа, какое мѣсто упокоенія мною приготовлено тебѣ,» такъ и всѣ другія (добродѣтели) поочередно говорили ей и показывали тѣ награды, которыя за любовь и труды понесенныя для нихъ на землѣ, исходатайствованы были ими наконецъ. О достохвальное и возбуждающее ревность подражанія преставленіе! О смерть ненуждающаяся въ слезахъ! О разлученіе, сподобляющее желаннаго союза! О преселеніе, незаставляющее раскаяваться преселяющагося! О погребеніе, чуждое сожалѣнія! Ибо мы почерпаемъ утѣше-

ніе изъ того самаго, въ чемъ удивляемся его дѣламъ. Тогда какъ смерть другихъ людей бываетъ причиною слезъ для оставшихся; причина праведныхъ доставляетъ радость и торжество, потому что это не смерть, а скорѣе преставленіе и переселеніе въ лучшую жизнь.

Вотъ надгробныя похвалы, лучшей изъ отцевъ и учитель вселенной, которыя приносятъ тебѣ нашъ дерзновенный языкъ, какъ даръ однакоже тебя недостойный,—приносить не потому, чтобы ты нуждался въ нихъ, (ибо какую славу доставить слово, далеко уступающее достоинству прославляемаго?) но скорѣе для того, чтобы принести пользу живущимъ, потому что прославленіе святыхъ мужей, для большей части служить самымъ сильнымъ возбужденіемъ и поощреніемъ къ совершенству. Впрочемъ побудили насъ къ сему слову и содѣлали дерзновенными и многія другія причины. Я не говорю о разнообразныхъ достоинствахъ, о жизни и ученіи, о которыхъ говоритъ вся вселенная; самая главная причина,—это дивное заступленіе и освобожденіе, оказанное тобою твоему соименнику, который и побудилъ насъ предпріять сей трудъ. Взятый и уведенный въ плѣнъ варварами, потомками Измаила, немалое время жившій вдали отъ отечества, онъ задумалъ возвратиться на родину, но не зная надежныхъ путей, онъ удостоился твоего дивнаго заступничества;

тобою былъ указанъ ему путь, наиболѣе удобный для спасенія и онъ безошибочно достигъ той цѣли, къ которой стремился. Ибо онъ, находясь въ величайшей опасности и ожидая смерти (такъ какъ путь былъ усѣянъ варварами), какъ только вспомнилъ твое имя и воззвалъ: «Святый Ефремъ помоги мнѣ», невредимо избѣжалъ опасности заблудиться и освободился отъ страха, неожиданно спасся, и ограждаемый твоимъ леченіемъ сверхъ ожиданія возвратился въ отечество. Посему то я дерзнулъ пространно изложить то, что сказано мною, и нечистыми устами осмѣлился произнести хвалу ему. Если въ этомъ словѣ и достигли мы чего-либо достойнаго тебя, то виновникомъ этого успѣха признаемъ твое содѣйствіе и благодаримъ тебя; а если наши хвалы ниже твоего достоинства, то и въ этомъ несоотвѣтствіи тебя же признаемъ виновникомъ, хотя эти слова и нѣсколько дерзки. Потому что ты, желая избѣжать цохвалъ, какъ это дѣлалъ во время жизни, такъ и по смерти, по любви къ смиренномудрію воспрепятствовалъ желающимъ прославлять тебя. Но какъ бы то ни было, то ли, или другое, сколько было возможно, мы исполнили нашъ святой долгъ и вѣримъ, что и ты неотвратишься отъ насъ, пламенныхъ читателей нашего отца, но примешь наши похвалы, какъ любезный для отца дѣтскій лепетъ. Ты же, предстоя предъ

божественнымъ жертвенникомъ и вмѣстѣ съ Ангелами служа живоначалной и пресвятой Троицѣ, помини всѣхъ насъ, прося объ отпущеніи нашихъ грѣховъ и о полученіи вѣчнаго царства, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, которому Слава со безначальнымъ Отцемъ и божественнымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

ПАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:	
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
4 —	4 снизу	по	по
6 —	18 свер.	надъ ними	надъ нимъ
8 —	4 —	Царств.	4 Царств.
18 —	7 —	<i>отъ дутъ</i>	<i>отъ душъ</i>
19 —	8 —	<i>возжажда</i>	<i>возжада</i>
29 —	15 —	<i>оинецъ</i>	<i>инецъ</i>
60 —	11 —	бросится	броситься
64 —	3 —	<i>въ животь семъ</i>	<i>въ животь семъ точію</i>
68 —	6 —	вличіе	величіе
79 —	4 снизу	производитъ	производитъ
102 —	5 сверх.	<i>по дни</i>	<i>во дни</i>

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРІГОРІЯ НИССКАГО:

НАПЕЧАТАНО:

ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
399	сверх. 19	жизнь Іерем. (20, 14)	жизнь (Іерем. 20, 14).
472	снизу 7	тебя	тебѣ
516	— 17	посмѣиваюсь	посмѣваюсь

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

806	сверх. 17	Προνι.	Πονι.
814	— 16	Если два было пѣвца, по четыре псалма, если три, то каждый пѣлъ по шести псалмовъ.	если два было пѣвца, то каждый пѣлъ по шести псал- мовъ, если три, то по че- тыре псалма.
832	снизу 4	Есер. Grdc.	Gloss. Graecit.
888	снизу 7	туга	туча.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ТВОРЕНИЯХЪ ГРИГОРИЯ НИССКАГО:

Напечатано:		Должно читать:
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	
141	сверху 11 ,	,—
150	снизу 2 демоны	демоны
156	сверху 8 отсюду	отвсюду
163	— 2 Моисево	Моисеево.
165	— 4 Иордана	Иордана
167	— 6 просили чтобъ	просили, чтобъ
—	— 7 убѣдился что	убѣдился, что
—	— 16 любомудрствуя,	любомудрствуя
171	снизу 6 такъ и сей	такъ и сей.
182	— 15 тираннами,	тираннами
189	— 13 молитвою,	молитвою

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

303	снизу 1 оныхъ	онѣхъ
312	— 10 какъ сынъ	онъ какъ сынъ
318	— 8 язычество	язычество,
320	сверху 4 Иусуса	Иисуса
329	— 8 330	339
—	— 21 судопроизводства	судоустройства
335	— 22 <i>прѣрчи</i>	<i>прѣорчи</i>
344	— 14 Повесть	Павель
345	снизу 1 законы	законы
346	сверху 1—2 епископа	епископа
—	— 20 апископа	епископа
348	— 20 низверженіи	изверженіи
357	— 2 свводу	выводу
360	снизу 4 анаѳемствуемъ	анаѳематствуемъ
—	На 24-мъ и 25-мъ листахъ счетъ	страницъ невѣренъ
362	сверху 5 какошь	канонъ

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ СОВѢТА М. Д. А.

74	снизу 13 возможнымъ	возможнымъ
78	сверху 5 свѣдѣія	свѣдѣнія
79	— 19 со	до
80	снизу 4 дѣятельность	дѣятельность,—
93	сверху 13 званіе	званіи
94	— 10 требованіямъ удовлетворя-	удовлетворяющее требова-
	ющее	ніямъ
95	— 12 Правленіе	Правленія
99	— 6 Практическое Отдѣленіе	Практическаго Отдѣленія
103	снизу 9 духовой	духовной

СОДЕРЖАНІЕ

ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Слово на день свѣтовъ, въ который крестился нашъ Господь.....	1
Слово на св. Пасху, и о тридневномъ срокъ воскресенія Христова.	26
Слово на св. Пасху о воскресеніи; сказано въ великій день воскресный.....	56
Слово на Святую и спасительную Пасху.....	88
Слово на день, называемый по мѣстному обычаю у Каппадокійцевъ: <i>Ἐπισκοπή</i> то-есть на праздникъ вознесенія Господа нашего Іисуса Христа.....	92
Слово о Святомъ Духѣ.....	98
Похвальное слово Святому Первомученику Стефану.....	105
Слово о жизни Святаго Григорія Чудотворца.....	127
Похвальное слово великомученику Θεодору (Тирону).....	199
I. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	214
II. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	223
III. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ, произнесенное во храмъ ихъ.....	240
Похвальное слово преподобному отцу нашему Ефрему....	259

Слово въ день памяти Василя Великаго, роднаго брата..	296
О жизни преподобной Макрины, сестры Василя Великаго (къ Олимпію монаху).....	328
Надгробное слово Мелетію Великому, Епископу Антиохій- скому.....	376
Надгробное слово Пульхеріи.....	391
Надгробное слово императрицѣ Плакилль.....	407
Каноническое посланіе къ святому Литоію, епископу Меле- тинскому.....	425
Письма.....	444
